

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Новокузнецкий филиал-институт
Кемеровского государственного университета»

На правах рукописи

Рябцева Мария Александровна

ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КОНЦЕПТОСФЕРЕ
ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ КОНЦЕПТОСФЕР *COUNTRY HOUSE* И *УСАДЬБА*
В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА)

10.02.19 – теория языка

Диссертация на соискание ученой степени кандидата
филологических наук

Научный руководитель:
Колмогорова А.В.,
доктор филологических наук,
доцент

Новокузнецк – 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ КОНЦЕПТОСФЕР <i>COUNTRY HOUSE</i> И <i>УСАДЬБА</i> В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА	13
1.1. Концептосфера как исследовательская модель в гуманитарном знании	13
1.1.1 Использование термина «концептосфера» в гуманитарных науках	13
1.1.2 Принципы и методы моделирования концептосферы	17
1.1.3 Типология концептов как составляющих концептосферы	22
1.2 Метафора как способ гносеологической концептуализации	28
1.3 Эхо-радиус как этап актуализации концепта	32
1.4 Национальная концептосфера как источник концептосфер <i>COUNTRY HOUSE</i> и <i>УСАДЬБА</i>	41
ВЫВОДЫ ПО I ГЛАВЕ	49
ГЛАВА II. СОСТАВ И СТРУКТУРА КОНЦЕПТОСФЕРЫ <i>COUNTRY HOUSE</i> В АНГЛИЙСКОМ УСАДЕБНОМ РОМАНЕ НА ФОНЕ КОНЦЕПТОСФЕРЫ <i>УСАДЬБА</i> В РУССКОМ УСАДЕБНОМ РОМАНЕ	51
2.1. К вопросу об имени концептосферы	51
2.2 Корреляция семантических признаков имени концептосферы и состава английской национальной концептосферы	58
2.3 Усадебный роман как концептуализирующий дискурс	62
2.4 Функции концептосфер <i>COUNTRY HOUSE</i> и <i>УСАДЬБА</i> в сюжете усадебного романа	71
2.5 Речевая ситуация как способ актуализации концептосферы <i>COUNTRY HOUSE</i> в романе Дж. Остин “Pride and Prejudice” и концептосферы <i>УСАДЬБА</i> в романе И.С. Тургенева «Дворянское гнездо»	78
2.6 Речевая ситуация как способ актуализации концептосферы <i>COUNTRY HOUSE</i> в романе Дж. Остин “Mansfield Park”	93

2.7 Лексическая репрезентация понятийных, ценностных и образных признаков ядерной концептуальной триады HOUSE/HOME – FAMILY – HERITAGE	99
ВЫВОДЫ ПО II ГЛАВЕ	111
ГЛАВА III. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОНЦЕПТОСФЕР <i>COUNTRY HOUSE</i> И <i>УСАДЬБА</i> В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ДИСКУРСИВНЫХ ПРОСТРАНСТВАХ XX-XXI ВЕКОВ	113
3.1 Особенности актуализации концептосфер <i>COUNTRY HOUSE</i> и <i>УСАДЬБА</i> в английских и русских художественно-литературных текстах XX века	113
3.2 Особенности актуализации концептосфер <i>COUNTRY HOUSE</i> и <i>УСАДЬБА</i> в английских и русских рекламных текстах	134
3.3 Концептосферы <i>COUNTRY HOUSE</i> и <i>УСАДЬБА</i> в языковом сознании представителей английской и русской лингвокультур XXI в.: опыт экспериментального исследования	150
ВЫВОДЫ ПО III ГЛАВЕ	160
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	162
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	165
ПРИЛОЖЕНИЕ	193

ВВЕДЕНИЕ

По утверждению М. Я. Блоха, современная наука работает с двумя вариантами картины мира: концептуальной, опосредованной языком, и языковой, содержащейся внутри системы языка [Блох, 2007, с. 101]. Понятие концептосферы, позволяющее отразить взаимообусловленность сущностных характеристик языковых явлений, доказало свою особую эффективность в текстовых исследованиях. При анализе системы концептов, вербализованных в тексте, необходимо учесть различия в их статусе, изучить характер взаимосвязей и пересечений концептуальных полей, а также иметь в виду свойство вариативности концептуального содержания. Восприятие концептосферы как динамической структуры определяется представлением о её развитии и/или разложении под влиянием временного фактора.

Англоязычные термины 'literature of the English country house', 'country house novel', 'country house poem', и русские «усадебный роман», «усадебная повесть», «усадебный текст» описывают значимый компонент национального литературного процесса, легший в основу разработанной, прочной жанровой традиции. Как отечественные [Дмитриева, Купцова, 2008; Доманский, 2006; Саркисова, 2009; Щукин, 2008], так и зарубежные [Duckworth, 1994; Kelsall, 1993; Leavis, 1983; Lucas, 2001] исследователи отмечают хронотопическую функцию усадьбы в художественном тексте, обуславливающую типологическое родство произведений, принадлежащих разным авторам и разным эпохам. Отражая в тексте феномен материальной культуры из числа тех, что определяют национальное самосознание, усадебный роман представляет собой интересный материал для лингвоконцептологического исследования.

Диссертационное исследование выполнено в рамках лингвокультурологического направления концептуального анализа и посвящено описанию динамических процессов в составе и функционировании концептосферы лингвокультуры, рассмотренных на

примере концептосфер COUNTRY HOUSE и УСАДЬБА в английской и русской языковых картинах мира.

Актуальность исследования обусловлена, в первую очередь, заинтересованностью современной лингвистики в исследовании процессов концептуализации и категоризации как механизмов человеческого мышления, а также вниманием гуманитарной науки к наследию усадебной культуры как источнику ценных исторических сведений и многомерного влияния на жизнь общества. Обращение к генезису социокультурных процессов способствует укреплению междисциплинарных связей лингвистики, культурологии и литературоведения на широком эмпирическом материале (как художественных, так и нехудожественных текстов). Вклад данного исследования в решение задач теоретической лингвистики определяется расширением типологической классификации концептуальных феноменов, а также дополнением и уточнением представлений о специфике взаимодействия различных видов дискурса и особенностях их влияния на динамические процессы в концептосфере лингвокультуры.

Объектом исследования является концептосфера лингвокультуры.

Предмет изучения составляют вербальные манифестации динамических процессов в концептосфере лингвокультуры.

Целью данной работы является описание и анализ вербальных манифестаций динамических процессов в концептосфере лингвокультуры на материале концептосферы COUNTRY HOUSE в английской языковой картине мира и УСАДЬБА в русской языковой картине мира.

Достижение поставленной цели предполагает круг подлежащих решению **задач**:

- выявить и описать роль литературного жанра как концептуализирующего дискурса для формирования концептосферы;
- определить основные формы и виды эталонной актуализации составляющих концептосферы в концептуализирующем дискурсе;

- проследить характер актуализации концептосферы в различных типах дискурса (художественно-литературном, рекламном, повседневном);
- выявить основные этапы динамических трансформаций состава и взаимосвязей концептосферы (внутренних и внешних) на примере концептосфер COUNTRY HOUSE и УСАДЬБА от XIX века до современности;
- ввести в употребление термин «эхо-радиус» для описания динамики развития концептосферы.

Решение данных задач потребовало привлечения целого комплекса **методов**, как общенаучных, в числе которых анализ, систематизация, обобщение и верификация теоретического и эмпирического материала, так и сугубо лингвистических. Ведущим методом лингвистического исследования стал метод концептуального анализа, в рамках которого привлекались также методики семантического, качественно-количественного, стилистического анализа текста, а также элементы дискурсивного и дефиниционного анализа. Кроме того, мы прибегали к программным инструментам компьютерного анализа частотности и такому методу, как ассоциативный эксперимент с использованием средств Интернет-коммуникации. Для формирования исследовательского корпуса эмпирического материала использовался метод сплошной выборки.

Научная новизна диссертационного исследования определяется его основной задачей – рассмотреть концептосферу лингвокультуры как динамический, «дрейфующий» феномен, изучив условия её формирования и векторы её реализации и используя термины «концепт» и «концептосфера» с учётом междисциплинарного характера исследования, что открывает перспективы для дальнейшего выявления концептуальных корреляций между художественными и нехудожественными текстами.

Теоретическая значимость исследования определяется взаимным обогащением лингвокогнитивного и лингвокультурного подходов к тексту, а

также введением нового термина «эхо-радиус концепта», обладающего определённым гносеологически потенциалом применения в концептуальных исследованиях и научном дискурсе.

Результаты исследования будут иметь **практическую ценность** при разработке учебных курсов по лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, теории языка, а также английской филологии, истории европейской литературы. Исследование содержит тематически отобранный и систематизированный теоретический и эмпирический материал, который может послужить основой для дальнейшего изучения английской национальной концептосферы в рамках научных работ различного уровня.

Материалом исследования послужили тексты английской и русской литературы: романов Дж. Остин «Sense and Sensibility», «Pride and Prejudice», «Mansfield Park», «Emma», «Persuasion», «Northanger Abbey»; И. Во «Brideshead Revisited»; А. Мёрдок «An Unofficial Rose»; И. С. Тургенева «Дворянское гнездо», «Отцы и дети»; тексты рекламного характера из печатных и цифровых источников массовой информации (список приводится в разделе «Источники иллюстративного материала»); данные Британского национального корпуса английского языка (BNC) и Национального корпуса русского языка (НКРЯ), а также данные, полученные в ходе проведения ассоциативного эксперимента с участием 50 носителей английского языка и 50 носителей русского языка. Исследовательский корпус составил более 2500 страниц художественного текста на русском и английском языках, более 300 фрагментов рекламного дискурса на русском и английском языках общим объёмом, эквивалентном 100 страницам печатного текста, а также 100 реакций информантов, полученных в результате ассоциативного эксперимента.

Методологическую базу исследования составили исследования отечественных и зарубежных филологов в области когнитивной лингвистики: (С. А. Аскольдов, А. П. Бабушкин, А. В. Колмогорова, Е. С. Кубрякова, З. Д. Попова, И. А. Стернин, Р. М. Фрумкина, G. Fauconnier, G. Lakoff и др.),

лингвокультурологии (А. Вежбицкая, С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, С. Х. Ляпин, В. А. Маслова, А. В. Павловская, Е. М. Перелыгина, С. Г. Проскурин, Г. Г. Слышкин, Ю. С. Степанов и др.), психолингвистики (Е. Г. Гусар, А. А. Залевская), литературоведения (Г. А. Анджапаридзе, Е. Ю. Гениева, Н. М. Демурова, И. В. Кабанова, М. Bradbury, A. Duckworth, A. Kettle), философии (Р. Барт, Д. А. Беляев, А. А. Григорьев, А. Ф. Лосев), культурологии (О. Cook, D. Cruickshank, M. Girouard, M. Miers и др.).

На защиту выносятся следующие положения:

1. Концептосфера лингвокультуры подвержена динамическим изменениям, определяемым движением от эталона как первичного, наиболее раннего примера актуализации концептосферы к её эхо-радиусу – пространству бытования концептосферы, ограниченному дискурсивными и хронологическими рамками и характеризующемуся сохранением понятийного компонента, переосмыслением ценностно-аксиологического компонента и функциональной трансформацией образно-перцептивного компонента составляющих её концептов.

2. Источником эталонной актуализации концептосферы может являться литературный жанр, выступающий в качестве концептуализирующего дискурса. Для концептосфер COUNTRY HOUSE и УСАДЬБА концептуализирующим дискурсом является литературный жанр country house novel / усадебный роман, где средством объективации понятийных, ценностных и образных признаков концептов, составляющих ядро концептосферы – HOUSE/HOME/ДОМ – FAMILY/СЕМЬЯ – HERITAGE/НАСЛЕДИЕ – выступает контекст речевых ситуаций «родственная/дружеская беседа», «визит», «бал/приём», «экскурсионное посещение», вербализованных в ключевых точках нарративной схемы усадебного романа. Эталонная актуализация концептосферы характеризуется тесной и сбалансированной взаимосвязью концептов ядерной триады, а также равновесием позитивной и негативной оценочности в их ценностно-аксиологическом компоненте.

3. Эхо-радиус концептосфер COUNTRY HOUSE и УСАДЬБА в английской и русской лингвокультуре XIX-XXI вв. включает в себя три концептуальных слоя. Актуализацию концептосферы на первом эхо-радиусе определяют разнонаправленные процессы осознания концептосферы как части национальной культуры, с одной стороны, и субъективной её критической интерпретации – с другой. При сохранении номенклатуры понятийных признаков концептов, составляющих ядро концептосферы, признаки ценностного и образного компонента приобретают «двойников» с противоположным оценочным знаком. Переход на второй эхо-радиус происходит с закреплением стереотипных атрибутивных черт, приписываемых понятийной составляющей концептосферы, и преобладанием негативно-критической оценки в ценностно-аксиологическом сегменте её структуры.

4. На третьем эхо-радиусе актуализации концептосферы происходит её выход за пределы художественно-литературного дискурса в сферу рекламы и массовой культуры. Эксплуатация лингвокультурной концептосферы как коммерческого продукта а) тяготеет к поверхностному слою культурных аллюзий, сужению репертуара лексико-грамматических средств вербализации; б) характеризуется неравномерностью актуализации оригинального состава понятийных и ценностных признаков, что проявляется, в частности, в исключении негативной оценочности и адаптации признаков ценностного компонента концептосферы к целям заказчика рекламы.

5. На современном этапе функционирования концептосферы в языковом сознании носителей языка наблюдается процесс её «расщепления», при котором возникают: 1) деперсонализированный образ, принимающий форму знака-индекса объекта массовой культуры и 2) выполняющий компенсирующую функцию domestikaлизованный образ, строящийся на эмоциональном опыте языковой личности. Каждый из образов воспроизводит часть понятийных признаков эталонной концептосферы в соответствии с

характером актуализации одного из ядерных концептов (HOUSE/HOME/ДОМ). В первом случае наблюдается процесс выхолащивания ценностно-аксиологических и образных признаков концептосферы, во втором случае – замещение эталонного содержания ценностно-аксиологического и образного компонентов концептосферы смыслами и образами из персонального жизненного опыта представителей лингвокультуры.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования были изложены в докладах и сообщениях на Международных и Всероссийских научно-практических конференциях: III Международная научно-практическая конференция «Молодёжь и наука: Реальность и будущее» (Невинномысск, 2010 г.), Международная заочная научно-методическая конференция «Лингвогуманитарное образование в пространстве технического вуза» (Томск, 2011 г.), Международная научная конференция «Проблемы современной лингвистики и методики преподавания языковых курсов» (Кемерово, 2012), II Международная научно-практическая конференция молодых исследователей «Диалог культур в аспекте языка и текста» (Красноярск, 2013 г.), Международная научно-практическая конференция «Проблемы и перспективы языкового образования в XXI в.» (Новокузнецк, 2013 г.).

Промежуточные этапы и конечные результаты исследования обсуждались на научно-методологических семинарах «Актуальные проблемы современной лингвистики» на факультете иностранных языков Кузбасской государственной педагогической академии, а также на заседаниях кафедры теории и методики преподавания романо-германских языков Центра педагогического образования Новокузнецкого филиала-института Кемеровского государственного университета. Основные положения работы изложены в 8 публикациях, в том числе в 4 статьях, размещённых в ведущих научных рецензируемых журналах, определённых ВАК РФ:

1. Рябцева М.А. Эхо-концепт в ряду других концептуальных феноменов [Текст] / М.А. Рябцева // Вестник Кемеровского государственного университета. – Кемерово. – 2012. – №4 (52). – Т.4. – С.131-135.

2. Рябцева М.А. Концептосфера английской лингвокультуры УСАДЬБА в динамическом аспекте [Текст] / М.А. Рябцева // Филология и человек. – Барнаул. – 2013. – №1. – С. 133-138.

3. Рябцева М.А. Речевая ситуация как способ актуализации концепта (на материале романа Дж. Остин «Гордость и предубеждение») [Текст] / М.А. Рябцева // Вестник Кемеровского государственного университета. – Кемерово. – 2015. – №1 (61). – Т.4. – С.182-188.

4. Колмогорова А.В., Рябцева М.А. Концепт и эхо-концепт FAMILY / СЕМЬЯ в усадебном романе и рекламном тексте [Текст] / А.В. Колмогорова, М.А. Рябцева // Когнитивные исследования языка. – Тамбов. – 2015. – № 20. – С. 809-818.

Структура и объём исследования. Данная диссертационная работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы, включающего 243 наименования на русском и иностранных языках, списка использованных словарей и принятых сокращений, списка источников примеров. Общий объем текста диссертации составляет 193 страницы.

Во **введении** обосновываются актуальность и научная новизна темы исследования, освещается степень разработанности проблемы, определяются цель и задачи работы и излагаются основные положения, выносимые на защиту.

В **первой главе** «Теоретические основы изучения концептосфер COUNTRY HOUSE и УСАДЬБА в английской и русской языковых картинах мира» даётся понимание термина «концептосфера» в современных гуманитарных исследованиях, излагаются принципы моделирования концептосферы, естественно определяемые принципами моделирования отдельных лингвокультурных концептов, даётся типология концептов как

составляющих концептосферы, раскрывается значение предлагаемого в исследовании термина «эхо-радиус» концептосферы, а также прослеживается взаимосвязь концептосфер COUNTRY HOUSE и УСАДЬБА с английской и русской национальными концептосферами.

Вторая глава «Состав и структура концептосферы COUNTRY HOUSE в английском усадебном романе на фоне концептосферы УСАДЬБА в русском усадебном романе» посвящена рассмотрению эталонной реализации концептов-составляющих исследуемой концептосферы.

Третья глава «Функционирование концептосфер COUNTRY HOUSE и УСАДЬБА в английском и русском дискурсивных пространствах XX-XIX веков» содержит анализ динамического аспекта функционирования изучаемых концептосфер.

В заключении излагаются результаты проведенного исследования и освещаются перспективы дальнейшей работы в данном направлении.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ КОНЦЕПТОСФЕР *COUNTRY HOUSE* И *УСАДЬБА*

В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА

1.1 Концептосфера как исследовательская модель в гуманитарном знании

1.1.1 Использование термина «концептосфера» в гуманитарных науках

В последней четверти XX столетия на смену системно-структурному методу приходит антропоцентрическая парадигма: в центре внимания языковедов оказывается человек как представитель той или иной языковой культуры. Выделение концепта как культурно-специфичного ментального образования стало одним из последовательных шагов её становления в области лингвистического знания.

Основой для образования концепта служит не всякое явление действительности, а только то, которое становится объектом оценки [Арутюнова 1998, с. 181]. Важнейшее качество концептов заключается в том, что они не существуют изолированно; В. И. Карасик говорит о многомерной голографической встроенности концептов в систему человеческого опыта [Карасик 2004, с. 145-146]. Термин «концептосфера» был введён в науку Д. С. Лихачёвым по аналогии с терминами «биосфера», «ноосфера» и определялся учёным как совокупность концептов нации, образованная всеми потенциями концептов носителей языка. «Понятие концептосферы особенно важно тем, что оно помогает понять, почему язык является не только способом общения, но и неким концентратом культуры – культуры нации и её воплощения в различных слоях, вплоть до отдельной личности» [Лихачев, 1993, с. 8].

Сам термин «сфера» и его использование в гуманитарных исследованиях кажется естественным, разумным и логичным. Применительно к духовной стороне жизни человека (культуре и языку) это понятие метафорично: сфера оформляет пространство вокруг человека, где им создаются, в том числе и языковыми средствами, материальные и духовные культурные ценности [Александрович, 2009].

Понятие концептуализированной сферы культуры рассматривается Ю. С. Степановым. Полемизируя с учением Ф. де Соссюра о произвольности знака, Ю. С. Степанов приходит к выводу о неслучайности именований в культуре и вводит понятие «концептуализированной области (сферы)». Под ней понимается «такая сфера культуры, где объединяются в одном общем представлении (культурном концепте) – слова, вещи, мифологемы и ритуалы» [Степанов, 1997, с. 74]. Говоря о концептосфере, и Д. С. Лихачев, и Ю. С. Степанов придерживаются лингвокультурологического подхода.

Существует достаточное количество дефиниций термина, общий смысл которых заключается в том, что концептосфера есть пространство ненаблюдаемое, чисто ментальное – с одной стороны, и некоторым образом упорядоченное – с другой. В. В. Красных предлагает понятие когнитивной базы, под которой понимается определенным образом структурированная совокупность обязательных национально-детерминированных и минимизированных знаний и представлений, которыми обладают все носители того или иного лингвокультурного менталитета [Красных, 2003, с. 61]. З. Д. Попова и И. А. Стернин понимают концептосферу как мыслительную картину, включающую и содержательное знание об окружающей действительности, и совокупность национально-культурных представлений, обуславливающих миропонимание человека и определяющих его поведение в стереотипных ситуациях [Попова, Стернин, 2003].

Национальная концептосфера и национальный менталитет тесно связаны между собой, однако являются разными сущностями. Менталитет как специфический способ восприятия и понимания действительности определяется совокупностью когнитивных стереотипов сознания, характерных для данной личности, социальной или этнической группы людей [Прохоров, Стернин, 2007]. Основой для этих стереотипов служат образующие национальную концептосферу ментальные единицы (концепты). В свою очередь, национальный менталитет направляет динамику формирования и развития концептов – имеющиеся стереотипы влияют на

содержание концептов, диктуют некоторые фиксируемые в них оценки явлений и событий.

Концептосфера понимается как своего рода база данных, что предполагает ту или иную упорядоченность, структурированность и системность – в виде рядов, цепочек, полей с центром и периферией, ветвящихся «деревьев» с перекрёстными отсылками. Как правило, бывает сложно выстроить четкую иерархию концептов, но можно определить главные, базовые концепты, от содержания которых зависит содержание остальных. В. И. Убийко говорит о разграничении в рамках концептосферы суперконцептов, макроконцептов, базовых концептов и микроконцептов. Под суперконцептом необходимо понимать наиболее объемную по своему содержанию ментальную единицу, которая представлена макроконцептами. Макроконцепты, в свою очередь, состоят из базовых концептов и микроконцептов [Убийко, 2004].

Современное языкознание использует, согласно З. Д. Поповой и И. А. Стернину, следующее аспектное разграничение подвидов в рамках термина концептосфера [по Убийко, 2004]):

1. Национальная концептосфера – упорядоченная совокупность концептов в сознании носителей языка (онтологический аспект).
2. Концептосфера языка – объединение концептов, отражённое в семантической структуре языка (гносеологический аспект).
3. Художественная концептосфера отдельного автора, произведения, художественного направления (эстетический аспект).
4. Концептосфера группы – политической, возрастной, профессиональной (социальный аспект).
5. Концептосфера личности (лингвосоциопсихологический аспект).

Многие концептосферы, такие как «человек», «природа», «пространство», «движение», «время», являются универсальными для большинства лингвокультур и, следовательно, для человеческого сознания как такового. С другой стороны, нередко один и тот же концепт входит в

разные концептосферы, и признаки одной концептосферы совпадают с признаками другой. Как элементы разных концептосфер, одни и те же концепты могут различаться не только конкретным своим содержанием, но и тем местом, какое они занимают в данной концептосфере, степенью своей актуальности, характером связи с другими концептами, средствами своего воплощения.

Следует учитывать, что концепт как элемент концептосферы с конкретным языковым знаком не связан. Он может выражаться многими языковыми знаками, их совокупностью, а может и не иметь представленности в системе языка; концепт может воплощаться на основе альтернативных знаковых систем, таких как жесты и мимика, музыка и живопись, скульптура и танец и др. Коммуникативная значимость языковой единицы связана с ценностью выражаемого вербально концепта для культуры народа [Карасик, Слышкин, 2001, с. 77] или для отдельного автора. Обращение к концептосфере отдельного автора и анализ концептов, формирующих эту концептосферу, – одна из актуальных проблем «когнитивной поэтики» [Тарасова, 2003, с. 5].

И. В. Кононова обращает внимание на тот факт, что в категориальном аппарате лингвокультурной концептологии наблюдаются некоторые лакуны. Так, не определены однозначно методы моделирования концептосфер, не выявлены закономерности исторического развития структуры лингвокультурных концептов и концептосфер, не описана корреляция между процессами развития структуры концептов и диахроническими изменениями лексических микропарадигм, объективирующих их в языке [Кононова, 2010].

Проследив использование термина в современных научных работах, можно заключить, что многие из них посвящены исследованию различных концептосфер в общей картине того или иного языка (при этом чаще иностранного, популярны также исследования сопоставительного характера). В пространство термина попадают как конкретные объекты (продукты питания [Беленко, 2006]), так и абстрактные (эмоции [Рыкунов, 2008], society

[Афанасьева, 2010]), а также отвлечённые категории (повседневность [Чулкина, 2005]; нарушенность [Буренкова, 2009]). Другая группа работ имеет общим признаком использование в качестве материала для исследования тех или иных текстов, как фольклорных, так и литературно-художественных. Широта обзора также варьируется: это может быть одно произведение («Великий Гэтсби» [Александрович, 2010]), определённый жанр (детективы [Теплых, 2007]) или целый период (средневерхненемецкий [Русяева, 2007]). Наконец, имеются исследования, посвящённые авторским концептосферам, или идиоконцептосферам ([Ибрагимова, 2011]; [Карелова, 2009]). В отличие от исследований языковых концептосфер, почти большинство таких работ они имеют дело с концептосферами национальных (русскоязычных) авторов.

1.1.2 Принципы и методы моделирования концептосферы

Принципы моделирования концептосфер как иерархически структурированных образований естественным образом определяются принципами моделирования отдельных лингвокультурных концептов. Поскольку исследователь не имеет возможности непосредственно наблюдать концепт, ему доступны лишь реализации концепта, его «отпечатки», т.е. опредмеченные результаты мыслительной деятельности в различных сферах культуры и прежде всего в языке.

В качестве имен лингвокультурных концептов принято рассматривать «ключевые» слова, под которыми понимаются языковые единицы, характеризующиеся своей частотностью и центральностью в языковом фонде национально-культурной общности [Маслова, 2002, с. 51]. С другой стороны, содержание концепта, озвученного, как частный случай, языковой единицей, не ограничивается и не сводится к словарному значению этой языковой единицы. «Слово является лишь средством доступа к концептуальному знанию» [Попова, 2003, с. 19]. Говоря о «ключевых словах культуры», А. Вежбицкая отмечает, что «нет никакого конечного множества таких слов в

каком-либо языке... дело не в том, как “доказать”, является ли то или иное слово одним из ключевых слов культуры, а в том, чтобы, предприняв тщательное исследование какой-то части таких слов, быть в состоянии сказать о данной культуре что-то существенное... некоторые слова могут анализироваться как центральные точки, вокруг которых организованы целые области культуры» [Вежбицкая, 2001, с. 36].

С точки зрения В. Г. Зусмана, «концепт всегда представляет собой часть целого, несущую на себе отпечаток системы <...> Концепт – микромодель культуры, а культура – макромодель концепта» [Зусман, 2001, 41]. Знания человека об окружающей действительности и способ, которым он классифицирует мир, выражены в его языке; с другой стороны, «язык – единственное средство, способное помочь нам проникнуть в скрытую от нас сферу ментальности, ибо он определяет способ членения мира в той или иной культуре» [Маслова, 2001, с. 8].

Судить о способах актуализации концептуального содержания можно, опираясь на структурные составляющие концепта, которые имеют свой выход на языковой уровень. Способы обнаружения концептов и репрезентации их содержания составляют методологию концептуального анализа, в процессе которого и создаётся исследовательская модель концепта. Е. С. Кубрякова отмечает различия в рамках разных научных школ и в самой процедуре концептуального анализа, и в арсенале исследовательских приемов, и в результатах исследований [Кубрякова, 1994]; Р. М. Фрумкина свидетельствует об отсутствии «согласия в том, каков набор процедур, который следует считать концептуальным анализом» [Фрумкина, 1995, с. 96]. Однако любые методики концептуального анализа объединяются общей целью – выявить парадигму культурно значимых концептов [Бабенко, Казарин, 2005, с. 80].

Вслед за Н. С. Болотновой [Болотнова, 2008] разделим существующие методики на два подхода.

Одна группа исследователей (В. И. Карасик, В. А. Маслова, З. Я. Тураева и др.) предпочитают лексикографическое описание ключевых

слов – экспликаторов концепта, а также рассмотрение отношений между экспликаторами в пределах контекста. Наиболее распространенные приёмы и методы анализа заключаются в следующем:

- 1) анализ значений ключевого слова на основе словарных толкований;
- 2) изучение многозначности слов в процессе её развития;
- 3) построение и изучение различных полей, именем которых выступает основное лексическое средство репрезентации концепта;
- 4) анализ фразеологических и паремиологических единиц, в которые входит изучаемое ключевое слово, что позволяет охарактеризовать наивные представления о явлении, представить видение мира, национальную культуру;
- 5) психолингвистические эксперименты.

Следует отметить, что эта схема может варьироваться в зависимости от типа концепта.

Другие (Л. Г. Бабенко, З. И. Попова, И. А. Стернин и др.) отталкиваются от реализации концепта в художественном тексте. В рамках названного подхода в ходе концептуального анализа исследователями решается несколько задач:

- 1) выявление круга лексической сочетаемости ключевого слова (имени заданного концепта) путем сплошной выборки;
- 2) выявление индивидуально-авторских концептов и их описание;
- 3) построение текстовых полей, в которых воплощается концепт;
- 4) анализ семантического развития слов-репрезентантов концепта.

Если описание концепта в словарном составе национального языка в первую очередь основано на изучении парадигматических связей слов и соответственно на парадигматическом анализе, то исследование концепта в тексте предполагает учёт наряду с парадигматическими преимущественно синтагматических связей слов. Специфика авторского текста определяет существование некоторой эстетической информации, авторской точки зрения, субъективной экспрессивности и эмоциональности, включение как языковых,

так и несобственно языковых и неязыковых смыслов, предполагающих сотворчество читателя.

Каждое литературное произведение воплощает индивидуально-авторский способ восприятия и организации мира, то есть частный вариант концептуализации мира, который, в свою очередь, складывается под значительным влиянием универсальных законов мироустройства. Степень соответствия первого и второго может варьироваться от полного совпадения до полного расхождения. Методика экспликации концептосферы художественного произведения, предложенная Л. Г. Бабенко, основана на семантическом выводе ее компонентов из совокупности языковых единиц, раскрывающих одну тему (микротему). Общие признаки концепта репрезентируются на поверхностном уровне текста словами и предложениями одной семантической области, что обуславливает определенную цельность концептосферы текста. При этом ключевой концепт представляет собой «ядро индивидуально-авторской художественной картины мира, воплощенной в отдельном тексте или в совокупности текстов одного автора» [Бабенко, 2005, с. 82].

Национальная концептосфера, воссоздаваемая в культуре и литературе, встраиваясь в систему национального мифа, может переакцентироваться или переосмысливаться в зависимости от текущей национальной концепции, но состав уже сформированных концептов остается относительно стабильным. Для выделения и исследования концептов необходимо определить ключевые слова текста, обусловленные субъективно-художественным мировосприятием автора. Образуя в тексте семантические комплексы, ключевые слова создают и укрепляют структуру художественного текста, концентрируют внимание читателя и способствуют пониманию авторских интенций.

Методика концептуального анализа в данной работе определяется исходя из исследуемого материала, поставленных целей и задач. Обозначение предметом исследования английской лингвокультуры помещает его в область лингвокультурологического подхода, что требует учесть пространственное

расположение концептосферы в национальной картине мира. Специфичность концептосферы COUNTRY HOUSE/УСАДЬБА обусловлена теми структурными взаимосвязями, которые она создаёт для национальных концептов, уже известных и описанных по отдельности. Мы используем полевую модель концептосферы, аналогичную модели единичного концепта, где ядром служит концептуальная триада HOME/ДОМ / HERITAGE/НАСЛЕДИЕ / FAMILY/СЕМЬЯ, а сферообразующим, объединяющим концептом выступает HAPPINESS/СЧАСТЬЕ – национально обусловленное представление о счастье.

Существенную роль играет и разнообразие дискурсов бытования концептосферы: зарождаясь в рамках определённого жанра художественной прозы ‘country house novel’, анализируемая концептосфера претерпевает динамические изменения по мере развития самого жанра и в конце концов переходит в современный медиадискурс, актуализируясь в нехудожественных (в частности, рекламных) текстах, а также в визуальных, кинематографических, музыкальных образах. Для анализа концептосферы, обладающей вышеперечисленными особенностями, мы считаем необходимым сочетание исследовательских приёмов, относящихся к разным подходам, а именно: на первичном этапе анализа при работе с текстами классических произведений жанра ‘country house novel’ требуется, обращаясь к историко-литературному и литературоведческому комментарию, выявить концептуально релевантные черты жанра в целом и авторского идиостиля Дж. Остин, а также с помощью соответствующих компьютерных программ произвести статистические расчёты с целью выявления полей сочетаемости для репрезентантов каждого отдельного концепта. Дальнейший ход исследования потребовал лексикографического доказательства и анализа функционирования имени концептосферы в английском языке с привлечением словарных и корпусных данных. При описании актуализации концептосферы в современном медиадискурсе были использованы данные,

полученные с помощью анализа текстов рекламного дискурса, а также в ходе ассоциативных тестов, проводимых с привлечением ресурсов Интернет.

1.1.3 Типология концептов как составляющих концептосферы

Термин «концепт» относится к совокупности междисциплинарных (философия, лингвистика, филология, искусствоведение, социология, программирование) понятий. Кроме того, выделяется целый ряд смежных понятий и терминов, которые нередко отождествляются с термином «концепт». Как отмечает С. Г. Воркачев, в столкновении в российской лингвистической литературе с начала 90-х гг. XX века терминологических вариантов «концепт» (Н. Д. Арутюнова, С. А. Аскольдов-Алексеев, Д. С. Лихачев, Ю. С. Степанов, В. П. Нерознак, С. Х. Ляпин), «лингвокультурема» (В. В. Воробьев), «мифологема» (М. Лехтеэнмяки, В. Н. Базылев), «логоэпистема» (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова), «однако на сегодняшний день становится очевидным, что наиболее жизнеспособным здесь оказался «концепт», по частоте употребления значительно опередивший все прочие протерминологические новообразования» [Воркачев, 2004, с. 41].

Среди подходов к пониманию концепта принято выделять три основных: лингвистический, когнитивный, культурологический [Юлтимирова, 2006].

Исследования С. А. Аскольдова-Алексеева положили начало лингвистическому подходу к определению концепта, который был продолжен в работах Д. С. Лихачева, В. В. Колесова, В. Н. Телия. В целом, представители данного направления понимают концепт как весь потенциал значения слова вместе с его коннотативным элементом. Концепты художественного типа значительно информативнее познавательных: «Художественный концепт... есть сочетание понятий, представлений, чувств, эмоций, иногда даже волевых проявлений» [Аскольдов, 1997, с. 274].

Приверженцы когнитивного подхода к пониманию сущности концепта относят его к явлениям мыслительного характера. З. Д. Попова, И. А. Стернин и другие представители воронежской научной школы говорят о трёх базовых структурных компонентах концепта – образе, информационном содержании и интерпретационном поле. Наличие *образа* они объясняют «нейролингвистическим характером универсального предметного кода: чувственный образ кодирует концепт, формируя единицу универсального предметного кода». При этом чувственный образ может быть перцептивным, формирующимся под влиянием органов чувств, и когнитивным, формирующимся благодаря метафоризации предмета или явления. *Информационное содержание* концепта включает определённые когнитивные признаки, определяющие основные черты концептуализированного предмета или явления. *Интерпретационное поле* формируется под воздействием когнитивных признаков, «которые в том или ином аспекте интерпретируют основное информационное содержание концепта, вытекают из него, представляя собой некоторое выводное знание, либо оценивают его» [Попова, 2007, с. 82].

Представители третьего подхода при рассмотрении концепта большое внимание уделяют культурологическому аспекту. По их мнению, вся культура понимается как совокупность концептов и отношений между ними. Концепт трактуется ими как основная ячейка культуры в ментальном мире человека. Этому взгляда придерживаются Ю. С. Степанов, Г. Г. Слышкин, С. Г. Проскурин, Е. М. Перелыгина, В. И. Карасик. Ю. С. Степанов наглядно представляет состав концепта в виде слоёв, связанных с динамикой развития концепта, начиная с современного периода: 1) основной, активный признак; 2) дополнительный, пассивный признак (или признаки); 3) уже не осознаваемая внутренняя форма, запечатлённая в слове-репрезентанте концепта. Касаясь вопроса о реальности концептов, Ю. С. Степанов отмечает, что концепты существуют по-разному в разных своих слоях, и в этих слоях они по-разному реальны для людей данной культуры. В основном признаке, в

«активном» слое концепт актуально существует для всех пользующихся данным языком как средство их взаимопонимания и общения. В дополнительных, «пассивных» признаках своего содержания концепт актуален лишь для некоторых социальных групп. Внутренняя форма, или этимологический признак, или этимология открывается лишь исследователям и исследователями. Для пользующихся данным языком этот слой существует опосредованно, как основа, на которой возникли и держатся остальные слои значений [Степанов, 1997].

Необходимо подчеркнуть, что лингвокогнитивный и лингвокультурный подходы к пониманию концепта не являются взаимоисключающими. По мнению В. И. Карасика, эти подходы отличаются векторами по отношению к индивиду: лингвокогнитивный концепт – это направление от индивидуального сознания к культуре, а лингвокультурный концепт – это направление от культуры к индивидуальному сознанию. Следует отметить, что разделение движения вовне и движения вовнутрь является лишь исследовательским приемом – в реальности это движение является целостным многомерным процессом [Карасик, 2004, с. 117].

Многие ученые (В. И. Карасик, В. В. Красных, Л. О. Чернейко и др.) считают концепт как минимум трехмерным образованием. Понимание соотношения этих составляющих может разниться. Различные подходы к структурированию концепта не исключают, а скорее взаимодополняют друг друга; приоритетное использование того или иного типа структуры определяется целями и задачами исследования. Для лингвокультурологического анализа более релевантной оказывается тип структуры, компонентами которой являются понятие, образ и ценность.

В. И. Карасик ставит во главу угла «ценностный компонент», так как ценности в первую очередь определяют поведение людей и составляют наиболее значимую часть картины мира. Доминирование ценностной составляющей является одним из условий тесной связанности всей совокупности национальных концептов, позволяющей восстановить всю

систему, отталкиваясь от анализа одного концепта. Понятийная составляющая лингвокультурного концепта состоит из некоторого стабильного содержания и блока памяти, заключающего опыт и знания, полученные человеком и национально-культурным обществом в ходе исторической и социальной деятельности. Образная составляющая лингвокультурного концепта представляет собой его структурную характеристику [Карасик, 1996, 2001].

В противовес изложенной точке зрения, С. Г. Воркачëв считает, что в языковом сознании существуют концепты, которые не имеют ценностной составляющей, не вызывают никаких эмоций и переживаний. Исследователь выделяет этнокультурный компонент концепта: «изучение концептов направлено преимущественно на выявление отличительных черт своего объекта: установление его этнокультурной специфики, которая понимается по-разному» [Воркачев, 2003].

Помимо различных трактовок самого термина «концепт», можно говорить и о многообразии его типологий и классификаций, обзор которых представлен Е. Н. Сергеевой. В общей типологии концептов выделяются суперконцепты, макроконцепты, базовые концепты и микроконцепты; по признаку стандартизованности – общенациональные, групповые и личностные концепты. Кроме этого, можно говорить и об общенациональном, групповом и личностном слоях того или иного концепта и утверждать при этом, что общенациональный слой представлен в ядерной части концепта, а групповой и личностный слои находятся на периферии [Сергеева, 2009].

Для лингвокогнитивного анализа существенной оказывается типология концептов по характеру их «наблюдаемости» для человека (вербализованные и невербализованные, конкретные и абстрактные).

С точки зрения дискурса как среды их языкового существования выделяют обиходные, научные, художественные концепты; в свою очередь художественные концепты подразделяются на общехудожественные

(архетипы и прототипы), индивидуально-авторские (идиотипы), собственно-авторские концепты (неологизмы) [Хайруллина, 2010].

Возможно классифицировать концепты по типам ментальных структур (моделей), с которыми они соотносятся и в рамках которых они стереотипизируются, осознаются, воспринимаются и моделируются. По типу соотносимых с концептами ментальных структур выделяют следующие типы концептов:

- *картинка* (представление) – обобщённый чувственный образ предмета или явления;
- *схема* – концепт, представленный некоторыми обобщёнными пространственно-графическими образами;
- *гипероним* – логически конструируемый концепт, который состоит из общих существенных признаков предметов или явлений и является результатом их рационального отражения и осмысления;
- *фрейм* – многокомпонентный концепт, представляющий собой совокупность стандартных знаний о предмете, явлении или ситуации;
- *инсайт* – базируется на семах, несущих информацию об устройстве предмета, его дизайне, функциональной предназначенности;
- *сценарий* – особый вид концепта, носящий сюжетный характер и реализующий в семантическом плане своего вербального выражения сему движения, идею развития [Бабушкин, 1996].

Н.Н. Болдырев разграничивает конкретно-чувственные образы, представления, схемы, понятия, прототипы, пропозиции, фреймы, сценарии или скрипты, гештальты [Болдырев, 2001].

Значимым для методологии является ответ на вопрос о том, считать ли концепт единицей индивидуального или национального сознания.

Необходимо отметить, что понятие концепта используется также в исследованиях литературоведческого характера, когда объектом исследования является художественный текст. Вводя понятие художественного концепта, можно также идти двумя путями: представляя его как индивидуально-

авторское психическое образование и как элемент национальной художественной традиции, национальной художественной картины мира. Первое понимание характерно для лингвостилистических работ, выполненных в русле когнитивной поэтики и коммуникативной стилистики. Иной подход демонстрируют лингвисты, определяющие художественный концепт как частную реализацию концепта культуры. В. Г. Зусман подчеркивает, что именно включенность в ассоциативную сеть культуры делает литературный образ концептом [Зусман, 2001]. Следовательно, художественный образ и концепт противопоставляются по сфере бытования – интратекстуальной и интертекстуальной. Предложенное понимание художественного (литературного) концепта отчасти пересекается с лингвокультурным подходом в концептологии, однако следует обратить внимание на тот факт, что концепты национальной культуры и одноименные художественные концепты не всегда совпадают по своему содержанию и ценностному компоненту. Их расхождение позволяет говорить о дискурсивном варьировании культурных концептов. В художественных текстах возможна актуализация признаков, не входящих в ядро национального концепта, а также неузуальная оценочная интерпретация ядерных признаков. Эстетический эффект во многом определяется напряжением между ожидаемой, национально обусловленной оценкой образа и его контекстным переосмыслением, иначе говоря – между культурным концептом, создающим «фон», и художественным концептом, на этом фоне воспринимаемым.

Концептосферы COUNTRY HOUSE и УСАДЬБА, репрезентируя в языковой реальности феномен реальности физической, представляют собой структурированные совокупности типологически различных концептов и характеризуется «предметным» и «ценностным» аспектами. Концепты ядерной триады HOME/ДОМ / HERITAGE/НАСЛЕДИЕ / FAMILY/СЕМЬЯ несут как конкретные признаки: внешний облик строения, материальные объекты наследования, члены семьи – так и признаки, связанные с

обобщённым образом «идеала», стремление к которому определяет общий сюжетный вектор усадебного романа.

В данной части работы необходимо оговорить, что данные английской лингвокультуры мы рассматриваем как первичные, поскольку русская лингвокультура демонстрирует хронологически более позднюю актуализацию концептосферы УСАДЬБА в соответствующем жанре усадебного романа. Специфичность или аналогия, которые обнаруживает русская лингвокультура, представляют интерес для настоящего исследования.

При переходе из художественного индивидуально-авторского в массово-общий медиадискурс происходит обогащение репрезентации концептосферы визуальными образами (фотографиями, кинокадрами), что даёт дополнительную возможность манипулировать составляющими концептосферы. Неполная концептуальная идентичность на этапах, обозначаемых нами как «эхо-радиусы», состоит в сохранении понятийного компонента, переосмыслении ценностно-аксиологического компонента и функциональной трансформации образно-перцептивного компонента концептов-составляющих изучаемой концептосферы.

1.2 Метафора как способ гносеологической концептуализации

Междисциплинарность, характеризующая современную научную парадигму, может функционировать при наличии единой терминологии. Ю. А. Комарова отмечает, что терминология в целом относится к числу интегрирующих факторов, которые позволяют создавать единое информационное (научно-техническое, образовательное, экономическое и т.д.) пространство [Комарова, 2007, с. 77].

Научная метафора имеет место тогда, когда исследователь использует язык описания одной области для описания другой области. Как отмечает Г. Л. Тульчинский, «термины должны допускать известную долю «метафоричности»... В противном случае ограничиваются возможности их плодотворного использования» [Тульчинский, 1980]. Примером такого

перехода может служить заимствование М. Бахтиным для анализа романых пространственно-временных структур понятия хронотопа из теории относительности.

Роль метафоры в понимании нового основана на механизме ассоциации, позволяющей человеку соотносить не идентичные, а лишь схожие в каком-либо аспекте явления и использовать прошлый опыт как основу для толкования настоящего. Метафора представляет собой тождество образа и идеи, в котором этот образ и эта идея составляют единое целое, но раздельны [Колмогорова, 2001, с. 67]. Особое место метафора занимает, как ни парадоксально, именно в тех областях знания, которые требуют известной точности выражений: в сфере научно-технической и естественно-научной коммуникации. Термины метафорического типа отвечают таким требованиям, как краткость, мотивированность (прозрачность внутренней формы) и простота.

Концептуальная метафора понимается более широко – как когнитивный процесс, посредством которого происходит концептуализация некоторой части человеческого опыта. Согласно теории концептуальной метафоры, в основе метафоризации лежит процесс взаимодействия между структурами знаний (фреймами и сценариями) двух концептуальных доменов – сферы-источника (source domain) и сферы-мишени (target domain). Предположение о том, что при метафорической проекции в сфере-мишени частично сохраняется структура сферы-источника, получило название гипотезы инвариантности [Lakoff, 1990, Turner, 1990]. Таким образом, когнитивная топология сферы-источника в некоторой степени определяет способ осмысления сферы-мишени и может служить основой для принятия решений и действия. Ж. Фоконье, говоря о ключевой роли аналогических и метафорических отображений в конструировании значения, рассматривает метафору как связующее звено между концептуализацией и языком [Fauconnier, 1997].

Концепт имеет двоякую реализацию. С одной стороны, он связан с языковым знаком и может получать выражение на всех уровнях языковой системы. С другой стороны, концепт является выходом в когнитивную систему, причём на этом уровне концепт может не получать языкового выражения. Заключенное в нем знание структурируется в виде определенных идеальных когнитивных моделей (термин Дж. Лакоффа), которые в современной лингвистике получили название фреймов, сценариев, образ-схематических моделей и др. Они называются идеальными, потому что являются продуктом мышления и не обязательно соответствуют объективно существующей реальности, представляя ее видение в рамках определенной культуры [Головинский, 2010].

Необходимость исследования концептов совместно с механизмами действия метафоры обуславливается следующими факторами.

1. Метафора формирует концепт, а концепт метафору. Метафора расширяет границы существующих концептов (на основе подобия) и в некоторых случаях способствует возникновению новых (например, при распаде полисемии). Концепт позволяет любому человеку, освоившему понятийную систему языка, формировать и понимать множество метафорических выражений.

2. Метафора обеспечивает связь между различными слоями, уровнями и измерениями концепта. «Данное свойство метафоры может представлять значительный интерес в свете новейших физических теорий, рассматривающих разделение мира в его глубинных основах на энергетические уровни, что является одним из отличительных свойств квантово-механических систем» [Соснин, 2011, с. 34].

3. Метафора обеспечивает доступ к удаленным, неочевидным уровням концепта и концептосферы в целом (т.е. актуализирует потенциальные концептуальные признаки).

4. Когнитивная метафора позволяет осмыслить одни концепты с опорой на другие, служащие эталоном, которые могут отстоять сколь угодно далеко друг от друга.

5. Метафора, как и концепт, отличается динамичностью. В акте вербализации концепта происходит разворачивание его бытийно-смысловых возможностей, актуализация его импликаций и связанных с ним ассоциаций, реализация связей с другими концептами. При этом, в свою очередь, происходит обогащение концепта – через речевые единицы, которыми он вербализуется.

Концепт обладает образностью особого рода – единством образного и рационального. Определяя в очередной раз термин, исследователи нередко прибегают к образным аналогиям: это и «смысловый квант бытия», и «ген культуры» (С. Х. Ляпин), и «сгусток культуры в сознании человека» (Ю. С. Степанов), и «эмбрион мыслительной операции» (С. А. Аскольдов), и «узлы» в сети, «следы» в поле (И. Л. Медведева) и др. Можно заметить, что многие из этих метафор относятся к области физики (квант, сгусток, след) или биологии (ген, эмбрион). Таким образом, концепт оказывается вписан в систему объектов мироздания на уровне элементарных единиц, не поддающихся восприятию органами чувств, однако необходимых для построения последующих уровней. Существующая в именовании концептуальных феноменов тенденция к терминам метафорического типа обуславливается принципиальной ненаблюдаемостью концептов, что затрудняет чёткую демаркацию и вместе с тем открывает перспективы плодотворного взаимодействия терминосистем различных научных дисциплин. Предлагая в данном исследовании термин «эхо-концепт», мы опираемся на уже доказавшие свою продуктивность метафорические аналогии, обогатившие лингвистический аппарат понятиями естественных наук.

1.3 Эхо-радиус как этап актуализации концепта

Культура представляет собой сложнейший феномен, определяющий систему ценностных ориентаций как общества в целом, так и отдельной личности – носителя определенной культуры. Концепт, будучи многомерным ментальным образованием, отражает знание и опыт человека и является целостным воспроизведением факта действительности.

И. А. Стернин при изучении концепта предлагает противопоставлять базовый слой и вторичные слои концепта [Стернин, 2001, с. 59–60] – такой подход основан на признании определенной аналогии между структурой ментальных образований и лексико-семантической системой языка, где наблюдаются многочисленные случаи асимметрии формы и содержания, борьба консервативной тенденции (устойчивости) с факторами языковой эволюции (такими, как стремление к экономии, аналогии и регулярности). Лексика тесно связана с внешними, экстралингвистическими факторами; с другой стороны, элементы лексической системы способны к деривации, которая становится основным фактором и средством стабилизации, формирования и эволюции системы; деривационные процессы можно интерпретировать как результат синкретизма мыслительного и речевого актов, отражающий деривационный потенциал и когнитивные особенности языка.

Наряду с существованием смежных (с разной степенью синонимичности) понятий, существует группа однокоренных терминов, таких как «антиконцепт», «метаконцепт», «концептосфера». Эти производные термины образованы с помощью распространённых греческих корней и отражают тенденцию метафорического переноса на чисто ментальные феномены характеристик физически существующего, осязаемого мира, попытку «пространственно» разместить эти феномены, наглядно отразить их соотношение. С другой стороны, в работах по когнитивной лингвистике конкретная пара или цепочка концептов нередко рассматривается в рамках коррелятивных отношений синонимии (например,

ГОРЕ, БЕДА, НЕСЧАСТЬЕ [Мальцева, 2009]) или антонимии (например, НЕБО и ЗЕМЛЯ [Кривалёва, 2008]; ЛЮБОВЬ / LOVE и НЕНАВИСТЬ / HATE (HATRED) [Муратова, 2010]). Следует учитывать, что подобные семантические корреляции при рассмотрении концептов являются только призмой, поскольку концепты принадлежат уровню языкового сознания, а не системе языка.

Контрастные слова, как и обозначаемые ими понятия, не только противопоставлены друг другу, но и тесно связаны между собой. В антонимические отношения вступают слова, соотносимые по какому-либо признаку – качественному, количественному, временному, пространственному – и принадлежащие к одной и той же категории объективной действительности как взаимоисключающие понятия. Слова, являющиеся репрезентантами «предметных» концептов (конкретные существительные) обычно не имеют антонимов, хотя в определённом контексте индивидуально-авторское, окказиональное противопоставление может иметь место. Однако это не означает, что данные слова и объективируемые ими концепты выпадают из системы языкового мышления. «Узловой точкой» системных отношений языка может становиться не пара слов, а одно слово, внутри которого можно наблюдать своего рода динамику, семантическую градуальность.

Концепт как единица ментальности имеет способность к развитию, он накапливает знание об объекте на протяжении многих эпох, постоянно попадает под влияние смежных и рядоположенных концептов и может быть подвержен множественным интерпретациям [Степанов, 1997, Никитин, 2004 и др.]. С другой стороны, отмечается активная динамическая роль концепта в процессе мышления: он все время функционирует, актуализируется в разных своих составных частях и аспектах, соединяется с другими концептами и отгалкивается от них [Стернин, 2001]. Будучи динамическим образованием, концепт обладает комплексом характеристик, и различные характеристики становятся актуальными в разные периоды бытования концепта.

По мере развития историко-культурного процесса среда вокруг человека становится всё более наполненной. Её наполняют как физические объекты (артефакты), так и нематериальные сущности: идеи, представления, понятия, концепты и тексты, фиксирующие их. Всякое новое явление возникает среди уже существующих объектов и испытывает на себе их влияние как на этапе возникновения, так и впоследствии. Используемая в концептуальном анализе концептов модель в виде концентрических кругов с плотным ядром в середине, представляющим собой самую сущность явления, и периферией (коннотативными и ассоциативными приращениями), сходна с моделью распространения звуковых и иных волн от источника. Встречая на пути какое-либо препятствие, волна отражается от него и возвращается к реципиенту, наряду с первоначальным стимулом, в искажённом или ослабленном виде. Такой эффект, как известно, в физике называется эхом.

В своём первичном значении относящийся к области акустики, термин «эхо» и соответствующая ему корневая морфема метафорически применяется в астрономии (световое эхо), радиофизике (мировое эхо, *long delayed echo*), технике (эхолокация), программировании, шахматной терминологии. Столь широкое распространение термина можно объяснить тем, что физика, первоначально бывшая частью философии, изучает наиболее общие и фундаментальные закономерности, определяющие структуру и эволюцию мироздания. Законы физики лежат в основе всего естествознания, а развитие языка составляет часть естественной истории человечества. Хотя языкознание не является смежной дисциплиной по отношению к физике, В.В. Виноградову принадлежат термины «эхосемия» и «эхоморфия». «Эхосемия... это форма организации понятийного содержания, обусловленная стремлением человека понять общность, уловить подобие или создать сходство между конкретными и абстрактными объектами, материей и духом (ср.: вода течет – процессы текут, жизнь течет, время течет, чувства, мысли и т.д.)» [Борискина, 2011, с. 13-14].

В новейших лингвистических исследованиях обсуждается понятие эхотекста как «содержательно выхолощенной, формализованной реакции на какое-либо событие или сообщение» [Щербинина, 2014]. Эхотекст работает как зеркало, не участвуя действительно в информационном обмене, а лишь отражая нечто уже ранее произнесённое, сформулированное. Среди признаков эхотекста Ю. Щербинина выделяет такие, как: симуляция включённости в коммуникацию; смысловые искажения; оперирование клише словесными, логическими и оценочными; экспрессивность вместо информативности; жанровая эклектика; взаимозаменяемость элементов.

Онтология эхо-феноменов, бытующих в сфере литературной и околολитературной, вбирает не только акустический механизм образования (эхотекст определяется как «фоносемантический резонанс»), но и набор культурных аллюзий, берущих начало в римской мифологии: мотив наказания нимфы Эхо за болтливость, так что она могла повторять лишь окончания слов, изначально предполагает долю отрицательной оценочности: «эхо» делает каждое новое воспроизведение идеологически «меньше» предыдущего. С выделенными Ю. Щербининой характеристиками соотносимо предлагаемое нами понятие эхо-радиуса актуализации концепта.

Ю. С. Степанов говорит о «пассивных» признаках концепта как о уже неактуальных, исторических, а о его внутренней форме – как об «обычно вовсе неосознаваемой». Мы предполагаем, что развитие концепта может происходить по пути постоянного сопоставления с его первоначальной «версией». Среди всех возможных векторов наиболее постоянным остаётся ориентированность концепта на собственное прошлое, называемая также «памятью концепта» [Беляев, 2012, Балашова, 1998]). Память концепта можно сравнить с некоторым пространством, в котором более или менее упорядоченно размещаются вербальные и невербальные образы, причём эффективность этих образов определяется их необычностью и способностью пробуждать воображение ([см. Брагина, 1999]).

Под эхо-радиусом актуализации концепта в данном исследовании понимается пространство бытования концепта, ограниченное дискурсивными и хронологическими рамками, приводящее к его качественным изменениям. В предлагаемое понятие вкладывается идея сохранения формы лексической репрезентации концепта при частичной трансформации его содержания. Актуализация концепта на эхо-радиусах определяется следующими условиями:

1. Вербализованность и осознанность в лингвокультуре концептуального эталона, т.е. наличие суммы текстов, при анализе которых возможно выделение первичного набора признаков данного концепта.
2. Дистанцированность от эталона, т.е. актуализация в дискурсе, отличном от первоначального.
3. Функция медиатора, т.е. возможность апелляции к существующему в сознании представлению о целостной картине, частью которой являлся концепт-источник.

Поскольку концепт-источник должен обладать определённым потенциалом, способным породить «эхо», наиболее продуктивной средой происхождения обсуждаемой концептуальной пары представляется сфера искусства и, в частности, художественная проза. Специфическим свойством художественного концепта является диалогичность, адресованность собеседнику, стоящему на другой точке зрения. Порождающее и воспринимающее сознания в этом случае равноценны и могут меняться местами, так как восприятие художественных концептов представляет собой вариант нового их порождения. Благоприятную среду для функционирования эхо-концептов представляет коммерческий, в частности, рекламный дискурс. Универсальной стратегической целью рекламы является прагматическое воздействие, а именно провоцирование у целевой аудитории определённой заданной реакции. Рекламные тексты как часть массовой культуры неизбежно испытывают воздействие других текстов, вступая с ними в разнообразные межтекстуальные связи и аккумулируя их смыслы. В целом, прецедентность

можно понимать как систему определенных ассоциаций и чувств, вызываемых в сознании представителей определенного лингвокультурного сообщества тем или иным набором культурных ценностей материального или духовного мира и побуждающих к их использованию в коммуникации. Вовлекая аудиторию в прецедентное поле, автор рекламного текста играет образами – составляющими национальной когнитивной базы. М. В. Терских соотносит персуазивную функцию с функцией авторитетности, основанной на том, что прецедентные тексты обладают определенной культурной значимостью [Терских, 2003, с. 20-22].

Механизм актуализации концепта на трёх концептуальных слоях (эхо-радиус) в данном исследовании описывается с опорой на классификацию знаков Ч. С. Пирса.

1. Если считать ядром, источником «эха» эталон, первичный образ, самый ранний из зафиксированных в тексте, то в **первом** эхо-радиусе объект символизирует для наблюдателя некое духовное содержание, становясь планом выражения в **знаке-символе** (где означаемое и означающее связаны меж собой в рамках некоторой конвенции, то есть как бы по предварительной договоренности); здесь действует этическая оценочная шкала, отражающая позицию наблюдателя (реципиента).

2. По мере повторения и накопления естественные, первоначально лишённые эмоциональной окраски (либо окрашенные положительно) детали становятся типическими, приобретают «субстантивность», атрибуты возводятся до концептуального уровня. Стереотипизация и усиление отрицательной оценочности характеризуют **второй** эхо-радиус, где объект становится **знаком-иконом** (означаемое и означающее связаны меж собой по подобию).

3. Постепенно формируется поле уже известных форм и контекстов, которые комбинируются и верифицируются их создателями, образуя новые смыслы. В этом замкнутом поле находятся все существующие и вновь создаваемые вещи. В **третьем** эхо-радиусе объект приобретает черты **знака-**

индекса (означаемое и означающее связаны меж собой по расположенности во времени и/или пространстве), указывая не на внутреннюю ценность или духовный смысл, а на сам факт наличия «благ», что приводит к фикции и переходу оценочности из области этики в область прагматики.

В литературном тексте эффект, близкий к эху, возникает при использовании цитатности. Под цитатой (от лат. *citare* – вызывать, приводить) понимается дословная выдержка из какого-либо произведения. При этом признаётся, что цитата может быть как сознательной, так и «бессознательной», и даже носить характер «случайного совпадения», а может быть сознательно зашифрована, спрятана в тексте и служить для создания сложных текстовых и внетекстовых связей. Возникает особый дискурс, в котором одно явление преломляется через другое, создавая целые цепочки ассоциаций культурного порядка. Жизненное явление проходит через множество призм и обрастает множеством смыслов и оттенков смысла. Такое «эхо» к тому же создаёт ощущение нестабильности, обманности.

Наращивание смысловых слоёв концепта-мифемы можно представить следующим образом. На первом этапе происходит его осмысление, то есть соотнесение в сознании смыслового содержания концепта с этимологией (истинным, первичным значением) соответствующего слова. На втором этапе формируется внутренняя форма слова – смысловой центр концепта-образа. Для пользующихся данным языком этот слой содержания концепта существует опосредованно, как основа, на которой возникли и держатся остальные слои значений. На третьем этапе происходит метонимическая концентрация образа, что, в свою очередь, стимулирует формирование символического значения слова. На четвёртом этапе появляется установка на миф – действие символа в парадигме культуры [Сергеева, 2009, с. 76-77]. Основной функцией мифа, по терминологии Ролана Барта, является «натурализация» концепта. Согласно Барту, миф не скрывает свои коннотативные значения, а «натурализует» их. Миф выглядит как нечто естественное, «само собой разумеющееся», идея даётся в нерасчленном

отождествлении с чувственным образом. «Прочтение» мифа совершается мгновенно, он производит непосредственный эффект. Его воздействие оказывается сильнее любых рациональных объяснений, которые могут опровергнуть его позже. Рассматривая различные явления повседневной культуры — еду, жилище, досуг, структуру города, моду, масс-медиа, литературу, сферу межличностного общения — Барт приходит к выводу, что современная масс-культура в цивилизованном обществе несколько не менее мифологична, чем первобытная культура. Суть мифа остаётся та же — обращение продуктов культуры в «природные вещи». Миф питает сознание людей, живущих в мире вещных ценностей [Барт, 1994].

Вечная игра в прятки между смыслом и формой составляет самую суть мифа. Становясь формой, смысл лишается своей случайной конкретности, он опустошается, обедняется, история выветривается из него и остается одна лишь буква. Концепт помогает восстановить цепь причин и следствий, движущих сил и интенций. В противоположность форме концепт никоим образом не абстрактен, он всегда связан с той или иной ситуацией. Если говорить точнее, в концепт впитывается не сама реальность, а скорее определенные представления о ней, при переходе от смысла к форме образ теряет какое-то количество знаний, но зато вбирает в себя знания, содержащиеся в концепте.

Массовая культура лишена трансцендентного измерения. Она совершенно не интересуется нематериальным, потусторонним бытием, иным его планом. Ценностный комплекс массовой культуры образован радикально иначе, чем культуры традиционной. Ценности массовой культуры, реализуемые в ее артефактах (продуктах), выражают представления о реальном жизненном обустройстве, комфорте, социальной стабильности и личностном успехе. Ориентацию на труд (духовный, интеллектуальный, физический), напряжение, заботу, созидание и эквивалентный (справедливый) обмен сменила ориентация на дары, карнавалы, организованный другими праздник жизни.

Массовую культуру отличает «брендовый» способ организации ценностно-смыслового ее содержания, порождения и трансляции ее артефактов. В отличие от сугубо юридической сферы, которой принадлежит термин «торговая марка», бренд (англ. *brand* – товарный знак) существует в сознании потребителей, включая, помимо физических характеристик товара, целый комплекс ожиданий, ассоциаций, приписываемых ему, а также обещания каких-либо преимуществ. Бренд означает, что потребителю продается не товар, а чаяния, надежды и стремления самого потребителя, его мечты, его представления о «себе самом, каким бы я хотел быть».

Продукт массовой культуры должен, с одной стороны, обладать некими уникальными, неповторимыми свойствами, позволяющими его легко идентифицировать, выделить среди других, а с другой – такими характеристиками, которые позволяли бы его легко тиражировать в массовом количестве экземпляров и вариаций. Кроме того, он должен будить воображение, чтобы потребитель не просто заинтересовался, а быстро и по возможности полностью погрузился в воображаемый мир. Он должен вызывать интенсивные и немедленные переживания, а поскольку большей частью продукты масскульта распространяются на коммерческой основе, то это должны быть стимулы, соответствующие устоявшейся структуре воображения, интересов и установок массового потребителя.

Усадьба как культурный феномен представляет собой сложное поле взаимодействия двух противоположных начал: искусственного и естественного. Под усадебным мифом как разновидностью мифологемы о «золотом веке» подразумевается некая сумма представлений о жизни в своем собственном рае, богом-творцом которого якобы выступает хозяин этого пространства, в то время как на самом деле пространство внушает ему, как следует жить. Принцип организации усадебного пространства позволяет использовать все существующие в практике и реальной жизни взаимосвязи различных явлений и процессов. Предметно-физический мир усадьбы дополнялся явлениями, связанными с сознанием, с интеллектуальной, с

эмоционально-психологической деятельностью человека: обычаи и нравы, верования, знания, народное искусство. В. Г. Щукин формулирует понятие «усадебный текст» [Щукин, 1998], которое в последние десять лет широко изучается в рамках структуро-семиотического подхода (Ю. М. Лотман, В. И. Смирнов).

1.4 Национальная концептосфера как источник концептосфер COUNTRY HOUSE и УСАДЬБА

Национальная (этническая) концептосфера подразделяется на сегменты – субконцептосферы, ассоциативно связанные между собой. В структуре субконцептосферы выявляется ядерный элемент, существование которого обусловлено тем, что концептосферы формируются ассоциативными связями и, в силу этого, имеют полевую организацию. Под ядерным элементом понимается концепт, с которым все ценностные доминанты субконцептосферы связаны конвергентными (центростремительными) ассоциативными связями. Дивергентные (центробежные) ассоциативные связи лингвокультурных концептов, входящих в состав субконцептосфер, связывают последние между собой и организуют национальную концептосферу [Кононова, 2010, с. 5-6]. Культурная и языковая картины мира, национальная концептосфера и национальный менталитет, а также концептосферы более мелких порядков – групповые, личностные, художественные (индивидуально-авторские, жанровые, концептосферы отдельных произведений искусства) – таким образом, имеют тесные взаимопересекающиеся связи.

З. Д. Попова и И. А. Стернин предлагают определять менталитет как «специфический способ восприятия и понимания действительности, определяемый совокупностью когнитивных стереотипов сознания, характерных для определенной личности, социальной или этнической группы людей». Национальный менталитет является инструментом создания национальной картины мира, которая «представляет собой общее,

устойчивое, повторяющееся в картинах мира отдельных представителей народа» [Стернин, Попова, 2001, с. 65]. Как утверждают П. С. Гуревич и О. И. Шульман, ментальность принадлежит не только логически-рациональной сфере, но связана и «с бессознательным слоем психики» [Гуревич, Шульман, 2001]. «Бессознательный» компонент менталитета подчеркивает и Н. С. Южалина [Южалина, 2003].

Всякая попытка реконструировать национальный менталитет представляет собой моделирование, конечный результат которого зависит от параметров, заложенных в схему. Принадлежность к определённой этнической группе и связанная с этим совокупность концептов и устоев, служащих для самоопределения представителей данной национальности, осознаётся как некоторая более или менее цельная сущность и обозначается в языке словами, образованными от наименования национальности при помощи суффиксов со значением отвлечённого признака или состояния: в русском языке – «русскость», «английскость», «французскость», в немецком – «Deutschtum», «Franzoesischtum», «Englischtum», в английском – «Frenchness», «Englishness».

Флориана Ревирон-Пьега пишет, что вопрос о сущности «английскости» остаётся открытым. Несмотря на большое количество литературы, посвящённой вопросу национальной идентичности, исследователи уклоняются от чётких дефиниций. По мнению автора, определение английскости зависит от национальности того человека, который это определение даёт, а именно от того, экзогенна она или эндогенна. В качестве точки отсчёта представляется логичным избрать «свидетельства изнутри», суждения представителей нации о самих себе [Reviron-Piegay, 2009, р. 1-2]. Джордж Оруэлл, английский писатель, в известном эссе «Англичане» подчёркивает, что мнение стороннего наблюдателя может значительно расходиться с реальной ситуацией, так как оно строится «на характерах и привычках представителей имущих классов, игнорируя остальные 45 миллионов населения» [Оруэлл, 1992, с. 197]. Другой

английский писатель, Дж. Б. Пристли, подтверждает, что система сословий более удобна и приятна большинству англичан, чем эгалитарное общество [см. Vaxendale, p. 91]. Пристли объясняет свойства английского характера густонаселённостью страны: англичанин всегда стремится обособиться от других и спешит домой, чтобы лишь там стать самим собою.

В. П. Шестаков утверждает, что в Англии «человек и природа удивительно уживаются, не ущемляя друг друга. Одиноким коттедж, стоящий среди деревьев, создаёт атмосферу человеческого присутствия в самом удалённом конце страны. А парки и сады напоминают скорее дикую природу, хотя и заботливо выращены человеком» [Шестаков, 2010, с. 20].

Одной из наиболее часто отмечаемых черт английского национального характера является парадоксальная сочетаемость конформизма, приверженности к условностям, к устоявшемуся укладу жизни – и эксцентричности, экстравагантности, индивидуализма. Елена Курчина определяет британский тип мышления как «интуитивно-парадоксальный», а английскую модель пространства – как «лабиринтную». Ограниченность островного пространства береговой линией побуждает к «расширению вглубь» и принятию самых причудливых форм [Курчина, 2003]. Если принять лабиринт как структурную проекцию английской концептосферы, то её главными характеристиками окажутся внешняя ограниченность (замкнутость) и внутренняя многомерность. Изнутри лабиринт как бы больше, чем снаружи. Несмотря на кажущуюся запутанность связей, он имеет определённую структуру, но не «вертикальную» (иерархическую), а скорее «плоскостную». Лев Гроссман отмечает схожую характеристику усадеб, описанных в романах: по его мнению, их можно легко себе представить, но сложно нарисовать на бумаге план дома, в котором комнаты, этажи, пристройки множатся без конца [Grossman, 2012].

Наиболее полное на сегодняшний день перечисление составляющих английской национальной концептосферы представлено М. В. Цветковой. Автор выделяет следующие концепты: HOME (ДОМ), FREEDOM'

(СВОБОДА), PRIVACY (ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ), COMMON SENSE (ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ), SENSE OF HUMOUR (ЧУВСТВО ЮМОРА), GENTLEMANLINESS (ДЖЕНТЛЬМЕНСТВО), FAIR PLAY (ЧЕСТНАЯ ИГРА), STIFF UPPER LIP (СДЕРЖАННОСТЬ), HERITAGE (НАСЛЕДИЕ) [Цветкова, 2000, 2001]. На основе сделанного исследовательницей описания концептов, а также сообразуясь с целями и характером проводимого нами исследования, мы считаем возможным обозначить дополнительные связи между концептами, представив их в виде определённой структуры.

По мнению А. К. Байбурина, жилище – это не только материальный объект, но и один из ключевых символов культуры. С понятием «дом» в той или иной мере соотнесены все важнейшие категории картины мира у человека. Наконец, жилище – это квинтэссенция освоенного человеком мира [Байбурин, 2005, с. 9]. «Образ родины для него [англичанина] – это обнесенный живой изгородью палисадник под окнами» [Овчинников, 1979], в основе которого лежит «идея обособленности, отделенности от всего остального мира и замкнутости в своем небольшом уютно обустроенном пространстве» [Цветкова, 2001]. Здесь следует отметить, что в дальнейшем в данной работе мы будем пользоваться двойным репрезентантом концепта HOUSE/HOME, так как вслед за И. В. Давыденко считаем обе лексемы полноправными именами концепта [Давыденко, 2012]. Дуальность базового концепта, выражающаяся в наличии в английском языке двух основных, этимологически связанных имён концепта (*house* и *home*), заключается в соотносимости абстрактной и специфической для английского самосознания идеи *home* с материальной, конкретной и столь же специфической идеей *house*. *Home* подразумевает эмоциональную замкнутость, *house* – физическую: отсюда представление о доме как отдельном самостоятельном строении, окружённом собственным садом и имеющем собственное имя. Однако в связи с вхождением одного из имён концепта в сложную лексему – имя концептосферы COUNTRY HOUSE, репрезентант HOUSE представляет для нас особый интерес. В объём словарных дефиниций лексемы *house*

входят такие значения, как «дом, жилище, здание, постройка», «хозяйство», «семья, домохозяева», «династия, род». Таким образом, концепт HOUSE/HOME является не только центральным, но и «аккумулирующим», своего рода «коробкой» для других составляющих концептосферы. Сравнительный анализ ассоциативных полей для лексемы *house* показывает частотность реакций *family* (6%), *mother* (5%), *parents* (3%), а также реакций с положительной эмотивной оценкой: *life* (3%), *help* (2%), *rest* (2%) [Денисов, 2008].

Анализ словарных толкований лексических значений имени концепта FAMILY показывает, что *family* обозначает группу людей, объединенных узами брака, кровным родством или усыновлением, ведущих общее хозяйство и связанных определенными социальными ролями. Базовую вербализацию концепта осуществляют следующие слова-репрезентанты: *mother, father; wife, husband, spouse, couple; daughter, son, child, baby, children; love, wedding, marriage; grandmother, grandfather, grandparents* [Павлова, 2011]. Е. А. Кострубина предлагает рассматривать HOUSE и FAMILY как единый гиперконцепт [Кострубина, 2011].

Проживание в доме семьи, рода в течение долгого времени обуславливает аккумулятивную его функцию. Дом накапливает вещи разных эпох и стилей, связанные с семейными воспоминаниями и привязанностями. Фраза “*he is someone who buys his own furniture*”, подразумевающая, что человек не имеет наследства, в английской речи носит уничижительный характер. В круг понятия «heritage», кроме прямого значения – ‘наследуемая собственность’ – входят также ценные объекты и качества, как то: исторические здания, предметы искусства, нетронутый ландшафт, культурные традиции и фольклор, передаваемые на протяжении лет внутри нации, социальной группы или семьи и воспринимаемые как нечто ценное и важное, принадлежащее всем членам сообщества. Этимология лексемы *tradition* подразумевает, что нечто прошло проверку временем, а потому его непременно следует сохранить (от латинского *tradere* – ‘доставлять’ и *date* –

‘то, что дано’). Семантика слова *gentleman* определяется основным значением словообразующего элемента *gentle*, восходящим к старофранцузскому *gentil* («высокородный», «благородного происхождения») и к латинскому *gentilis* (принадлежащий к одному и тому же роду, клану). Позднее *gentle* начинает означать “domesticated” (одомашненный), в XV веке к этому добавляется “tamed” (прирученный, укрощенный, спокойный, неопасный), а в XVI столетии – и “soft, mild” (мягкий). Ценность индивида определяется в тесной связи с представлением о нём как о звене в цепи преемственности поколений; сопутствующая идея цивилизованности и культурности лежит также и в основе знаменитых английских газонов, садов и парков, искусно стилизованных под дикую природу. Таким образом, через концепт FAMILY устанавливается связь концепта HOUSE / HOME с концептами HERITAGE, TRADITION и GENTLEMANLINESS. Обратной стороной приличий предстаёт лицемерие (HYPOCRISY), воплощаемое в неискреннем этикетном дискурсе и зависимости отношения к человеку от его материального благосостояния. Ю. А. Храмова отмечает, что в обиходном дискурсе лицемерие воспринимается как данность, принятый в обществе способ поддерживать рамки частной жизни и образ независимого, процветающего человека [Храмова, 2010].

Жесткое давление английской социальной системы и свода правил поведения в приличном обществе обуславливает лояльность англичан к эксцентричности. Концепты PRIVACY и FREEDOM составляют пару: приватность есть желание защитить личностное пространство, тогда как понятие свободы связано с личной независимостью, которая, по любимой англичанами поговорке, ограничивается «кончиком носа соседа».

Если для английской концептосферы значимы такие характеристики, как замкнутость и индивидуалистичность, то доминантами русской концептосферы признаются, с одной стороны, простор, пространство, а с другой – единство, общность. Русские доминанты не только противоположны английским, но и разнонаправлены между собой. Английской

сосредоточенности на доме противостоит русская «рассеянность» пространства, английскому лабиринту – путь-дорога, английской практичности – неудовлетворённость реальным. Универсальные культурные концепты приобретают национальную специфичность: концепту ДОМ свойственна незавершённость, временность в вечных поисках лучшей доли; концепту СЕМЬЯ – обращённость в большей степени к предкам, в число которых входили и природные объекты (*Волга-матушка*); концепту НАСЛЕДИЕ – противоречивость, антиномичность, связанную с неоднозначностью смысловой оценки исторического опыта страны в различные эпохи. Н. В. Макшанцева представляет в составе русской национальной концептосферы такие концепты, как СОБОРНОСТЬ, ВЕРА, СОВЕСТЬ, ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ, ТЕРПЕНИЕ, а также ВОЛЯ, УДАЛЬ, БЕСПРЕДЕЛЬНОСТЬ [Макшанцева, 2001]. Ниже в данном исследовании демонстрируется аналогия в составе ядерной триады ДОМ / СЕМЬЯ / НАСЛЕДИЕ и функции «призмы», выполняемой в актуализации концептосферы УСАДЬБА национально специфичными концептами ВЕРА и СОВЕСТЬ, а также концептом ДВОРЯНСТВО, параллельным, но не полностью синонимичным английскому концепту GENTLEMANLINESS.

Одним из ключевых представлений, организующих картину мира субъекта, которое во многом детерминирует его восприятие самого себя и окружающей реальности, является представление о счастье – неотъемлемая составляющая аффективной, когнитивной и поведенческой сфер жизни человека. Эта духовная сущность регулирует отношение человека к успешности и осмысленности собственной жизни, представляет собой безусловную жизненную ценность [Воркачев, 2001]. Представления о счастье окрашены культурной спецификой: в отличие от русского «счастья», принадлежащего к высокому регистру и несущего очень сильный эмоциональный заряд, английское слово *happy* является «повседневным», как пишет А. Вежбицкая. Слово *happiness* обозначает в английском языке одну из базовых эмоций, некую норму эмоционального благополучия, причём вполне

достижимую. Эта эмоция, в противоположность тревоге, направленной в будущее (ожидание возможных неудач) и депрессии, связанной с прошлым (скорбь об утраченном), обслуживает настоящее время [Вежбицкая, 2001].

В плане языкового выражения идея счастья характеризуется достаточно высокой степенью «семиотической насыщенности», т.е. передается целым рядом синонимов, паремий, фольклорных и художественных образов. Представление о счастье, благополучии присутствует в любом произведении национальной литературы и может быть выражено как напрямую, так и от противного (т.е. через изображение несчастья, неблагополучия). Создание картины счастливой жизни – действительной или мнимой и впоследствии разоблачаемой – является характерным признаком такого жанра английской литературы, как усадебный роман.

ВЫВОДЫ ПО I ГЛАВЕ

1. Концепты способны составлять упорядоченные совокупности, называемые «концептосферами». Понятие концептосферы, в свою очередь, связано с такими понятиями, как национальный менталитет, картина мира. В свете этого следует учитывать, что многие концептосферы, будучи универсальными для большинства культур, в каждой отдельной культуре имеют специфические черты.

2. Для работы с концептом как ментальным (непосредственно не наблюдаемым) образованием создаётся та или иная модель, характер которой определяется целями исследования и имеющимся языковым материалом. Более или менее общим местом таких моделей является идея о ядерно-полевой структуре концепта. Концептосферы как образования, состоящие из отдельных концептов, могут быть смоделированы схожим образом, причём ядро составляют несколько наиболее тесно взаимосвязанных концептов.

3. Сложности дефинирования термина «концепт» связаны с междисциплинарностью термина, а также с существованием смежных понятий, нередко отождествляемых с концептом. Три основных подхода к концептуальному анализу: лингвистический, когнитивный и культурологический – не исключают, а дополняют друг друга. Помимо таких оснований для классификации типов концептуальных феноменов, как характер представленного в концепте знания, его внутренняя структура или объём содержания, интересны попытки организовать понятие о различных видах концептов «пространственно» (антиконцепт, эхоконцепт).

4. Создание объёмной, целостной картины знания происходит на междисциплинарной основе совместно с механизмами действия научной метафоры. Результаты метафорического синтеза закрепляются в терминологии, отражающей вскрытые исследователем связи. В концептуальном анализе применение метафоризации не только возможно, но и необходимо, т.к. наряду с ненаблюдаемостью ему присуща образность

особого рода, благодаря которой концепт способен объединить все аспекты когнитивной деятельности человека.

5. Поставленные цели и избранный иллюстративный материал создали условия для введения в рамках данного исследования термина «эхо-радиус», определяемого через уже существующую терминосистему как дискурсивно и хронологически ограниченное пространство актуализации концептуальных феноменов. Характер концептуальных трансформаций при переходе на очередной эхо-радиус мы соотносим с теорией знака Ч.С. Пирса (символ – икон – индекс).

ГЛАВА II. СОСТАВ И СТРУКТУРА КОНЦЕПТОСФЕРЫ *COUNTRY HOUSE* В АНГЛИЙСКОМ УСАДЕБНОМ РОМАНЕ НА ФОНЕ КОНЦЕПТОСФЕРЫ *УСАДЬБА* В РУССКОМ УСАДЕБНОМ РОМАНЕ

2.1 К вопросу об имени концептосферы

Под именем концептуального феномена, следуя лингвокультурологической традиции, мы понимаем языковой знак, при помощи которого концепт включается в лексическую систему языка. [см. Воркачёв, 2005; Воркачёв, 2012]. В этом качестве чаще всего выступает существительное, передающее общее содержание концепта наиболее конкретно, концентрированно и адекватно. Многочленные имена (словосочетания) используются в случае семантического слияния в данном концепте нескольких смысловых единиц.

Среди репрезентантов концепта *HOUSE / HOME*, относимого нами к концептам, составляющим ядерную триаду исследуемой концептосферы, наибольшей семантической плотностью обладают ЛСВ «обитаемое жилище человека» и «жилище человека» [Давыденко, 2011], что позволяет сделать вывод о том, что именно эти ЛСВ включают базовые смыслы концепта *HOUSE / HOME*. Лексема *country house* входит в оба эти ЛСВ, следовательно, принадлежит к числу актуальных знаний для лингвокультурного социума. Компонентный анализ словарных дефиниций лексики *country house* на основании данных 12 толковых словарей (список помещён в конце работы) позволил выделить следующие семантические компоненты (в скобках приведено число актуализаций):

1. Жилое здание: *house, mansion, residence, dwelling* (12);
2. Сельская местность: *country, countryside, outside of the city, second home* (12);
3. Величина: *large* (8);
4. Собственность: *belonged, belonging, owned, of* (6);
5. Традиционность: *traditional, aristocratic, historical, owned for many years* (5);

6. Семья: *family* (4):
7. Богатство: *wealthy* (4).
8. Внешний облик: *impressive* (2).

Наибольший процент актуализации имеют понятийные признаки 'жилое здание' и 'сельская местность', что позволяет отнести их к базовым. Под базовым концептуальным признаком мы понимаем первичный признак, закладывающий содержательную основу при формировании концепта [Ларина, 2011, с. 59-60]. Усадьба, однако, не была деревенским домом в прямом смысле этого слова, а претендовала на роль пространства культуры, но в естественном, природном ландшафте.

Смысловое наполнение концепта следует соотносить со всей лексико-семантической парадигмой, существование которой подтверждается ситуацией взаимоопределения в словарных дефинициях, так как каждый отдельный репрезентант концепта передаёт своим именем лишь часть его содержания. Синонимический ряд лексемы *country house* представлен следующими лексемами: *(country) cottage, chateau, dacha, estate, hall, lodge, manor, manorial estate, manse, mansion, parsonage, residence, stately home, villa, shooting box, summer house, country seat, farmhouse, rectory, etc.* Для настоящего исследования, с учётом используемых текстов, наиболее актуальны следующие единицы, обладающие достаточной семантической близостью: *country house, stately home, mansion house, manor house, country estate.*

Наименование *stately home* предполагает внушительность постройки и доминирование её над окружающим ландшафтом. По форме и сути это дворцы или перестроенные замки (а также аббатства или другая церковная собственность), возведённые в основном в период с середины XVI века до начала XX века. В настоящее время обозначение «*stately home*» нередко применяется агентами по недвижимости к домам большим по размеру, но не являющимся дворцами, с целью привлечения покупателей.

Лексема *mansion* в словарях фиксируется с середины XIV века в значении ‘chief residence of a lord’ («главная резиденция землевладельца»), с начала XVI в. – в значении ‘any large and stately house’ («большой, роскошный дом»). Возводимые в Средневековье «mansions» представляли собой защищённые замки или крепости.

Однокоренная лексема *manor* употребляется с конца XIII века в значении ‘mansion, habitation, country residence, principal house of an estate’ («главный дом в поместье»). Манор представлял собой нижний уровень территориальной организации феодальной системы в Европе; таким образом, исторически «manor house» – это господский дом, расположенный в центре земельного владения и обеспечиваемый рентой. В Великобритании обозначение применяется также к меньшим по размеру усадьбам, относящимся к позднему Средневековью, часто укреплённым, но обычно больше в декоративных, чем в действительно защитных целях.

Лексема *estate* в конце XIV века приобрела значение ‘property’ («собственность»); употребление слова для обозначения ‘landed property’ («земельной собственности») впервые было зафиксировано в американском варианте английского языка в 1620-х годах. С 1830-х годов *estate* употребляется в значении ‘collective assets of a dead person or debtor’ («имущество, из которого могут быть выплачены долги»), т. е. дома, фермы и даже деревни, находящиеся на господской земле.

Сравнительный компонентный анализ словарных дефиниций лексем-обозначений загородного жилища демонстрирует следующую актуализацию семантических признаков (табл. 1). Как следует из таблицы 1, наиболее полным набором понятийных признаков обладают синонимические лексемы *country house* и *stately home*, что позволяет считать их наиболее близкими синонимами. При этом лексема *country house* стилистически не маркирована и обладает наиболее общим значением (встречается в качестве родового определения в других дефинициях), таким образом, признаётся доминантой синонимического ряда.

Табл. 1. Представленность семантических компонентов в синонимическом ряду

	жилое здание	сельская местность	величина	собственность	традиционно	семья	богатство	внешний облик	земли
country house	+	+	+	+	+	+	+	+	
stately home	+	+	+	+	+	+	+	+	
mansion house	+		+					+	
manor house	+		+						+
country estate	+	+	+	+					+
Кол-во совпад.	5	3	5	3	2	2	2	3	2

Стихотворение Фелиции Хеманс «The Homes of England» (1827), где впервые была употреблена лексема *stately home*, может считаться первичным примером репрезентации исследуемой концептосферы, так как в нём средствами художественной выразительности был создан цельный образ, впоследствии как таковой вошедший в языковое употребление. Поскольку данное стихотворение, как и другие тексты Ф. Хеманс, почти неизвестно в России и не имеет поэтического перевода, мы считаем возможным привести здесь это стихотворение полностью с подстрочным переводом.

The Homes of England

Дома Англии

by Felicia Dorothea Hemans

Фелиция Доротея Хеманс

The stately homes of England

Величественные дома Англии,

How beautiful they stand!

Как они прекрасны!

Amidst their tall ancestral trees,

Среди высоких старых деревьев

O'er all the pleasant land!

Стоят они по всей стране.

The deer across their green sward bound

Олени скачут по зелёному дёрну

Through shade and sunny gleam,

Сквозь свет и тень,

And the swan glides past them with the sound

И мимо по воде скользит лебедь

Of some rejoicing stream.

С приятным плеском.

The merry homes of England!

Радостные дома Англии!

Around their hearths by night,

Вечером вокруг очага

What gladsome looks of household love

Сколько встречается любящих лиц,

Meet in the ruddy light!
 There woman's voice flows forth in song,
 Or childhood's tale is told;
 Or lips move tunefully along
 Some glorious page of old.

Озарённых красноватым светом!
 Поёт ли песню женский голос,
 Или рассказывают сказку детям,
 Или губы шевелятся, читая
 Славные страницы прошлого.

The cottage homes of England!
 By thousands on her plains,
 They are smiling o'er the silv'ry brook,
 And round the hamlet-fanes;
 Through glowing orchards forth they peep,
 Each from its nook of leaves;
 And fearless there the lowly sleep,
 As the bird beneath their eaves.

Сельские дома Англии!
 На тысячах её равнин
 Они улыбаются над серебристым ручьём
 И вокруг деревенских церквушек;
 Утопая в цветущих садах,
 Они выглядывают сквозь листву,
 И находят там убежище бедняк,
 Словно птица под карнизом.

The free fair homes of England!
 Long, long in hut and hall
 May hearts of native proof be rear'd
 To guard each hallow'd wall.
 And green for ever be the groves,
 And bright the flow'ry sod,
 Where first the child's glad spirit loves
 Its country and its God.

Свободные, чистые дома Англии!
 Ещё долго в каждой хижине и дворце
 Сердца тех, кому дорога родина,
 Обратятся к их священным стенам.
 Да зеленеют вовеки леса
 И ярко цветёт земля
 Там, где детская душа впервые
 Возлюбила свою страну и Бога.

Обязательными признаками (атрибутами) усадебного жизнеустройства в стихотворении выступают связь с прошлым (*ancestral trees, page of old*), семейственность (*household, child*), гармония с природой, причём имеет место олицетворение дома (*they are smiling o'er the silvery brooks*), благочестивость (*Solemn, yet sweet, the church-bell's chime / Floats thro' their woods at morn*), общий положительный эмоциональный фон (*pleasant, rejoicing, love*).

В русском дискурсе термин «усадьба» в понимании, близком к современному, прослеживается по крайней мере с XVII в., хотя встречался он тогда достаточно редко. До 1714 г. различались вотчины — родовые или приобретенные владения и поместья — имения, дававшиеся дворянам на время службы. Соответственно, в писцовых и переписных книгах чаще употребляются выражения «двор вотчинников» и «двор помещиков».

Вотчинными владениями считались и подмосковные загородные дворы; небольшую часть подмосковных усадеб с XVIII в. традиционно называют мызами.

Чаще всего в быту, в письмах любая усадьба, за исключением загородных дворов, именовалась деревней, вне зависимости от реального статуса населенного пункта, в котором она находилась. В свою очередь, в обиходной практике термином усадьба зачастую называли крестьянские дворы [Коробко]. Тип населенного пункта «сельцо» обозначал усадьбу, не имевшую церкви.

Первые попытки определения усадьбы как понятия относятся к пореформенной эпохе. В 1867 г. увидел свет последний том знаменитого Словаря живого великорусского языка В. И. Даля, который произвел этот термин от слова *усада* (*усадище, усадбище*), определяя *усадьбу* как «господский дом на селе, со всеми ухажаями, садом и огородом», т.е. жилье и прилегающая к нему территория. Современных толкования вкладывают в это понятие архитектурный ансамбль с парком или вне парка, включая в него и хозяйственные постройки (БСЭ); иногда, в качестве синонима термина «имение», определение распространяется на всю территорию, принадлежащую владельцам усадьбы, т. е. относительно крупное землевладение с исторически обусловленными границами (Ожегов). Однако по отношению к имению усадьба вторична. Изначально имение представляло собой лишь землю с угодьями, купленную или полученную за службу их владельцем. До реформы 1861 г. имения делились на населенные (имеющие в своем составе крестьянские поселения) и ненаселенные, владельцами которых были лица, не имеющие права владения крепостными, то есть, как правило, недворянского происхождения [Коробко]. Большие имения с усадьбами переходили из рук в руки по наследству или путем браков и других родственных связей.

Согласно данным Национального корпуса русского языка, наибольшей частотностью и разнообразием сфер актуализации в синонимическом ряду

усадьба, вотчина, поместье, имение, дача обладает лексема *имение* (1385 документов, 3978 вхождений), однако в семантическом составе этой лексемы отсутствует важнейший компонент 'дом'. Именем концептосферы, соответствующей концептосфере английского языка COUNTRY HOUSE, в русском языке может быть признана лексема *усадьба* (второе место по частотности, 561 документ, 1057 вхождений), в силу совпадения основных компонентов значения, а также на основе сложившейся практики взаимного перевода данных лексем с английского на русский и с русского на английский язык, в том числе в составе терминологического обозначения исследуемого в данной работе жанра *country house novel* – усадебный роман.

Кроме того, в русском дискурсе имеет место репрезентант-фразема *дворянское гнездо* (63 документа, 75 вхождений), фиксируемый в КС, БЛС, ФС. Как источник фраземы указывается одноименный роман И. С. Тургенева (1859), хотя впервые она употреблена автором двумя годами ранее, в рассказе «Мой сосед Радилов» (1847). Основная сюжетная линия романа посвящена судьбе помещика Фёдора Ивановича Лаврецкого, который, разочаровавшись в браке со светской красавицей Варварой Павловной, возвращается в родное имение с намерением заняться его благоустройством. Его духовному возрождению способствует любовь к Лизе Калитиной, однако их брак оказывается невозможен, и Лиза отказывается от личной жизни и уходит в монастырь. Тургеневская формула в близком к авторскому значении, с оттенком ностальгического чувства, цитировалась как в художественном, так и в нехудожественном русском дискурсе: *Дворянское гнездо Парначёвых принадлежало к числу вымирающих* (Д. Н. Мамин-Сибиряк «Мать-и-мачеха»); *Во все стороны от нашей усадьбы было разбросано достаточное количество дворянских гнёзд* (М. Е. Салтыков-Щедрин «Пошехонская старина»); *В этом опустевшем дворянском гнезде, с высокими липами, сиреневыми аллеями поцелуев и вздохов, ещё до рождения моего поселились мои родители* (М. М. Пришвин «Кашеева цепь»); *Любопытно, что даже Лика [у Бунина] лишена характера, это просто очаровательное существо*

той поры русской жизни, когда окончательно развалились *дворянские гнёзда* (Ю. М. Нагибин «Наш современник Чехов»). Современные словари маркируют это значение фраземы как устаревшее; разговорный дискурс демонстрирует жаргонное, шутливо-ироническое переносное употребление: от обозначения элитных зданий в Одессе [Смирнов, 2003] и Петербурге [СП], а также продуктового магазина с дефицитным ассортиментом к расширительному значению «элитное жильё (дом, микрорайон)». Отмечается употребление фраземы в значении «учительская» и «помещение для командного состава на судне». Очевидно, что репрезентант-фразема при адаптации к различным социолектам, не свойственной другим репрезентантам, сохраняет такие важнейшие компоненты значения, как богатство, обособленность (территориальная и социальная), высокий статус, принадлежность к старшему поколению, традиционность (в сообществах, опирающихся на иерархическую традицию – школа, экипаж корабля), однако не является доминантой синонимического ряда и, хотя данный репрезентант может быть рассмотрен в качестве имени авторской идиоконцептосферы, его нельзя признать именем концептосферы языка в силу низкой частотности.

2.2 Корреляция семантических признаков имени концептосферы и состава английской национальной концептосферы

Анализ представленности синонимичных лексем-репрезентантов имени исследуемой концептосферы в различных дискурсах современного английского языка, таких как: устная речь (*spoken*), художественная литература (*fiction*), журналы (*magazine*), газеты (*newspaper*), неакадемический (*non-academic*), академический (*academic*) и прочий (*miscellaneous*) производился с привлечением данных Британского национального корпуса (BNC). Наиболее частотной с учётом всех видов дискурса оказывается лексема *country house* (288 вхождений). Далее по убыванию частотности синонимические лексемы располагаются следующим образом: *manor house* (230 вхождений), *stately home* (52 вхождения), *mansion*

house (44 вхождения), *country estate* (19 вхождений). В отдельных видах дискурса наибольшую частотность демонстрируют соответственно: *country house* – в журнальном дискурсе (23% вхождений), *stately home*, *mansion house* – в газетном (32% и 28% вхождений соответственно), *country estate* – в неакадемическом (26% вхождений), *manor house* – в художественной литературе (23% вхождений). Таким образом, синонимический ряд функционирует достаточно активно, что подтверждает актуальность изучаемой концептосферы в сознании носителей языка.

При анализе ближайшего контекста употребления (1-9 единиц) с целью выявления актуализируемых тематико-семантических групп лексики (ТСГ) были получены следующие результаты:

COUNTRY HOUSE

ТСГ «внешний вид»: *gardens, park(s), parkland, furniture, sofa, pictures, antiquities, library; magnificent, luxurious, expensive, beautiful, great, stately, spacious, big; set, situated, designed, demonstrated, abounded, surrounded, worn, destroyed;*

ТСГ «история/культура»: *poems, atmosphere, style, clichés, settings, gallery, exhibition, collection, architect; English, Irish, Scottish, old, traditional, Georgian, Edwardian, Victorian; built, established, dating, evoked;*

ТСГ «человек»: *weekend, party, drama, murder, mystery; comfortable, beloved, welcoming; loved, forsaken, belonged;*

ТСГ «бизнес»: *hotel, restaurant, hotel-cum-restaurant, business, clients, sales; visiting, show, opened, offered, priced, lend.*

STATELY HOME

ТСГ «внешний вид»: *countryside, park, lake, chateau, century, gardens; local, nearby; beautiful, splendid, magnificent, E-shaped, cultivated; big, small, grand;*

ТСГ «история/культура»: *collection, objets d'art; Victorian, mid-19th-century, centuries-old; built, dating;*

ТСГ «жизнь/семья»: *life, family, brother, leisure, upbringing, guest; ride, wander, walk;*

ТСГ: «владение/статус»: *owner, sir, earl, lord, duke, residents;*

ТСГ «бизнес»: *business, league, money, people; open, raise, visited, selling.*

MANSION HOUSE

ТСГ «политика»: *speech, chancellor, week. year, agreement; unemployed;*

ТСГ «история/культура»: *old, Victorian, Georgian; built, dates;*

ТСГ «владение»: *Montgreenan, Grim;*

ТСГ «внешний вид»: *big, beautiful; set, designed, called;*

ТСГ «человек/общество»: *opened, visited, used, owned, known.*

MANOR HOUSE

ТСГ «внешний вид»: *garden(s), grounds, sconce. windows, table; stone, brick, proportions, style; moated, fortified, white, thatched, stone-built, grey-stone; small, large, great; set, appeared, hides, separated, surrounded, standing, stained, showing, shimmer, proportioned, painted, marks, looked, gleamed, furnished;*

ТСГ «история/культура»: *old, ancient, medieval, Elizabethan, Jacobean, 17-century; built, dates;*

ТСГ «человек/общество»: *welcome, went, visit, kept, kicked, demolished, defended, bought, converted; owned, peopled, aspire, anticipating; creaking, crumbling, dull, inhabited.*

COUNTRY ESTATE

ТСГ не поддаются выделению в силу низкой частотности: *country, wildlife, size, pleasure, part. homes, frascati, chancellorship, bank, area, acres;*

variable, special, outside, nearby, imagined, great, easy; worked, ventured, used, represents, inviting, entertaining, built, located.

Таким образом, подтверждается связь лексемы-репрезентанта *country house* с денотативными областями ‘жизнь / семья / отношения’, ‘наследие / традиция’, ‘история / культура’ – ключевыми для английской лингвокультуры, что оттеняется сравнительной дискурсивной частотностью употребления репрезентантов-синонимов.

Лексема *stately home* объективирует концептуальный признак ‘семья’ в несколько «ослабленном» виде, выделяя на его фоне признаки внешней демонстрации и/или имитации социальных взаимодействий (прогулки, гости, верховая езда), на первое место выходят такие сферы, как ‘внешний вид’, ‘бизнес’, ‘статусность’.

Для лексемы-репрезентанта *mansion house* доминирующими денотативными областями являются ‘политика’ и ‘общество’ (в связи с функционированием как термина: Mansion House – официальное название резиденции лорд-мэра Лондона, используемая для государственных функций, в том числе ежегодного приёма, на котором канцлер казначейства произносит речь о состоянии британской экономики, известную под названием “Mansion House Speech”).

Для лексемы-репрезентанта *manor house* актуальны те же денотативные области, что и для COUNTRY HOUSE, на фоне меньшей частотности и отсутствия сочетаемостных доминант.

Для лексемы-репрезентанта *country estate* в силу ещё меньшей частотности выделение актуальных денотативных областей на основании сочетаемости затруднено.

При сопоставлении словарных дефиниций синонимических лексем *country house*, *stately home*, *mansion house*, *manor house*, *country estate*, этимологических данных, сравнительных показателей частотности и сочетаемости, а также обращении к первичной актуализации исследуемой

концептосферы в стихотворении Ф. Хеманс «The Homes of England» выделяются следующие принципиальные семантические компоненты лексемы-имени концептосферы COUNTRY HOUSE:

- 1) *habitability* – обитаемость, жилая функция, «одушевлённость» дома;
- 2) *countryside* – расположение среди природы, тесная связь с естественным циклом;
- 3) *family* – семейный круг;
- 4) *tradition* – память о традициях и следование им как необходимое условие нынешнего процветания;
- 5) *welfare* – обеспеченность как материальной, так и духовной сфер жизни (стремление к эстетическому идеалу (украшение) и благоприятной эмоциональной атмосфере).

Таким образом, выявленный в параграфе 2.1 набор сем имени концептосферы *country house* может быть сгруппирован и интерпретирован в соотнесении с компонентами английской национальной концептосферы (параграф 1.4), что позволяет нам перейти от суммы семантических компонентов лексемы *country house* к структурной совокупности концептов, составляющих концептосферу COUNTRY HOUSE..

2.3 Усадебный роман как концептуализирующий дискурс

Ряд исследований последних лет свидетельствует в пользу идеи о том, что отдельные концепты могут формироваться в определённом типе дискурса – публицистическом, педагогическом, художественном [Гусар, 2006; Кофанова, 2006; Смылова 2007], причём каждый вид дискурса представляет для этого собственные характерные возможности [Радзиевская, 2007]. Таким образом, содержание концепта, в том числе его ценностная составляющая, находится в прямой зависимости от содержания дискурса, что позволяет смотреть на становление дискурса и формирование принадлежащих ему концептов как на сопутствующие и взаимосвязанные процессы. Н. В. Крючкова отмечает, кроме того, двунаправленный характер отношений

концепта и дискурса: «не только тот или иной тип дискурса объединяет в себе определенные концепты, но и концепты, неся на себе отпечаток того дискурса, к которому они по преимуществу принадлежат, обладают способностью некоторым образом направлять коммуникацию, порождая вокруг себя определенный дискурс» [Крючкова, 2009, с. 35]. Можно предположить, что не только типы дискурса, но и отдельные жанры могут обладать собственной «концептосферой» [Шмелёв, Шмелёва, 2008].

Сохраняющаяся востребованность в английской литературе так называемого усадебного романа (*country house novel*) подтверждает важность положения, занимаемого феноменом усадьбы в культуре страны: усадьба представляла и представляет для Англии категорию эстетическую и этическую, вбиравшую семейные и родовые, дворянские и крестьянские традиции, а также, слой за слоем, исторические изменения. Усадебная культура подвергалась влиянию двух диаметрально противоположных процессов: с одной стороны, исторический путь Англии препятствовал процветанию усадьбы (в силу ранней индустриализации и упадка сельского хозяйства в 1870-х годах, повышения налогообложения, капитализации и индустриализации), а с другой – усадьба неизменно представляла собой привлекательную альтернативу городу. Именно в усадьбе уникальным образом синтезировались важнейшие для англичанина ценностные ориентиры: любовь к природе, семейные добродетели и этика частной жизни, идентифицируемым и за пределами страны как «английское».

Истоки мотивов усадебной литературы прослеживаются начиная с XVIII века. В ней нашли отражение просветительский культ природы и сентименталистское воспевание чувств, классицистическая торжественность в описании дворцовой архитектуры и руссоистское отшельничество, связанное с идеей автономности личности. Через пастораль в усадебную литературу пришла отмеченная ещё в античности оппозиция города и деревни (цивилизации и природы). Описательность пасторальной поэзии открыла значимость быта и обогатила усадебную прозу тончайшей

детализацией описаний природы. Наряду с этим элегическая «кладбищенская» тематика выступала противопоставлением суеверия цивилизации, погоне за ложными земными благами. Семейно-бытовые романы были отмечены интересом к проблемам личности и становлению характера; в противовес идеалистическому представлению о патриархальном прошлом развивался и социально-проблемный роман.

В отечественной научной традиции термин «усадебный текст» появился благодаря работам В.Г. Щукина. Исследователь считает, что для утверждения о существовании усадебного текста даёт основания «высокая частотность произведений, построенных по образцу усадебной повести, продуктивность этой структурной и мифологической модели, наличие в ней устойчивых семантических комплексов, сюжетно-композиционных, предметно-образных и стилистико-поэтических шаблонов» [Щукин, 1998, с. 88].

Под усадебным романом (country house novel) в литературоведении понимается пласт текстов, для которых ключевым является образ дома (загородного особняка) и сопутствующее ему семантическое поле ассоциаций: образы семьи и родства, темы памяти и воспоминаний, а также вопросы художественного пространства [Горянина, 2013]. Временная принадлежность усадебных текстов по объективным историко-культурным причинам ограничивается началом XX века, однако современные авторы продолжают обращаться к традиционным жанровым нарративным структурам, причём образ усадьбы становится всё более мифологизированным. Исследователи отмечают внутреннюю устойчивость жанра как один из его определяющих признаков, освобождающий автора от необходимости изобретать оригинальный сюжет и героев: «Essentially a static form, the country house novel frees the novelist from having to worry about plot, or the before and after of the characters' existence» [Richetti, 1994].

Джон Лукас выделяет два подвида усадебного романа: готический («gothic») и социальный («social») [Lucas, 2001]. «Готические» усадебные

романы включают обычные элементы «романа ужасов»: запертые комнаты, таинственные письма, ночные шорохи, некто опасный или сумасшедший, запертый на чердаке. «Социальные» усадебные романы акцентируют внимание на иронико-сатирическом изображении верхнего слоя общества, иногда с оттенком печали по поводу его упадка. Обе разновидности существуют и развиваются параллельно. Готическая традиция, берущая исток от сказки о Синей Бороде, получает развитие у А. Радклифф и преломляется в творчестве Дж. Остин («Нортенгерское аббатство»), Ш. Бронте («Джен Эйр») и ведёт к таким современным примерам, как «Маленький незнакомец» С. Уотерс. Как пример социальной традиции исследователь отмечает «Возвращение в Брайдсхед» И. Во; к этой же категории могут быть отнесены «На исходе дня» К. Исигуро, «Искушение» И. Макьюэна.

А. Саркисова подытоживает типологические жанровые черты усадебного романа следующим образом:

1. Специфический (стереотипный) сюжет с центральным (самодостаточным) положением темы частной жизни и любви как её высшей составляющей. Идеал нравственности обусловлен гармонией личного и общего, разума и чувства, счастья и долга.

2. Особое звучание темы национального пейзажа (английской «естественной» природы), возникающей всегда в связи с проблемой человека.

3. Важность изображения быта, материального и духовного комфорта как условия гармоничного развития отдельной личности и семьи.

4. Актуализация проблем национальной самобытности как производное остальных свойств жанра. События усадебного романа вписаны в метатекст, где пространство усадьбы – среда и участник действия и где топоним усадьбы – метафора мира [Саркисова, 2009].

Модус памяти о прошлом остаётся важной особенностью текста. По замечанию Б. Моррисона, современные авторы, никогда не жившие в настоящей усадьбе, нередко помещают действие своих произведений в прошлое и стараются соблюсти достоверность изображения. Хронотоп

«отдельно стоящего дома» выгоден тем, что позволяет изобразить «мир в капле воды». Содержание произведения определяется комплексом элементов:

1. Английскость (Englishness). Цитируя слова Г. Джеймса о том, что усадьба наиболее полно иллюстрирует английский национальный характер («Из всего великого, изобретённого англичанами и ставшего частью их национального характера, наиболее совершенна, наиболее отличительна, полностью освоена во всех деталях как сжатая иллюстрация английского общественного духа и манер – хорошо устроенная, хорошо управляемая, хорошо наполненная усадьба» [см. James, 2008]) автор статьи, однако, напоминает, что владельцами усадеб являлись лишь представители весьма малочисленного высшего класса общества. Любопытно наблюдение Б. Моррисона о влиянии усадебной культуры не только на сюжеты романов Г. Джеймса, но на сам его стиль, отличающийся «декоративными бордюрами точек с запятой, длинными коридорами предложений и обширными парками абзацев».

2. Недозволенные связи (illicit sex). Хотя современные произведения гораздо более откровенны в этом отношении, значительная доля энергетики романов Дж. Остин определяется сексуальностью – подавляемой и от этого ещё более пылкой [Guiffre, 1983, p. 76].

3. Законность владения (rightful ownership). Обладание усадьбой, как правило, заслужено благородством происхождения или душевных качеств; нетрадиционный и нежелательный исход представляет покупка за деньги из чувства мести («Грозовой перевал» Э. Бронте). Счастливое разрешение любовно-брачной коллизии также связано с вопросами собственности. Духовная связь с тем поместьем иногда вступает в конфликт с юридической линией наследования («Говардс-энд» Э. М. Форстера).

4. Поэзия (poetry). Восхваление сельских добродетелей, художественного вкуса и щедрости хозяев продолжает античную традицию; значительно более редки сатирические произведения, высмеивающих лицемерие и высокомерие сельских помещиков. Б. Моррисон приводит

стихотворение А. Поупа о поместье Бленем (Blenheim), которое поэт называет «домом, но не жилищем» – *“tis a house, but not a dwelling”*.

5. Призраки и тайны (ghost stories and whodunnits). Помимо благоприятных для данной тематики пространственных особенностей усадьбы, возможность собрать в одном доме хозяев, слуг и гостей, представляющих разные слои общества и разные мотивы, определяет популярность мистической и детективной разновидностей жанра усадебного романа.

6. Верхи и низы (upstairs/downstairs). Современные авторы часто видят в усадьбе пример не величия, но потери и упадка; однако рассказчики-слуги, продолжают защищать господствующее право своих хозяев («На исходе дня» К. Исигуро).

Для анализа концептуализирующего потенциала дискурса усадебного романа в данном исследовании выбраны романы Дж. Остин. По определению А. Ю. Саркисовой, писательницу интересует «позитивная норма» в реальной жизни и частных судьбах. Популярность творчества Дж. Остин в Англии, сопоставимая с уровнем Шекспира и Диккенса, объясняется связью содержания её романов с глубинной национально значимой проблематикой. В то же время безошибочный моральный камертон придаёт изображенным «пустыкам» общечеловеческую глубину и многозначность. По выражению В. Вулф, Джейн Остин «ничего не написала для принца-регента и его библиотекаря – её книги предназначались всему миру» [Вулф, 2008, с. 539]. Одной из главных черт авторского стиля Дж. Остин признаётся лаконичность, сдержанность, и вместе с тем точность, недвусмысленность, строгое подчинение всех элементов повествования основной линии его развития. Всякая деталь, сцена, персонаж необходимы для реализации авторской задачи, и нет ни одного эпизода, не подкреплённого личным жизненным опытом писательницы. Благодаря этим чертам романы Дж. Остин могут считаться достоверным источником данных об актуализации наиболее

важных и характерных признаков понятийных компонентов концептов, входящих в концептосферу COUNTRY HOUSE.

Наряду с английской, лишь русская литература освоила «усадебный» жанр во всей его полноте, несмотря на то, что феномен усадебной культуры существовал в России в чистом виде всего около века: со времени издания манифеста «О вольности дворянства» (т. е. освобождения дворян от обязательной службы и получение возможности заниматься устройством своих земельных владений) в 1762 г. до отмены крепостного права в 1861 г. Как отмечает В. И. Щукин, «миф дворянского гнезда теснейшим образом связан с характером русской культуры ее классического периода» [Щукин, 1997, с. 136], испытывавшей, однако, значительное влияние культуры европейской. Помещичья усадьба в России была своеобразным перекрёстком деревенско-крестьянской культуры и европейской моды, равно как и русская усадебная литература, развивая национальное своеобразие, базируется на комплексе традиций английской литературы, вошедших в русский контекст через переводы, переложения и подражания. В то время как поэтические опыты А. Д. Кантемира, В. К. Тредиаковского, М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина, М. Н. Муравьёва, А. А. Дельвига, К. Н. Батюшкова явились предвестием многих черт усадебной прозы, главной призмой «русской Англии» следует признать философско-эстетические позиции Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского, А. С. Пушкина; вершинные же образцы русского усадебного романа обнаруживаются в творчестве И. С. Тургенева, чьё западническое мировоззрение опиралось на доминирующую европейскую идею ценности личности. Сочетание этой идеи с фундаментом русского сверхличного национально-религиозного культа «предания» — земли, семьи, общины, с его несводимостью к рациональным проекциям, породило уникальное качество русского усадебного романа, в котором любовно-психологический сюжет тесно переплетается с общественно-идеологическим, национально-эпическим, культурно-историческим, глубинным философским содержанием. Заставший уже начало упадка

«дворянских гнёзд», И. С. Тургенев в изображении усадеб был далёк от идеалистической поэтизации. Типы и судьбы персонажей даются Тургеневым как результат длительного исторического процесса, а само ставшее крылатым название романа, звучит, по мнению П. В. Анненкова, «весьма иронически».

Концептосфера, воссозданная в тургеневском романе, в своём ядерном составе сопоставима с оригинальной английской. Восприятие усадьбы как ДОМА связывает прошлое, настоящее и будущее. С использованием приёма флэшбека (предыстории) *«прошлое сквозит в настоящем; настоящее угадывается, отзывается в эпизодах из прошлого... Отступлениями в прошлое привносится в роман элемент эпический, повествование о частной истории преобразуется во всеобщую, касающуюся судеб всего сословия, правящего страной»* [Лебедев, с. 38]. История усадьбы, описание внутреннего убранства указывают на причастность героя к ТРАДИЦИИ, на его связь с миром предков: *«Всё в доме осталось как было»*. Но на углу старинного портрета висит *«венки из запыхлённых иммортелей»* [65, с.186], с одной стороны, символизирующих бессмертие, а с другой – часто встречающихся в надгробных венках. Таким образом, венок из иммортеля – это память не просто о прошлом, а об умершем прошлом: *«Следы человеческой жизни гложут очень скоро»* [65, с.188]. О Лаврецком в конце романа говорится как о человеке «ещё живом, но уже сошедшем с земного поприща», на котором род прерывается. СЕМЬЯ, происхождение героя (наполовину крестьянское) и воспитание («капризное» и бессистемное) определяют судьбу человека, переживающего разрыв с вековыми традициями.

Такой периферийный элемент концептосферы, как GENTLEMANLINESS, не находит прямого соответствия в русском усадебном тексте. Если английское «джентльменство» связано главным образом со сводом правил поведения, манер, культуры общения и довольно замкнутым положением в общественной иерархии, то русское ДВОРЯНСТВО, живо интересовавшееся культурой – литературой, театром,

живописью, музыкой, историей, общественно-политическими теориями – распространяло своё влияние на окружающую провинциальную жизнь. Благодаря непосредственному, тесному и длительному общению с господским сословием крестьян так или иначе затрагивало влияние более высокого умственного развития, образованности как гуманитарной, так и профессиональной, более цивилизованных форм быта. Однако сама форма крепостнических отношений, неприемлемая для просвещённого человека, знакомого с европейской индивидуалистической философией, для Англии того же исторического периода была вековым пережитком. Русский усадебный роман отразил глубинный нравственный конфликт между «патриотическим консерватизмом» и мечтой об уважении к достоинству отдельно взятой личности. Парадоксальным образом, раскрепощение крестьян нанесло русской усадебной культуре фатальный удар: дворянство так и не смогло приспособиться к пореформенному существованию, и в культурной жизни образовался ещё один разрыв.

В таком контексте поиски личного СЧАСТЬЯ – напомним, что это основной сюжетный вектор классического английского усадебного романа – начинают выглядеть чем-то незаконным. Счастье кажется индивидуальным бегством от общенародной драмы. Быть среди страданий и лишений, унижения, бедности и несправедливости счастливым не то чтобы невозможно, но как-то непозволительно и недостойно. Для человека, принадлежащего хотя бы отчасти этой жизни, нет иного пути, кроме смирения и самоотречения. При этом дворянские привилегии, дворянская освобождённость от насущных забот, тяготеющий над дворянством грех рабовладения оборачиваются в русском усадебном романе особой тонкостью, поэтичностью и возвышенностью душевной жизни [Маркович, с. 143-150].

2.4 Функции концептосфер COUNTRY HOUSE и УСАДЬБА

в сюжете усадебного романа

Особое значение усадьбы как мотива, образа, «героя», художественного концепта закрепляется прежде всего использованием её собственного или нарицательного наименования в заголовке произведения. Заголовок как первая сильная позиция текста обеспечивает выдвижение его важнейших смыслов [Арнольд, 1978]. По мнению В.А. Кухаренко, в заголовок помещается главная и часто единственная авторская формулировка концепта [Кухаренко, 1988, с. 96].

Заглавия шести романов Дж. Остин, в целом типичные для данной эпохи, можно отнести к трём группам (см. [Ламзина, 1999]):

- 1) проблемно-тематические – «Sense and Sensibility», «Pride and Prejudice», «Persuasion»;
- 2) персонажные – «Emma»;
- 3) ойконимические (как разновидность пространственно-временных) – «Mansfield Park», «Northanger Abbey».

Все эти заголовки определяются как текстообразующие, то есть выступающие в качестве темы произведения, в то время как собственно текст служит ремой. А. Дакворт высказывает мысль о метонимическом смысле усадьбы в романах Дж. Остин как отражения всей структуры общества, моральных устоев, манер и языка («*the estate as an ordered physical structure is a metonym for other inherited structures – society as a whole, a code of morality, a body of manners, a system of language*» [Duckworth, 1994]). Репрезентация концептосферы COUNTRY HOUSE через ойконим (собственное имя) подразумевает особую внутреннюю цельность, подчинение отдельных составляющих общему и «интерпретацию предмета в смысле одушевления» (см. [Лосев, 2008]). Каждое из собственных наименований может быть рассмотрено в качестве определённого тематического центра, с учётом той позиции, какую занимает конкретная усадьба в образно-композиционной структуре художественного текста. С другой стороны, поскольку каждая

усадьба является частным воплощением культурного феномена, подлежит выделению набор общих элементов и связей между элементами, получающих в каждом случае определённую оценочную окраску. Развивая собственную концептуальный потенциал, такие имена, как Pemberley, Rosings, Northanger выходят за пределы творчества Дж. Остин и встречаются в заголовках продолжений и переделок: «Death Comes to Pemberley» (P. D. James), «The Pemberley Chronicles» (Rebecca Ann Collins), «Letters from Pemberley» (Jane Dawkins), «Rosings» (Karen Aminadra). «Республикой Перберли» (“Republic of Pemberley”) назван крупный сайт, посвящённый творчеству Дж. Остин (<http://www.pemberley.com/>); человек с удачным именем William Darcy основал компанию “Pemberley Productions” (позднее переименованную в Pemberley Digital, <http://pemberleydigital.com/>), финансировавшую некоммерческие кинопроекты; издательство Pemberley Natural History Books специализируется на книгах по естественной истории.

Ойконим или иной репрезентант центрального концепта HOUSE/HOME, как правило, вводится в первых предложениях текста (начало – вторая по значимости среди сильных позиций):

SENSE AND SENSIBILITY: «*The family of Dashwood had long been settled in Sussex. Their **estate** was large, and their **residence** was at **Norland Park**, in the centre of their **property**, where, for many generations, they had lived in so respectable a manner as to engage the general good opinion of their surrounding acquaintance*»

(«Дэшвуды принадлежали к старинному роду, владевшему в Сассексе большим **поместьем**, которое носило название **Норленд-парк**, и в усадьбе, расположенной в самом сердце их обширных **угодий**, из поколения в поколение вели столь почтенную жизнь, что пользовались среди соседей самой доброй репутацией.»)

PRIDE AND PREJUDICE: «*It is a truth universally acknowledged, that a single man in possession of a good **fortune**, must be in want of a **wife**.*

However little known the feelings or views of such a man may be on his first entering a **neighbourhood**, this truth is so well fixed in the minds of the surrounding **families**, that he is considered the rightful property of some one or other of their **daughters**.

"My dear Mr. Bennet," said his lady to him one day, "have you heard that **Netherfield Park** is let at last?"»

(«Все знают, что молодой человек, располагающий средствами, должен подыскивать себе жену.

Как бы мало ни были известны намерения и взгляды такого человека после того, как он поселился на новом месте, эта истина настолько прочно овладевает умами неподалеку живущих семейств, что на него тут же начинают смотреть как на законную добычу той или другой соседской дочки.

— Дорогой мистер Беннет, — сказала как-то раз миссис Беннет своему мужу, — слышали вы, что **Незерфилд-парк** наконец больше не будет пустовать?»)

MANSFIELD PARK: «About thirty years ago Miss Maria Ward, **of Huntingdon**, with only seven thousand pounds, had the good luck to captivate Sir Thomas Bertram, **of Mansfield Park**, in the county of Northampton, and to be thereby raised to the rank of a baronet's lady, with all the comforts and consequences of **an handsome house** and large income.»

(«Лет тому тридцать мисс Марии Уорд из **Хантингдона**, имевшей всего семь тысяч фунтов, посчастливилось пленить сэра Томаса Бертрама из **Мэнсфилд-парка**, что в графстве Нортгемптоншир, и таким образом возвыситься до положения жены баронета, владелицы **прекрасного дома** и значительного дохода со всеми вытекающими отсюда удобствами и возможностями.»)

PERSUASION: «Sir Walter Elliot, **of Kellynch Hall**, in Somersetshire, was a man who, for his own amusement, never took up any book but the *Baronetage*... he could read his own history with an interest which never failed. This was the

page at which the favourite volume always opened: «**ELLIOT OF KELLYNCH HALL**: "Walter Elliot, born March 1, 1760, married, July 15, 1784, Elizabeth, daughter of James Stevenson, Esq. **of South Park**, in the county of Gloucester, by which lady (who died 1800) he has issue Elizabeth, born June 1, 1785; Anne, born August 9, 1787; a still-born son, November 5, 1789; Mary, born November 20, 1791.» <...> concluding with the arms and motto: – "**Principal seat, Kellynch Hall**, in the county of Somerset", and Sir Walter's handwriting again in this finale:– "Heir presumptive, William Walter Elliot, Esq., great grandson of the second Sir Walter."»

(«Сэр Уолтер Эллиот из **Киллинч-холла** в Сомерсете был не такой человек, чтобы собственного удовольствия ради брать в руки другую какую-нибудь книгу, кроме «Книги баронетов»... всегда он мог с живым интересом прочесть собственную историю; на этом месте и открывался обыкновенно любимый том: «Эллиот из **Киллинч-холла**: Уолтер Эллиот, рожденный марта 1 дня 1760 года, сочетался браком июля 5 дня 1784 года с Элизабет, дочь Джемса Стивенсона, **поместье Саут-парк**, что в Глостерском графстве. От каковой супруги (скончавшейся в 1800 году) произвел он на свет Элизабет, рожденную июня 1 дня 1785 года; Энн, рожденную августа 9 дня 1787 года; мертворожденного сына, ноября 5 дня 1789 года; Мэри, рожденную ноября 20 дня 1791 года» <...> заключалось гербом и девизом: «**Главное поместье Киллинч-холл**», после чего, уже снова рукою сэра Уолтера, было начертано: «Предполагаемый наследник Уильям Уолтер Эллиот, правнук второго сына Уолтера.»»)

EMMA: «Emma Woodhouse, handsome, clever, and rich, with a comfortable **home** and happy disposition, seemed to unite some of the best blessings of existence... She was the youngest of the two daughters of a most affectionate, indulgent father; and had, in consequence of her sister's marriage, been **mistress of his house** from a very early period.»

(«Эмма Вудхаус, красавица, умница, богачка, счастливого нрава, наследница прекрасного **имения**, казалось, соединяла в себе завиднейшие

дары земного существования... Младшая из двух дочерей самого нежного потатчика-отца, она, когда сестра её вышла замуж, с юных лет сделалась хозяйкою в его доме.»)

Начало текста актуализирует сразу несколько ключевых концептуальных признаков:

– владение: *Miss Maria Ward, of Huntingdon; Norland Park, in the centre of their **property**; Netherfield Park is **let** at last; **mistress** of his house;*

– семья/род: *the **family** of Dashwood; **single** man, in want of **a wife**; son, daughter, grandson, born, married;*

– традиция/наследие: *history, heir;*

– жизнь/уклад: *lived, settled; captivate;*

– социум: *so **respectable** a manner, the general good opinion of their surrounding acquaintance; neighbourhood, surrounding families;*

– статус: *raised to the rank of a baronet's lady; baronetage, esquire; happy disposition;*

– благосостояние: *in possession of a good fortune; large income; rich;*

– красота/внешний вид: *handsome house; comfortable home.*

Устойчивый набор составляющих, складывающийся как из материальных, так и из морально-нравственных аспектов, реконструирует представление о качестве жизни. По мнению А. Кеттла, Джейн Остин интересуется прежде всего счастье людей [Kettle, 2007]. Вектор стремления к совершенству определяет не только развитие любовного сюжета (поиск наиболее подходящего партнёра), но и актуализацию усадебной концептосферы в диалоге похвалы как жанра высказывания об усадьбе и объективно-субъективной авторской позиции (то есть комбинации общенациональных черт и решения отдельной авторской задачи).

Роман «Northanger Abbey», где аббатство появляется только в середине повествования (глава 20), интересен актуализацией «готической» традиции, которая может быть названа вторичной: в тексте произведения характеристики другого литературного жанра описываются как стереотип.

Кэтрин, составившая заочное представление о поместье исключительно на основании прочитанных ею книг (*“Is not it a fine old place, just like what one reads about?”*), приписывает ему определённый набор атрибутов и оказывается разочарована, когда действительность расходится с книжной фантазией:

«An abbey! Yes, it was delightful to be really in an abbey! But she doubted, as she looked round the room, whether anything within her observation would have given her the consciousness. <...> To an imagination which had hoped for the smallest divisions, and the heaviest stone-work, for painted glass, dirt, and cobwebs, the difference was very distressing.»

(«Аббатство! Да, она была в восторге от сознания, что проникла в аббатство. Но, оглядывая комнату, она не видела ни малейшего признака, который свидетельствовал бы о том, где она находится. <...> Для того, кто ожидал увидеть густые переплеты, тяжелое каменное обрамление, окрашенные стекла, грязь и паутину, отличие было разительным.»)

Табл. 2. Реализация потенциальных сюжетобразующих функций концептосферы COUNTRY HOUSE в романах Дж. Остин

	время и место действия (хронотоп)	ход действия (повод к действию)	субъект действия	актуализация нравственных категорий
<i>Sense and Sensibility</i>	+	+	—	—
<i>Pride and Prejudice</i>	+	+	—	+
<i>Mansfield Park</i>	+	+	+	+
<i>Emma</i>	+	—	—	—
<i>Persuasion</i>	+	+/-	—	+/-
<i>Northanger Abbey</i>	+/-	+/-	+/-	+/-

Сравнительная реализация сюжетных функций концептосферы COUNTRY HOUSE представлена в таблице 2. Знак “+” обозначает яркую выраженность функции; знак “+/-” — редуцированную степень выраженности, либо разделение этой функции с другими компонентами сюжета.

Как видно из таблицы 2, наиболее полно потенциальные сюжетообразующие функции концептосферы COUNTRY HOUSE реализуются в романах «Pride and Prejudice» и «Mansfield Park». Расположение репрезентантов концепта в ключевых точках нарративной схемы будет прослежено ниже на примере именно этих романов.

Роман И. С. Тургенева «Дворянское гнездо», на примере которого может быть рассмотрена эталонная актуализация концептосферы УСАДЬБА в русской лингвокультуре, в первой редакции, возможно, имел другое заглавие. В письме к первому английскому переводчику «Дворянского гнезда» В. Рольстону Тургенев сообщает: *«Я нахожу, что заглавие «Лиза» очень удачное, тем более, что название «Дворянское гнездо» — не совсем точное и было выбрано не мной, а моим издателем»*. В. Рольстон, будучи сторонником точного перевода, учитывал и ожидания реципиента — английского читателя, поскольку только при условии удовлетворения читательских ожиданий могла бы быть успешно реализована взятая переводчиком на себя пропагандистская задача. Очевидно, что взятое в качестве заглавия произведения фразеологическое единство представляло переводческую трудность. Изменение заглавия в данном случае выступает как адаптивный приём, призванный обеспечить желаемую реакцию реципиента. В русской традиции усадебные тексты чаще назывались именем героя («Евгений Онегин», «Дубровский», «Рудин», «Обломов»), и подчёркивалась связанная с героем общественная проблематика. Хотя оригинальная формула была сохранена в подзаголовке (“Liza or, A Nest of Nobles”), содержание и сама жанровая природа тургеневского текста сужается от проекции Родины до любовной коллизии. Предпочитая озаглавить роман именем «Лиза», Рольстон соотносит его с традицией английских романов, посвящённых женской судьбе («Кларисса», «Памела», «Амелия», «Эмма», «Елена», «Джен Эйр», «Агнес Грей») и настраивает английского читателя на восприятие знакомого типа романа с акцентом на межличностных отношениях и чувствах. А. Ю. Саркисова свидетельствует, об

ограничении В. Рольстоном общественной проблематики «Дворянского гнезда» на лексическом уровне, выразившееся в неадекватном переводе таких стержневых понятий, как «дело», «пахать землю», «родина» [Саркисова, с. 22]. В последующих переводах подобной адаптации не производилось: англоязычному читателю роман известен также под относительно точными, хотя и утратившими характер фразеологизма заглавиями “A Nest of Gentlefolk” (пер. Дж. Кулсон), “A House of Gentlefolk” (пер. Констанс Гарнетт), “Home of the Gentry” (пер. Р. Фриборна). Аннотация к последнему переводу Р. Фриборна, выполненному во второй половине XX века, отражает двуплановость романа: он читается как роман о возвращении домой Лаврецкого и вместе с тем целого поколения молодых русских людей, оторванных от родины.

Критики первого английского перевода «Дворянского гнезда» с восторгом отмечали черты жанровой поэтики, свойственные и английскому country house novel: психологизм, нравственную глубину, простоту и ясность стиля, поэтизацию любовного чувства. Талант И. С. Тургенева сопоставлялся прежде всего с манерой Дж. Остин; так же как и английская романистка, русский писатель был назван человеком «универсальной культуры», обращающимся к свойствам человеческой души, понятным во всём мире. В то же время не осталось без внимания критиков контрастное в английской и русской литературе финальное разрешение романного конфликта: элегизм, характерный для русского усадебного текста, и просветительский оптимизм, определяющий традиционно счастливую развязку английского country house novel.

2.5 Речевая ситуация как способ актуализации концептосферы

COUNTRY HOUSE в романе Дж. Остин “Pride and Prejudice”

и концептосферы УСАДЬБА в романе И.С. Тургенева «Дворянское гнездо»

В романном нарративе Дж. Остин прямой авторский комментарий почти отсутствует, количественно преобладает диалог (в поздних романах

также несобственно-прямая речь). Передоверие оценочной функции персонажам является и психологической характеристикой участников диалога, и авторским манифестом в определении критериев положительной оценки. Говоря о концептуализации художественного текста, Л. Г. Бабенко и Ю. В. Казарин подразумевают выделение компонентов из совокупности языковых единиц (как лексических, так и грамматических), раскрывающих определённую микротему [Бабенко, Казарин, 2005]. Средством объективации понятийных признаков концептов-составляющих концептосферы COUNTRY HOUSE служит контекст речевых ситуаций определённых типов, развёртывающихся в ключевых точках нарративной схемы романа. Речевая ситуация (РС) определяется нами, вслед за А. К. Михальской, как ситуативный контекст речевого взаимодействия [Князьков, с. 191]. Основными факторами, определяющими характер речевой ситуации, являются обстановка общения, адресат коммуникации и её цель (интенция). Микротематический анализ речевого взаимодействия героев в типичных речевых ситуациях, аффилированных с пространством усадьбы, позволит выявить реализацию в тексте признаков искомых концептов. Каждая из обозначенных микротем соотносится с определённым признаком или признаками концептов-составляющих концептосферы COUNTRY HOUSE. Ниже представлен микротематический состав РС «родственная и дружеская беседа», «визит», «бал / приём», «экскурсия» с иллюстративными примерами речевого воплощения. Для удобства наблюдения общий состав актуализации признаков понятийного компонента концептов-составляющих концептосферы COUNTRY HOUSE заключён в сводной таблице 11.

Роман «Гордость и предубеждение» (“Pride and Prejudice”, 1796-1797, опубл. 1813) относится условно к раннему периоду творчества Дж. Остин и тем не менее считается наиболее совершенным произведением писательницы, которая, по её собственным свидетельствам, также отдавала явное предпочтение своим «первенцам», продолжая тщательно редактировать их. В «Гордости и предубеждении» ярко отразились многие особенности

творческой манеры Дж. Остин и структурная схема, характерная для большинства её романов, которую Н. Демурова формулирует так: заблуждение – освобождение от него благодаря «случаю» или «размышлению» – обретение себя [Демурова, 1967]. Сюжет романа прост: мать семейства Беннет стремится выдать замуж пятерых дочерей, которые в случае смерти отца останутся без гроша. Одна из сестёр, Элизабет, знакомится с мистером Дарси, который поначалу ведёт себя крайне высокомерно, но затем влюбляется в Элизабет. Преодолевая гордость и предубеждение, они приходят к взаимопониманию и любви, заключая в финале счастливый брак.

Основные сюжетные вехи, связанные с появлением в тексте того или иного поместья, в романе “Pride and Prejudice” составляют следующий список:

1. Приезд новых жильцов в Незерфилд-парк.
2. Бал в Меритоне.
3. Пребывание Джейн и Элизабет Беннет в Незерфилде.
4. Приезд Коллинза в Лонгборн.
5. Бал в Незерфилде.
6. Визит в Хансфорд.
7. Визит в Розингс-парк.
8. Предложение (отвергнутое) Дарси в Хансфорде.
9. Визит в Пемберли
10. Возвращение в Незерфилд Бингли и Дарси, предложение Бингли.
11. Визит леди Кэтрин.
12. Визит и повторное предложение Дарси.

Каждое из этих сюжетно значимых событий создаёт предпосылки и/или условия для речевого взаимодействия персонажей, характер которого определяется такими факторами, как место и время общения, социальный статус и социальные роли участников общения, их мотивы и цели, а также принятые в данном обществе правила и нормы социально-речевого

поведения. В связи с ограниченностью объёма данного исследования, не позволяющей представить полный анализ каждого эпизода, ниже представлены наиболее красноречивые примеры.

Распространённый тип РС представляет собой родственная и дружеская беседа. Данный тип характеризуется межличностным общением в неофициальной (домашней) обстановке между хорошо знакомыми людьми, что подразумевает меньшую зависимость от этикетных норм и свободу в оценках. Беседы такого рода происходят между членами семейства Беннет (главы 1, 2, 4, 40, 54); между Беннетами и Лукасами (главы 5, 6); между Элизабет Беннет и её тётушкой Гардинер (главы 25, 27). Расширенный по сравнению с официальным и полуофициальным общением круг тем, однако, ограничивается замкнутостью усадебного пространства и немногочисленностью знакомств. Рассмотрим микротемный состав разговора мистера и миссис Беннет в гостиной их поместья Лонгборн (табл. 3):

Табл. 3. Последовательность микротем в диалоге мистера и миссис Беннет в гостиной их поместья Лонгборн (глава 1)

<i>Микротема</i>	<i>Речевое воплощение</i>
1. Появление новых соседей	<i>Why, my dear, you must know, Mrs. Long says that Netherfield is taken by a young man of large fortune from the north of England...</i>
2. Уточнение их социального и семейного статуса	<i>"What is his name?"</i> <i>"Bingley."</i> <i>"Is he married or single?"</i> <i>"Oh! Single, my dear, to be sure! A single man of large fortune; four or five thousand a year..."</i>
3. Матримониальные планы	<i>You must know that I am thinking of his marrying one of them...</i>
4. Исполнение требований этикета	<i>But, my dear, you must indeed go and see Mr. Bingley when he comes into the neighbourhood</i>
5. Высказывание оценочных суждений	<i>"Lizzy is not a bit better than the others; and I am sure she is not half so handsome as Jane, nor half so good-humoured as Lydia. But you are always giving</i>

	<i>her the preference."</i> <i>"They have none of them much to recommend them... they are all silly and ignorant like other girls; but Lizzy has something more of quickness than her sisters."</i>
--	--

Полилог между представительницами семейств Беннет и Лукас после бала в Меритоне (табл. 4) имеет сходный микротемный состав:

Табл. 4. Последовательность микротем в полилоге представительниц семейств Беннет и Лукас в поместье Лонгборн после бала в Меритоне (глава 5)

<i>Микротема</i>	<i>Речевое воплощение</i>
1. Обсуждение социальных взаимодействий	<i>You began the evening well, Charlotte. You were Mr. Bingley's first choice</i> <i>I may safely promise you never to dance with him</i>
2. Пересказ чужих мнений	<i>Mr. Robinson's asking him how he liked our Meryton assemblies, and whether he did not think there were a great many pretty women in the room, and which he thought the prettiest?</i>
3. Высказывание оценочных суждений	<i>he is such a disagreeable man, that it would be quite a misfortune to be liked by him</i> <i>One cannot wonder that so very fine a young man, with family, fortune, everything in his favour, should think highly of himself.</i>
4. Соблюдение требований этикета	<i>If he had been so very agreeable, he would have talked to Mrs. Long</i>
5. Обозначение принципиальной позиции	<i>Pride is a very common failing, I believe</i>

Кроме того, более или менее частотную микротему РС данного типа представляют вопросы хозяйства и благоустройства. Данную микротему иллюстрируют рассказы Коллинза о Розингс-парке, упоминание «улучшений» в собственном поместье (глава 16): “*In describing to her **all the grandeur of Lady Catherine and her mansion**, with occasional digressions in praise of his own humble abode, and **the improvements it was receiving...**”;* негативную оценку получает, однако, слишком назойливое вмешательство в

домашние дела (глава 29): “[Lady Catherine] **inquired** into Charlotte's domestic concerns **familiarly and minutely**”.

Визиты представляют собой средство установления и поддержания социальных связей, когда следование определённому порядку есть залог дальнейшего благоприятного развития отношений. Текст романа содержит развёрнутые описания визитов семейства Беннет в Незерфилд (главы 8-9), посещения Элизабет своей подруги Шарлотты после её замужества (глава 28), визита Дарси к Элизабет в Хансфорде (глава 32), визита Элизабет в Пемберли (глава 45), визит Бингли и Дарси в Лонгборн (глава 53). Рассмотрим микротемный состав полилога во время визита миссис Беннет с дочерьми в Незерфилд (табл. 5):

Табл. 5. Последовательность микротем в полилоге во время визита миссис Беннет с дочерьми в поместье Незерфилд (глава 9)

<i>Микротема</i>	<i>Речевое воплощение</i>
1. Состояние здоровья Джейн	<i>She is a great deal too ill to be moved... We must trespass a little longer on your kindness</i>
2. Compliment поместью	<i>You have a sweet room here, Mr. Bingley, and a charming prospect over the gravel walk. I do not know a place in the country that is equal to Netherfield</i>
3. Соблюдение приличий	<i>Lizzy, remember where you are, and do not run on in the wild manner that you are suffered to do at home</i>
4. Сравнение жизни в городе и в деревне	<i>In a country neighbourhood you move in a very confined and unvarying society I cannot see that London has any great advantage over the country, for my part, except the shops and public places</i>
5. Социальные взаимодействия	<i>I know we dine with four-and-twenty families</i>
6. Высказывание оценочных суждений	<i>What an agreeable man Sir William is, Mr. Bingley, is not he? So much the man of fashion! So genteel and easy!</i>
7. Вопросы устройства хозяйства	<i>I always keep servants that can do their own</i>

	<i>work; my daughters are brought up very differently</i>
8. Любовь и брак	<i>there was a man at my brother Gardiner's in town so much in love with her that my sister-in-law was sure he would make her an offer before we came away</i>

Речевая ситуация визита Элизабет Беннет к Коллинзам (табл. 6) передана автором в основном через косвенную речь. Микротемный состав данной речевой ситуации представляется следующим:

Табл. 6. Последовательность микротем в полилоге во время визита Элизабет Беннет в поместье Хансфорд (глава 28)

<i>Микротема</i>	<i>Речевое воплощение</i>
1. Этикетные приветствия	<i>Mrs. Collins welcomed her friend with the liveliest pleasure his formal civility was just what it had been</i>
2. Демонстрация усадьбы в ожидании комплимента	<i>They were then, with no other delay than his pointing out the neatness of the entrance, taken into the house he addressed himself particularly to her, as if wishing to make her feel what she had lost in refusing him</i>
3. Социальные связи	<i>you will have the honour of seeing Lady Catherine de Bourgh on the ensuing Sunday at church</i>
4. Сведения о родственниках и знакомых	<i>to give an account of their journey, and of all that had happened in London The evening was spent chiefly in talking over Hertfordshire news</i>

Оба вышеприведённых примера несут негативную оценочность. Миссис Беннет, по авторской характеристике, была невежественной и несообразительной женщиной с неустойчивым настроением; её поведение в гостях у мистера Бингли демонстрирует самые нежелательные в подобной ситуации манеры и качества: навязчивость, прямолинейность, недостаток

сдержанности и такта. В то время как собственно круг тем обычен для светской беседы, осуждается бесцеремонная форма реплик: прилюдное напоминание дочери о манерах, поверхностная критика присутствующих, упоминание в неллицеприятном ключе отсутствующих людей, а также сугубо личных вопросов. Поведение мистера Коллинза как хозяина, принимающего гостей, отличается нарочитой учтивостью, самодовольством, побуждением гостей к выражению восхищения.

Балы и приёмы как форма социальной практики представляют важное средство создания сословной корпоративности – объединения людей одного круга в рамках устойчивого комплекса действий и отношений. Важной составляющей социальных взаимодействий на мероприятиях такого рода являлась самопрезентация в контексте гендерной принадлежности, то есть демонстрация феминных: красоты, изящества, вкуса – и маскулинных: галантности, остроумия, статуса – качеств. В тексте романа представлены бал в Меритоне (глава 3), приём у Лукасов (глава 6), бал в Незерфилде (глава 18). Рассмотрим микротемный состав полилога между мистером Лукасом, мистером Дарси и мисс Беннет на приёме в Лукас-Лодж (табл. 7):

Табл. 7. Последовательность микротем в полилоге во время приёма в Лукас Лодж (глава 6)

<i>Микротема</i>	<i>Речевое воплощение</i>
1. Комплимент вечеру	<i>What a charming amusement for young people this is, Mr. Darcy!</i>
2. Социальное положение собеседников	<i>Do you often dance at St. James's?</i> <i>I am fond of superior society</i>
3. Город и деревня	<i>You have a house in town, I conclude?</i> <i>I had once had some thought of fixing in town myself</i>
4. Приглашение на танец	<i>My dear Miss Eliza, why are you not dancing? Mr. Darcy, you must allow me to present this young lady to you as a very desirable partner</i>

Диалог между Дарси и Элизабет во время танца в Незерфилд-парке (табл. 8) служит примером характерной для бала ситуации ухаживания, изображённой иронически: герои не скрывают неприязни друг к другу.

Табл. 8. Последовательность микротем в диалоге Дарси и Элизабет во время танца в Незерфилде (глава 18)

<i>Микротема</i>	<i>Речевое воплощение</i>
1. Замечания о вечере	<i>I talked about the dance, and you ought to make some sort of remark on the size of the room, or the number of couples. Perhaps by and by I may observe that private balls are much pleasanter than public ones.</i>
2. Оценочные суждения	<i>We are each of an unsocial, taciturn disposition, unwilling to speak... I hear such different accounts of you as puzzle me exceedingly.</i>
3. Общие знакомые	<i>When you met us there the other day, we had just been forming a new acquaintance.</i>
4. Этикетная беседа	<i>I do not think we were speaking at all... We have tried two or three subjects already without success</i>

Кроме того, автором передано в косвенной речи (вновь как отрицательный пример) поведение миссис Беннет и мистера Коллинза. Миссис Беннет за столом слишком громко и оживлённо говорит с леди Лукас о брачных перспективах дочери, надеясь выдать её замуж за хозяина дома. Мистер Коллинз, не будучи должным образом представлен мистеру Дарси, заговаривает с ним сам под предлогом знакомства с его тёткой. Несмотря на то, что одной из главных целей балов являлось установление социальных связей и создание благоприятных условий для знакомства молодых людей, нарушение принятого этикета мешает реализации социальных функций. И. А. Стернин, Т. В. Ларина и М. А. Стернина отмечают доминирование в английском коммуникативном поведении таких черт, как некатегоричность, эмоциональная сдержанность (высокий уровень самоконтроля), бытовая вежливость, приоритетность фатического общения, важность вербального обозначения социального статуса [Стернин, Ларина, Стернина, 2003].

Экскурсионное посещение частных домов связано с традицией «улучшения» и обустройства жилищ. Открывая двери своих усадеб для посетителей, владельцы позволяли гостям оценить удобство и красоту их жилья и одновременно составить представление о характере обитателей дома. В сюжете романа фигурируют семь поместий, из которых Розингс-парк (поместье леди Кэтрин де Бёрг) и Пемберли (поместье Дарси) наиболее великолепны и служат объектом экскурсионного посещения. Розингс и Пэмберли со- и противопоставляются на нескольких уровнях текста вплоть до идейной оппозиции «гордости» как отталкивающего снобизма, основанного только на богатстве и знатности рода, и как естественного права образованного и благородного душой человека.

Посещению Розингс-парка посвящена глава 29. Речевое взаимодействие передано частично косвенной речью и частично – через диалоги. Микротемный состав ситуации представлен в таблице 9.

Табл. 9. Последовательность микротем полилога во время посещения поместья Розингс-парк (глава 29)

<i>Микротема</i>	<i>Речевое воплощение</i>
1. Этикетные приветствия	<i>Her ladyship, with great condescension, arose to receive them; ... the office of introduction ...was performed in a proper manner</i>
2. Compliments	<i>they were all sent to one of the windows to admire the view... Lady Catherine kindly informing them that it was much better worth looking at in the summer Lady Catherine seemed gratified by their excessive admiration</i>
3. Вопросы домашнего хозяйства	<i>She inquired into Charlotte's domestic concerns familiarly and minutely</i>
4. Семейное положение гостей	<i>she addressed a variety of questions to Maria and Elizabeth, but especially to the latter, of whose connections she knew the least</i>
5. Наследство	<i>Your father's estate is entailed on Mr. Collins, I think</i>
6. Воспитание, семейные обычаи	<i>Why did not you all learn?</i>

	<i>Has your governess left you?</i> <i>The younger ones out before the elder ones are married!</i>
7. Этикетные высказывания	<i>Scarcely a syllable was uttered that did not relate to the game</i> <i>Lady Catherine determine what weather they were to have on the morrow</i>

Посещение Пемберли (глава 43) включает две отдельных ситуации речевого взаимодействия: разговор с домоправительницей и с хозяином, мистером Дарси. Микротемный состав обеих бесед представлен в таблице 10.

Табл. 10. Последовательность микротем в полилогах во время посещения поместья Пемберли (глава 43)

<i>Микротема</i>	<i>Речевое воплощение</i>
<u>разговор с миссис Рейнольдс (домоправительницей)</u>	
1. Вопрос о присутствии хозяина	<i>She longed to inquire of the housekeeper whether her master was really absent</i>
2. Социальные связи (знакомства)	<i>Does that young lady know Mr. Darcy?</i>
3. Оценочные суждения	<i>I am sure I know none so handsome the handsomest young lady that ever was seen; and so accomplished!</i>
4. Брак	<i>If your master would marry, you might see more of him</i>
5. Семья	<i>His father was an excellent man... and his son will be just like him</i> <i>Whatever can give his sister any pleasure is sure to be done in a moment</i>
<u>разговор с мистером Дарси</u>	
1. Этикетные вопросы о семье	<i>his civil inquiries after her family</i>
2. Compliments	<i>she began, as they met, to admire the beauty of the place</i>
3. Представление	<i>he asked her if she would do him the honour of introducing him to her friends</i>
4. Общие интересы	<i>The conversation soon turned upon fishing; and she heard Mr. Darcy invite him, with the greatest civility, to fish there as often as he chose</i>
5. Знакомые	<i>among them are some who will claim an acquaintance with you</i> <i>There is also one other person in the party... who more particularly wishes to be known to you</i>

Розингс-парк роскошен и величествен, но безжизнен; его обитатели, хотя родовиты и богаты, но не обладают достойными душевными качествами. Благородство происхождения выражается исключительно во внешних атрибутах. Разговор ведётся в высокомерном и оскорбительном тоне, и притом о самых незначительных предметах. Семейные ценности принимают форму постоянного напоминания себе и окружающим о социальном положении и титуле, в то время как наследственная линия предстаёт ослабленной: мисс де Бёрг совсем не похожа на мать, забита, болезненна и некрасива, однако ей внушается чувство превосходства, данное высоким происхождением – это лишь форма, не наполняемая содержанием, подобно тому как сам Розингс не наполняется звуками живой беседы.

Поместье Пемберли, как и Розингс-парк, выступает в качестве эстетического ориентира (*“I would really advise you ... to take Pemberley for a kind of model”*), но подчёркивается отличие Пемберли от просто «красивого дома», каких множество (*“If it were merely a fine house richly furnished, I should not care about it myself”*). Особым достоинством признаётся тесная связь поместья с живущими в нём людьми и окружающей природой. Тема естественности в противоположности искусственности была и остаётся центральной для английской эстетики. Город как оплот культуры и цивилизации противопоставлялся чистоте и первозданности сельской местности. Усадьба занимала промежуточное положение, претендуя на то, чтобы быть пространством культуры, но в естественном, природном ландшафте. Художественные средства в изображении поместья подчинены созданию развёрнутой символической проекции характера его владельца.

Таблица 11 представляет соотношение частотных микротем с понятийными признаками концептов-составляющих концептосферы COUNTRY HOUSE.

Табл. 11. Объективация понятийных признаков концептов-составляющих концептосферы COUNTRY HOUSE

<i>ситуации</i>	<i>микротемы</i>	<i>признаки</i>	<i>концепты</i>
1. Родственная и дружеская беседа	местные новости общие знакомые оценочные суждения	social life / социальное взаимодействие	HOUSE / HOME
	хозяйство, слуги	household / распорядок	
	брачные планы	matrimony / брак	FAMILY
	материальное положение	ownership / владение	HERITAGE
2. Визит	этикетные формулы общие знакомые социальные связи	social life / социальное взаимодействие	HOUSE / HOME
	город и деревня	countryside / сельская местность	
	приглашения	household / распорядок	
	любовь и брак	matrimony / брак	FAMILY
	комплименты	objects / объекты	HERITAGE
3. Бал/приём	комплименты этикетные формулы общие знакомые	social life / социальное взаимодействие	HOUSE / HOME
	городское и сельское общество	countryside / сельская местность	
	родственные связи	members / члены семьи	FAMILY
	ухаживания	matrimony / брак	
4. Экскурсия	этикетные формулы общие знакомые социальные связи	social life / социальное взаимодействие	HOUSE / HOME
	хозяйство обычаи	household / распорядок	
	семейное положение	members / члены семьи	FAMILY
	брак	matrimony / брак	
	наследство	entailment / наследование ownership / владение	HERITAGE
	комплименты	objects / объекты	

Композиция усадебного текста, как английского, так и русского, строится на ритуальном течении быта, определяемого известным распорядком и привычными взаимодействиями. *«Всё в течение дня совершалось в известную пору. Утром, ровно в восемь часов, все общество собиралось к чаю; от чая до завтрака всякий делал что хотел, сама хозяйка занималась с приказчиком (имение было на оброке), с дворецким, с главной ключницей [РС «родственная беседа». – М.Р.]. Перед обедом общество опять сходилось для беседы или для чтения [РС «родственная/дружеская беседа». – М. Р.]; вечер посвящался прогулке, картам, музыке [РС «экскурсия», «визит»,*

«приём». – М. Р.]; *в половине одиннадцатого Анна Сергеевна уходила к себе в комнату, отдавала приказания на следующий день и ложилась спать*» (И. С. Тургенев «Отцы и дети»). Экспозиция, как правило, бывает затянутой, включая, кроме пейзажей, биографические очерки (ср. в романах Дж. Остин экспозиция либо вовсе отсутствует, либо очень лаконична, в пределах нескольких абзацев); завязка, как и в английских текстах, связана с появлением «чужака», героя из внеусадебной среды. Аналогично, чаще всего эта сцена происходит в гостиной, в рамках РС «родственная/дружеская беседа», «визит». С появлением героя действие приобретает динамику, и в ходе ситуаций, аналогичных описанным выше, герой проходит испытание на образованность, эстетический вкус, идеологические принципы. Следует отметить, что тип речевой ситуации «экскурсия» фактически не представлен, в то время как тип «бал/приём» ассоциируется больше с городским бытом, и в отдельных случаях совмещается с типом РС «визит». Использование в диалогах французского языка, в том числе при объективации понятийных признаков концептов ядерной триады, маркирует противоречивость самосознания русского дворянства, вместе с тем отдельные речевые формулы («пахать землю») приобретают концептуальный смысл. Примеры микротемного состава речевых ситуаций указанных типов в романе И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» представлены в Приложении.

Усадебный текст русской литературы уже на «эталонном» этапе отличался символизмом изображаемого пространства. Если Дж. Остин использует символический потенциал описания пейзажной и интерьерной детали весьма сдержанно, хотя неизменно точно, мир русской усадьбы предстаёт как многоплановый текст, предельно насыщенный культурными знаками. В английском country house novel основной вектор сюжета определим как достижение личного земного счастья; в русском усадебном романе звучит мотив счастья высшего, идеального и недостижимого. Хронотоп «рая» конструируется подробно описываемым окружающим пространством, тесно связанным с ключевыми точками сюжета, как,

например, в тургеневских «Отцах и детях»: в сиреневой беседке завязывается романтический сюжет, приводящий к «рыцарскому» турниру между Павлом Петровичем и Базаровым; возле греческого портика, в сени берёзы (ассоциируемой в славянской мифологии с Берегиней, покровительницей дома, семьи, рода) происходит объяснение в любви Аркадия и Кати; отец Базарова, подобно римскому сенатору Цинциннату, возделывает сад и огород.

Уже у Тургенева встречается тщательная детализация картин быта как культурно-исторических декораций к действию. Русский усадебный текст живёт печальной памятью о прошлом: могилы предков, ветхие дома, усыхающие деревья, старая мебель, книги, вещи, семейные легенды. Чувства здесь, без надежды на счастливое разрешение, трогательно сентиментальны, элегически возвышенны, просветлённы и выстраиваются в контексте и сопоставлении с культом муз и искусств. Показателен в этом отношении пример, отмеченный А. Ю. Саркисовой. Для сюжета романа «Дворянское гнездо» значим диалог Лаврецкого и музыканта Лемма после свидания Лаврецкого с Лизой. Музыка Лемма отражает чувства героя, что и имеется в виду в реплике: *«Вы меня слышали – разве вы не поняли, что я всё знаю?»* В упоминавшемся переводе В. Рольстона фраза передана как *“You have heard what I said”* («Вы ведь слышали, что я сказал»), и музыка оказывается ни при чём; такова неудача в трансляции английскому читателю особенности поэтики русского усадебного текста [Саркисова, с. 22]. Его фабулу определяют лиродраматические сцены, обрамлённые метасюжетом философских, идеологических и культурных проблем.

Текст русского усадебного романа прочитывается не только на событийном, но и на культурно-знаковом уровне, умение расшифровывать который необходимо читателю усадебного текста. Вместе с тем знаки эти нередко вполне традиционны: любовное объяснение в цветущем яблоневом саду и прощание навсегда возле сломанного грозой дерева (ср. сходный эпизод в романе Ш. Бронте «Джен Эйр» – могучий дуб, у которого мистер Рочестер признаётся Джен в любви и делает ей предложение, наутро

оказывается разбит молнией; этот один из немногих символических моментов воспринимается как след романтической эстетики).

2.6 Речевая ситуация как способ актуализации концептосферы

COUNTRY HOUSE в романе Дж. Остин “Mansfield Park”

Актуализация концептов-составляющих концептосферы COUNTRY HOUSE в целом аналогична для всех произведений Дж. Остин. В данном параграфе на материале романа «Мэнсфилд-парк» как произведения, отражающего черты зрелого творчества изучаемого автора, будут рассмотрены эпизоды, раскрывающие не описанные ранее компоненты.

Роман «Мэнсфилд-парк» (“Mansfield Park”, 1811-1813, опубл. 1814) принадлежит к числу зрелых романов Дж. Остин и определяется как «воспитательный», имея центром сюжета историю взросления героини. В возрасте девяти лет Фанни Прайс из благотворительных соображений берут на воспитание богатые родственники, владельцы усадьбы Мэнсфилд-парк. Фанни становится членом семьи, хотя и «второго сорта»; между тем само её присутствие среди обитателей Мэнсфилд-парка, её доброта, бескорыстие, честность и стойкость помогают выявить пороки и слабости окружающих и противостоять хитрым и расчётливым Кроуфордам. К нравственному прозрению, совершив много ошибок, приходит Эдмунд Бертрам, кузен и возлюбленный Фанни. Роман завершается их браком, в то время как отец семейства, сэр Томас Бертрам, наконец осознаёт, что причиной их несчастий явилось неправильное воспитание и сама атмосфера Мэнсфилд-парка, отравленная лицемерием и ханжеством.

Основные сюжетные вехи, связанные с появлением в тексте того или иного поместья, в романе “Mansfield Park ” составляют следующий список:

1. Интродукция: сообщение о браке мисс Марии Уорд и сэра Томаса Бертрама из Мэнсфилд-парка.
2. Приезд Фанни в Мэнсфилд-парк.
3. Отъезд сэра Томаса вместе со старшим сыном.

4. Появление Кроуфордов.
5. Приём в Мэнсфилд-парке; приглашение в Созертон.
6. Визиты Эдмунда к Кроуфордам.
7. Посещение Созертон.
8. Возвращение Тома Бертрама; театральная постановка в Мэнсфилде.
9. Возвращение сэра Томаса и прекращение репетиций пьесы.
10. Мария Бертрам выходит замуж на мистера Рашуота и становится хозяйкой Созертон.
11. Встреча Фанни и Генри на обеде у Грантов; Генри решает влюбиться в себя Фанни.
12. Возвращение в Мэнсфилд брата Фанни Уильяма.
13. Приём в пасторате.
14. Бал в Мэнсфилде.
15. Визит Фанни и Уильяма в родной дом в Портсмуте; отъезд Кроуфордов в Лондон.
16. Возвращение Фанни в Мэнсфилд; отъезд Грантов, брак Фанни и Эдмунда, их переезд в пасторат.

Среди РС типа «родственная и дружеская беседа» необходимо отметить пребывание Фанни у родственников в Портсмуте (главы 38-46), во время которого она имеет возможность впервые взглянуть на жизнь в Мэнсфилд-парке со стороны. Фанни становится очевидна разница не только в финансовом положении, но и в манере поведения. Неприемлемым для неё оказывается несоблюдение принятых этикетных норм: приветствия сведены к минимуму и перемежаются оправданиями за бытовые неурядицы (отсутствие ужина, сломанный звонок, слабый огонь в камине); одному из прибывших (Уильяму) уделяется гораздо больше внимания, чем другому (Фанни); дети непочтительны в общении с родителями; хозяин дома сквернословит, слугами управляют только криком. Главы, описывающие пребывание героини в Портсмуте, особенно отчётливо актуализируют тесную связь этикета с этикой и, соответственно, этическую оппозицию города и усадьбы на

примере героини, принадлежащей к обоим семействам и стоящей перед осознанным выбором своего настоящего дома.

В то время как ситуации речевого взаимодействия Фанни с родственниками раскрывают характер жизнеустройства городского дома в Портсмуте, внутренние монологи героини содержат сравнение каждой черты с жизнью в сельской усадьбе Мэнсфилд. Как и для рассмотренной выше пары Пемберли – Розингс, основу изображения двух домов составляет антитеза с выраженным эмоционально-оценочным критерием. Средства актуализации признаков понятийных компонентов концептов-составляющих концептосферы COUNTRY HOUSE для дома в Портсмуте и Мэнсфилда представлены в сопоставительной таблице 12.

Табл. 12. Сопоставление средств актуализации концептуальных признаков концептов-составляющих концептосферы COUNTRY HOUSE для дома в Портсмуте и Мэнсфилда

<i>концептуальные признаки</i>	<i>дом в Портсмуте</i>	<i>Мэнсфилд</i>
HOUSE / HOME		
countryside / сельская местность	<i>to lose all the pleasures of spring; bad smell and bad air</i>	<i>liberty, freshness, fragrance, and verdure</i>
household / распорядок	<i>bustle, noise, domestic grievances</i>	<i>peace and tranquillity</i>
improvement / улучшение	<i>measures often ill-chosen and ill-timed</i>	<i>all proceeded in a regular course of cheerful orderliness</i>
FAMILY		
image / облик	<i>coarse, pert, underbred</i>	<i>everybody had their due importance; everybody's feelings were consulted</i>
HERITAGE		
objects / предметы	<i>small, narrow, sad, inferior, confined scantily furnished</i>	<i>elegance, propriety, regularity, harmony the abode of wealth and plenty</i>

Дом в Портсмуте отличается такими чертами, как теснота, неразумное устройство быта, бедность, шум, несоблюдение приличий, а также

оторванность от природы. Мэнсфилд представляет образ просторного, элегантного, спокойного дома, где и быт, и взаимоотношения между членами семейства определяются патриархальной традицией. В данной оппозиции Мэнсфилд предстаёт положительно маркированным членом, воплощая типические черты идеального дворянского гнезда и выступая, таким образом, в роли прототипа – носителя положительной нормы. Однако антитеза осложняется тем, что благопристойный фасад Мэнсфилд-парка скрывает среду ничтожных интересов, эгоистических мотивов, всеобщего несогласия и непонимания, бесконечную карусель нелепых поступков и действий. Выстраивается дополнительная оппозиция между изображённым в романе Мэнсфилд-парком и «идеальной» концептосферой, примера которой в романе нет. Другими словами, Мэнсфилд-парк занимает промежуточное положение к оппозиции Пемберли – Розингс.

Корреляция HOUSE / HOME и FAMILY имеет свою специфику. Кровные узы связывают Фанни с домом в Портсмуте, и с Мэнсфилд-парком; однако в родном доме от девочки легко отказываются как от лишней обузы, а Мэнсфилд-парк, поначалу совершенно чужой и даже враждебный для Фанни, становится ей настоящим домом: «*Portsmouth was Portsmouth; Mansfield was home*». Принадлежность Фанни к Мэнсфилду получает языковое выражение в письмах тётушки: «*her aunt using **the same language**: “I cannot but say I much regret your being from **home** at this distressing time...”*» В общении с родителями Фанни из деликатности поначалу старается употреблять вместо слова *home* нейтральное обозначение собственным именем (*Mansfield, Northamptonshire*), однако замечает, что родителей не обижает её предпочтение. Таким образом, факт рождения в определённом месте не обязывает человека концептуально воспринимать его как дом (HOME), а среди понятийных признаков концепта FAMILY «кровное родство» выступает формальным, несущественным основанием принадлежности. На восприятие концептов FAMILY и HOME оказывает влияние личная воля, в то время как авторский нарратив позволяет сопоставить высказываемые вслух

(этикетные, неискренние) и произносимые в уме (искренние) суждения. Как и Фанни Прайс, Элизабет Беннет довольно ясно выражает неодобрение ближайшим родственникам и без сожаления расстаётся с ними (*“she looked forward with delight to the time when they should be removed from society so little pleasing to either”*). В обоих случаях этому решению способствует брак и переезд в новый дом.

Среди РС типа «экскурсия» заслуживает внимания посещение поместья Созертон (главы 8-10), а также предшествующий полилог в главе 6, основной темой которого является переустройство усадьбы (*“improvement”*), композиционной функцией – «предвещание» (*“foreshadowing”*), а базовым приёмом – вновь антитеза. Участники полилога представляют две концептуально противоположные точки зрения на вопрос переустройства усадьбы, одна из которых получает позитивную авторскую оценку, а другая негативную. Концепт HOUSE / HOME в репликах персонажей-антагонистов (Рашуот, Кроуфорды, леди Бертрам, миссис Норрис) актуализируется через такие признаки, как ‘богатство’ (*«The **expense** need not be any impediment... Such a place as Sotherton Court deserves everything that taste and **money** can do»*), ‘величина’ (*«You have **space** to work upon there... if I had more **room**, I should take a prodigious delight in improving and planting»*), ‘внешний облик, внушительность’ (*«I would have everything **as complete as possible** in the country, shrubberies and flower-gardens, and rustic seats **innumerable**»*). В репликах персонажей-протагонистов (Фанни, Эдмунд) концепта HOUSE / HOME актуализируется через такие признаки, как ‘естественность’ (*«It would be delightful to me to see the **progress** of it all»*), ‘традиция’ (*«I should like to see Sotherton ... in its **old state**»*), ‘личность’ (*«I would rather have an inferior degree of beauty, **of my own choice**»*).

В последующих главах на базе того же принципа оппозиции возникающие микротемы получают двойную актуализацию в рамках описанных выше антагонистической и протагонистической точек зрения, что проиллюстрировано в таблице 13.

Табл. 13. Актуализация признаков понятийного компонента концептов-составляющих концептосферы COUNTRY HOUSE для Созертон-корта в рамках оценочной оппозиции в РС типа «экскурсия»

<i>микротема</i>	<i>антагонистическая актуализация</i>	<i>протагонистическая актуализация</i>
пейзаж	HOUSE / HOME + HERITAGE	
	countryside / сельская местность <i>Here begins the village. Those cottages are really a disgrace</i> ownership / владение <i>those woods belonged to Sotherton it was now all Mr. Rushworth's property on each side of the road</i>	countryside / сельская местность <i>observing all that was new, and admiring all that was pretty</i> <i>the appearance of the country, the bearings of the roads, the difference of soil, the state of the harvest, the cottages, the cattle, the children</i>
интерьер	FAMILY + HERITAGE	
	members / члены семьи objects / предметы <i>Miss Bertram was pleased to have its size displayed</i> <i>family portraits, no longer anything to anybody</i>	objects / предметы birth / происхождение <i>[Fanny] delighted to connect anything with history already known, or warm her imagination with scenes of the past</i>
домашняя церковь	FAMILY + HERITAGE	
	members / члены семьи objects / предметы <i>Prayers were always read in it by the domestic chaplain, within the memory of many; but the late Mr. Rushworth left it off</i> <i>poor chaplain were not worth looking at</i>	members / члены семьи value / ценность harmony / гармония <i>There is something in a chapel and chaplain so much in character with a great house, with one's ideas of what such a household should be!</i> <i>A whole family assembling regularly for the purpose of prayer is fine!</i>
парк	HOUSE / HOME + HERITAGE	
	social life / социальное взаимодействие	countryside / сельская местность harmony / гармония

	objects / предметы <i>there seemed no inclination to move in any plan that iron gate... give me a feeling of restraint and hardship</i>	<i>to sit in the shade on a fine day, and look upon verdure, is the most perfect refreshment Fanny was still thinking ... without interruption from any one</i>
--	--	--

Антагонистической актуализации свойствен приоритет материальных характеристик (обладания, размера, внешности), а также разрыв традиции, утрата памяти о прошлом, бесцельное движение, стремление к переделкам ради переделок. Протагонистическую актуализацию отличают внимание к естественному природно-аграрному циклу, понятие об истории, семейное единство, способность к спокойной созерцательности и размышлению. Значимость в данном случае приобретает совокупность концептуальных признаков, поскольку такие из них, как 'богатство', 'величина', 'внушительность', принадлежат и усадьбам, реализующим идеальное представление о концептосфере COUNTRY HOUSE (Пемберли).

2.7 Лексическая репрезентация понятийных, ценностных и образных признаков ядерной концептуальной триады

HOUSE/HOME – FAMILY – HERITAGE

В данной части работы рассматривается лексическая репрезентация частотных признаков понятийных компонентов концептов-составляющих триады HOUSE/HOME – FAMILY – HERITAGE, актуализируемых в текстах романов Дж. Остин. Выделение концептуально значимых лексических единиц (ЛЕ) производилось с учётом ближайшего контекста употребления (1-9) относительно репрезентантов соответствующих концептов. Частеречная принадлежность концептуально значимых ЛЕ разнится, в связи с чем для данного исследования более эффективным представляется группирование по ТСГ (тематико-семантическим группам).

Концепт: HOUSE (ДОМ).

1. ПП *сельская местность (countryside)*.

1.1. ЛЕ, обозначающие объекты живой природы:

естественные:

*the **lane** to Hunsford*

*the first appearance of Pemberley **Woods***

*Pemberley House, situated on the opposite side of a **valley***

*his beautiful **grounds** at Pemberley*

искусственные:

*talking to Mr. Bennet <...> of his house and **garden** at Hunsford*

***park** nearly opposite the front of his house*

1.2. ЛЕ с семой “distance” («расстояние»):

*within **a short walk** of Longbourn*

***within five miles** of Lambton [...] Pemberley was situated*

***the very neighbourhood** of Longbourn [...]*

1.3. ЛЕ – географические наименования местности:

*it was impossible for her to see the word [**Derbyshire**] without thinking of Pemberley*

*Hunsford, **near Westerham, Kent**, 15th October*

*the convenient distance of Hunsford **from London***

2. ПП *устройство (household)*.

2.1. ЛЕ – существительные и глаголы с общей семой ‘meals’ («приём пищи»).

часть ежедневного распорядка жизни дома:

*reached Netherfield soon after the family **breakfast** (завтрака)*

*after they had been **dining** (обедали) at Netherfield*

как событие социальной жизни, выражение через ЛЕ со значением просьбы, приглашения:

*the **entertainment** (развлечение) of **dining** at Rosings was repeated about twice a week*

she had also **asked** him twice to **dine** at Rosings
 they were **invited** and **engaged** (условились) **to dine** at Longbourn in
 a few days time
 to **keep** (удержать) the two Netherfield gentlemen to **supper**
 her ladyship's **asking** us on Sunday to **drink tea** and spend the evening
 at Rosings

2.2. ЛЕ с семой 'event' («событие»):

to give a **ball** at Netherfield
 the prospect of the Netherfield **ball**
 a Netherfield **ball** to prepare for and talk of
 the long-expected **ball** at Netherfield
 when we were all **dancing** together at Netherfield
 the evening of the **dance** at Netherfield
 meditating a **dance** at Netherfield

2.3. ЛЕ с семой 'time' («время», выражающие цикличность):

время дня:

within **four hours** of their leaving Hunsford
 their original design of leaving Netherfield **that morning**

неделя:

the next day opened a new scene at Longbourn
 at Longbourn in **a few days time**
 to come to Rosings **every day**
 the Gardiners stayed **a week** at Longbourn
 my aunt Phillips came to Longbourn on **Tuesday**

месяц:

you all quitted Netherfield **last November**
March was to take Elizabeth to Hunsford

годовой цикл:

You are all to come to Pemberley at **Christmas**
 his coming no more to Netherfield the whole **winter**

3. Понятийный признак (ПП) *социальное взаимодействие (social life)*.

3.1. Лексема-репрезентант концепта – объект и место социальных взаимодействий, выражаемых глагольными ЛЕ:

*Miss Bingley is to... **keep** his house*

*if you should have no objection to **receive** me **into** your house*

*[Mr Collins] may **turn** you all **out of** this house*

*he had **removed** with his family **to** a house about a mile from Meryton*

*the friend who is supposed to desire his **return to** the house*

*a **visit in** his humble parsonage*

3.2. ЛЕ – глаголы и существительные, обозначающие социальную активность:

3.2.1. Устное общение:

*the morning after the assembly brought [Miss Lucases] to Longbourn to **hear** and to **communicate***

*they were **talking** of the Longbourn estate*

*in **speaking** of Rosings and her not perfectly understanding the house*

*on his way to Longbourn on purpose to **inquire** after her*

*when her **inquiries** after Rosings were made*

3.2.2. Встречи:

*to **see** her either at Longbourn or Netherfield*

*she **saw** him one morning at his own house*

*it would be highly expedient to **wait on** her at Pemberley the following morning*

*the ladies of Longbourn soon **waited on** those of Netherfield*

*their **visit** to Rosings*

*your Hunsford **visit** cannot have been entirely irksome*

*to retain the right of **visiting** at Pemberley*

*a daily **visitor** at Longbourn*

*the pleasures of their **engagements** (приглашения) at Rosings*

*his last **address** (обращение) in Rosings Park*

*his **reception** (приём) at Longbourn*

***invited** (пригласили) them to come to Hunsford again next year*

*she looked forward to her **introduction** (представление) at Rosings*

3.3. ЛЕ – существительные, обозначающие обитателей дома:

*the Netherfield **ladies***

*the **ladies** of Longbourn*

*the Netherfield **party***

*in the company of his dear **friends** at Netherfield*

3.4. Лексема-репрезентант концепта – центр принадлежности группы людей, входящих в отношения «хозяин-прислуга»:

*the **master of the house***

*some of his **servants** are to be **in the house***

*the **housekeeper** at Netherfield*

Ценностный компонент концепта включает следующие ОП (оценочные признаки).

1. ОП *improvement* (улучшение). Данный признак связан с такой чертой национального характера, как стремление к постоянному благоустройству своих домов, представлением о долге каждого владельца внести обязательный вклад в украшение дома. В связи с этим благоприятные возможности для последующих улучшений определяют положительную оценочность:

*the care and **improvement** of his dwelling, which he cannot be excused from making **as comfortable as possible***

*I **should be** always planting and **improving***

*to add and **improve** was **a delight** to her*

*Henry to be such **a capital improver***

favourable/capable for improvement

Поскольку улучшение направлено на будущую перспективу, этот признак служит звеном между ядерными концептами HOUSE/HOME и FAMILY. В следующем примере герой романа выражает нежелание

производить «улучшение», пока в доме не появится хозяйка, т.е. пока он не женится:

I have little heart for extensive improvements till I know that it will ever have a mistress.

Данный признак также связывает концепт HOUSE/HOME с периферийным концептом GENTLEMANLINESS, среди признаков которого исследователи отмечают окультуренность, цивилизованность [Цветкова]. Следующий пример вербализует необходимость отражения в облике дома таких черт, присущих джентльмену, как образованность, вкус, современные манеры, приличные связи:

*From being the mere gentleman's residence, it becomes, by **judicious improvement**, the residence of a man of **education, taste, modern manners, good connexions.***

Однако чаще Дж. Остин изображается улучшение как самоцель, свойственное персонажам-антагонистам (Рашуот, Коллинз, миссис Дэшвуд) и приводящее к разрушению старого облика дома, вырубке деревьев. Подобным примерам сопутствует негативная оценка со стороны персонажей-протагонистов (полковник Брэндон, Фанни Прайс):

'What!'** he exclaimed—**'Improve** this dear cottage! **No. THAT I will never consent to.'

*You would **rob** it of its simplicity by **imaginary improvement!***

*I would not **sacrifice** one sentiment of local attachment of yours, or of any one whom I loved, **for all the improvements in the world.***

I should like to see Sotherton before it is cut down, to see the place as it is now, in its old state

В то же время частым средством позитивной характеристики персонажей является употребление лексемы *improve* и её производных по отношению к человеческим качествам и межличностным отношениям: *encouraged to read and improve himself, her improvement on the harp, his spirits were greatly improved, Mr. Darcy improves upon acquaintance.*

2. ОП *settlement* (*устроенность*). В содержание этого признака входит устойчивость жизненного распорядка, принадлежность к определённом дому, оцениваемые положительно, и неустойчивость, беспокойство, оцениваемые отрицательно:

comfortably settled

settled at Netherfield as he ought to be

*we shall have **no peace** at Longbourn*

*every day at Longbourn was now a day of **anxiety***

3. ОП *habitability* (*обитаемость*). Содержание этого признака определяется как положительная оценка обжитости дома, активности социальных процессов.

***pleasure** of seeing you at Pemberley to-day*

***hope** of seeing the whole family soon at Longbourn*

***happy** they should be to see him at Longbourn again*

*she **looked forward** to her introduction at Rosings*

***dear** friends*

the little we see of the world**, must make Hunsford extremely **dull

4. ОП *beauty* (*красота*).

***delightful** library*

***beautiful** grounds*

***handsome** building*

*a **very fine** place*

*less of **splendour**, and more real **elegance***

Среди предметов интерьера при актуализации данного признака выделяются библиотека и портретная галерея – объекты, служащие также актуализации концептов FAMILY и HERITAGE. Также отмечается сопутствующее антагонистической роли персонажа направление «вовнутрь» (измельчание детализации при описании Розингс-парка, Созертон, Нортенгерского аббатства), а также предпочтение количественных характеристик (*small, many, cost 8,000 pounds*) качественным (*noble,*

delightful), в отличие от направления «изнутри наружу» (раскрытие в природный ландшафт, символическое соотнесение с качествами личности) при протагонистической роли персонажа.

Концепт FAMILY (СЕМЬЯ)

1. ПП *члены семьи (members)*:

1.1. Обозначение семьи как целого:

1.1.1. ЛЕ – атрибутивные словосочетания с собственными именами
ДОМОВ:

*the **Longbourn** family, the **Pemberley** family*

а также использование метонимического переноса:

*the influence of the **Pemberley House***

*the people, the manners, the amusements,
the ways of **Mansfield Park***

1.1.2. ЛЕ – словосочетания с предлогами:

*the family **from** Longbourn, the family **at** Rosings*

1.2. Обозначение отдельных членов семьи:

*all her Longbourn **nieces***

*not to attend her **cousins** to Rosings*

*only one **daughter**, the heiress of Rosings*

*whether all her **sisters** were at Longbourn*

*to receive her and her **husband** at Longbourn*

2. ПП *брак (matrimony)*.

*having now a good house and a very sufficient income, he intended to **marry**
he made her an **offer** in this very room*

Ценностный компонент концепта включает следующие ОП.

1. ОП *birth (происхождение)*.

*he is a gentleman; I am a gentleman's daughter; so far we are **equal***

*is **the son of his late father's steward**, to be his **brother**?.. Are the shades of
Pemberley to be thus **polluted**?*

*a **respectable old** country family*

dignified relations

2. ОП постоянство (steadiness):

a **settled** family

a **whole** family **assembling regularly** for the purpose of prayer is **fine**

3. ОП облик (image) – манера поведения, внешний вид, репутация:

all the **comfort and elegance** of their family party at Pemberley

a family of **lively, agreeable** manners

had her family made an agreement **to expose themselves** as much as they could during the evening

one or other of these **disqualifications for being agreeable**—Want of sense, either natural or improved— **want of elegance**—want of spirits—or want of **temper**

Концепт HERITAGE (материальный аспект)

1. ПП объекты (objects).

the **drawing-room** at Netherfield

the small summer breakfast **parlour** at Rosings

the use of the **library** at Netherfield

the **furniture** of Rosings

to come to Rosings every day, and play on the **pianoforte** in Mrs.

Jenkinson's room

2. ПП наследование (entailment)

inheriting Longbourn

next in the **entail** of Longbourn estate

the Longbourn estate is just as much **entailed** as ever.

only one daughter, the **heiress** of Rosings

3. ПП владение (ownership)

3.1. Материальный объект, принадлежащий к недвижимому имуществу (собственности), в сочетании с лексемами 'have' (иметь) и 'own' (владеть), а также притяжательными местоимениями ('his', 'your'):

at **his own house**

*when I **have a house of my own***

*You **have a house** in town, I conclude?*

*talking to Mr. Bennet <...> of **his house** and garden at Hunsford*

*when you build **your house***

3.2. Факт владения:

ЛЕ – глаголы:

*the Pemberley **property***

*take **possession** of Longbourn estate*

*they often talk of **having** Longbourn*

*Netherfield is **let***

*Netherfield is **taken***

*I will **buy** Pemberley itself if Darcy will **sell** it*

ЛЕ – существительные:

*Pemberley and its **owner***

*what Rosings was, and who was its **proprietor***

*[Pemberley's] late **possessor***

Ценностный компонент концепта определяется ОП *value* (*ценность*), актуализируемым главным образом косвенно, средствами общего сюжетно-образного построения романов. Пренебрежение к традиции или полный разрыв с ней характерны для антагонистических персонажей (Рашуот), однако и чрезмерная заикленность на родословной (сэр Эллиот), помещение происхождения человека выше его личных качеств (леди Кэтрин де Бёрг), снобизм, маскируемый под самоуничижение (генерал Тилни), получают негативную оценку, в то время как продолжение семейных традиций, интерес к истории являются чертами протагонистов (Фанни Прайс, мистер Дарси).

I cannot comprehend the neglect of a family library

delighted to connect anything with history already known

she could not entirely subdue the hope of some traditional legends

Образный компонент рассматривается нами в качестве общего, объединяющего для всех концептов ядерной триады признака *harmony*

(соответствие, гармония). Актуализация концептов HOUSE/HOME – FAMILY – HERITAGE в тексте носит взаимоперекрёстный характер: репрезентанты этих концептов находятся в тесной связи в рамках ближайшего контекста употребления, в том числе одни и те же лексические единицы могут служить актуализации нескольких концептов. Дж. Остин, следуя трезвому и реалистическому стилю повествования, использовала минимальное количество стилистических фигур, в том числе сравнений и метафор. Одним из основных средств актуализации образного компонента концептосферы являются эпитеты, применимые как к материальным объектам, так и к личности. В основу описания Пемберли (роман “Pride and Prejudice”) положена символическая проекция характера его владельца: *great variety* (большое разнообразие), *beautiful* (красивый), *wide extent* (широкий), *considerable* (значительный), *suitable* (достойный), *natural importance* (естественная величавость), *natural beauty* (естественная красота). В романе “Mansfield Park” во время визита в Созертон персонажи гуляют по змеящимся (*serpentine*) дорожкам парка, натываются на запертую (*locked*) калитку или соблазняются (*tempted*) незапертой калиткой, выходящей на луг [Austen, 2000, p. xi]. В том же романе возникает развёрнутая на несколько глав метафорическая параллель быта усадьбы Мэнсфилд-парк с неслаженным спектаклем, который репетируют герои. Художественный образ усадьбы строится на стремлении к соответствию облика дома и характера его владельца, отдельной личности и семьи, современности и традиции. Счастливый финал – удачный брак выступает условием не только продолжения рода, но и возможности стать полноценной, реализованной личностью. Таким образом, следование традиции не ущемляет, а поддерживает личностное начало, столь значимое в английской национальной концептосфере.

Возвращаясь к цитированному выше стихотворению Ф. Хеманс «The Homes of England», легко заметить, что состав основных признаков усадебного жизнеустройства, представленный в стихотворении (традиция,

семейственность, природа, олицетворение дома, благочестие) полностью соотносим с предлагаемой нами концептуальной триадой. Тем самым подтверждается предположение о том, что в стихотворении Ф. Хеманс заложен этико-эстетический ориентир, выраженный настолько, насколько позволяют жанровые рамки и ограниченный объём лирического стихотворения. Жанр романа позволяет создать более широкую картину жизненного процесса, однако основным вектором в её изображении остаётся стремление к счастью. При реификации (овеществлении) счастье строится подобно физическому объекту или зданию (*to build happiness, to create happiness; Every man is master / architect / maker of his fortune / fate*). В счастливом пространстве дома воображение объединяет ассоциации детства и мечту о «подлинном» жилище, поселившись в котором, человек наконец обретёт себя. Усадебный роман, представляющий этико-эстетический идеал идиллического мироощущения, почти всегда завершается созданием новой супружеской пары и нового домашнего очага, обретением материальной и духовной гармонии (заслуженное материальное благополучие и духовное партнёрство).

Сводный номенклатурный состав понятийных, ценностных и образных признаков ядерной триады концептосферы COUNTRY HOUSE представлен в таблице 14.

Табл. 14. Сводный состав понятийных, ценностных и образных признаков ядерной триады концептосферы COUNTRY HOUSE

<i>концепт</i>	<i>понятийные</i>	<i>ценностные</i>	<i>образные</i>
HOUSE / HOME	countryside	improvement	harmony
	household	settlement	
	social life	beauty	
		habitability	
FAMILY	matrimony	birth	
	members	image	
		steadiness	
HERITAGE	objects	value	
	entailment		
	ownership		

ВЫВОДЫ ПО II ГЛАВЕ

1. Состав понятийных признаков лексики *country house*, представляющей имя исследуемой концептосферы, коррелирует с составом английской национальной концептосферы. Наиболее высокую степень актуализации среди репрезентантов, составляющих синонимический ряд: *country house*, *manor house*, *stately home*, *mansion house*, *country estate*, имеют следующие признаки: а) обитаемость; б) природа; в) семейственность; г) традиционность; д) благосостояние как материальное, так и духовное.

Усадебный роман в английской литературе продолжает традицию, вобравшую как пасторально-описательные, так и руссоистско-просветительские черты, а также семейно-бытовую и социально-проблемную тематику. Жанр усадебного романа отличается устойчивостью композиционной структуры и образной системы, что делает его средой, способной генерировать собственную концептосферу. Концептосфера COUNTRY HOUSE обладает набором сюжетообразующих функций, определяя хронотоп, выполняя роль субъекта повествования и представляя нравственные категории, заявленные на уровне заголовка. Русский усадебный роман представляет практически единственную в мировой литературе жанровую аналогию; будучи хронологически и онтологически вторичным явлением, в русском дискурсе он выполняет ту же функцию актуализации усадебного феномена как этико-эстетической категории.

2. Актуализация концептов-составляющих концептосферы COUNTRY HOUSE в усадебном романе происходит в череде речевых ситуаций определённых типов, аффилированных с пространством усадьбы как реального культурного феномена, а именно: 1) родственная и дружеская беседа; 2) визит; 3) бал/приём; 4) экскурсия. Наибольшую плотность актуализации в микротемном составе речевого взаимодействия имеют концепты HOUSE/HOME, FAMILY, HERITAGE. Взаимоперекрёстный характер актуализации этих концептов позволяет рассматривать их как концептуальную триаду-основу концептосферы COUNTRY HOUSE. Ядерный

состав русской концептосферы УСАДЬБА (ДОМ – СЕМЬЯ – НАСЛЕДИЕ) рассматривается как синонимичный ядерному составу английской концептосферы COUNTRY HOUSE. В обоих случаях значимым влиянием обладают культурноспецифичные периферийные концепты GENTLEMANLINESS и ДВОРЯНСТВО.

3. Анализ лексической репрезентации с учётом ближайшего контекста употребления (расстояние от 1 до 9 слов) позволил выделить номенклатуру признаков понятийного, образного и ценностного компонента концептов-составляющих ядерной триады концептосферы COUNTRY HOUSE, причём признак образного компонента *harmony* / *гармония* является общим (объединяющим) и отражает свойственный концептосфере дуализм: образное представление о доме как вместилище счастья включает как материальное благополучие, так и происходящие в пространстве дома человеческие взаимоотношения.

4. Творчество И. С. Тургенева как пример эталонной актуализации концептосферы УСАДЬБА в русском литературном дискурсе демонстрирует сходный набор сюжетообразующих функций, выполняемых концептосферой УСАДЬБА, и принципы построения сюжета вокруг речевого взаимодействия в речевых ситуациях тех же типов, унаследованные от английского *country house novel*. Однако эмоционально-оценочный фон, определяемый у Дж. Остин как нейтрально-положительный, здесь – печальный (в том числе в восприятии англоязычных читателей), что уменьшает дистанцию между эталонной актуализацией концептосферы и первым эхо-радиусом. В отличие от концептосферы COUNTRY HOUSE, в эталонной актуализации ориентированной на настоящее и будущее, актуализация концептосферы УСАДЬБА изначально обращена в прошлое.

ГЛАВА III. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОНЦЕПТОСФЕР *COUNTRY HOUSE* и *УСАДЬБА* В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ XX-XXI ВЕКОВ

Никогда не возвращайтесь туда, где вы были счастливы.

Пока вы не делаете этого, все остается живым в вашей памяти.

Если вы оказываетесь там снова, все разрушается.

(А. Кристи)

3.1 Особенности актуализации концептосфер *COUNTRY HOUSE* и *УСАДЬБА* в английских и русских художественно-литературных текстах XX века

На фоне резкого роста общеевропейских темпов индустриального роста на рубеже XIX–XX вв. конец викторианской эпохи ознаменовался постепенной утратой монопольного положения Великобритании в торговле и промышленности, что привело не только к ослаблению британского могущества на море и в колониях, но и негативно сказалось на обстановке внутри государства, поставив под угрозу интересы свободных фермеров и весь традиционный уклад сельской жизни.

Появление новых видов энергии означало не только повышение эффективности промышленного производства, но и гораздо более широкое применение индустриальных методов в областях человеческой жизни, ранее не подверженных влиянию индустриализации. Разрушение традиционного сельского быта под натиском массовой механизации означало нечто большее, чем просто переход на новую систему производства – это было разрушение целого пласта культуры, тесно связывавшего быт, искусство и судьбы людей.

Перемены, происходившие в экономике и политике, сказывались и на духовном состоянии общества, прежде всего на литературе. Зыбкость мироощущения, связанная с социальной нестабильностью, посягала на всегда зорко хранимые национальные корни английского искусства.

«Английскость» в этот период сохраняет и укрепляет положение одной из важнейших характеристик литературного творчества. По мнению Т. Красавченко, «английский читатель привык к психологическому роману нравов, характеров (как правило, с комедийным, сатирико-юмористическим началом) – о жизни «микросоциальной группы людей» (усадьба, городок, семья, круг друзей), к историческим романам, предпочтительно на сюжет из национальной истории; на это, как правило, осознанно или нет, ориентирован и английский писатель» (цит. по [Неверов, 2010]).

Для английской прозы второй половины XX века характерна тенденция обращения к национальной реалистической традиции наравне с постмодернистской поэтикой. В монографии «Современный британский роман» М. Брэдбери [Bradbury, 2001] выражает мнение, что основополагающим методом в освоении художественной действительности у английских авторов был и остается реализм, в основе которого лежат сюжет и характер. В модернизме первичное значение приобретают «модель», «форма» и «миф».

Как уже было отмечено выше, жанр усадебного романа отличается высокой степенью внутренней устойчивости и определённым комплексом читательских ожиданий, предъявляемых к произведению. Читатель усадебного романа не нуждается в том, чтобы его удивили; удовлетворённость опытом чтения пропорциональна оправданию существующих в его сознании стереотипных представлений, заданных характерным замкнутым местом действия, ограничивающим, в свою очередь, круг действующих лиц, вариативность ситуаций, а также предъявляющим некоторые стилистические требования к самому тексту при изображении бытия в специфической сетке пространственно-временных координат. Соблюдение данных условий способствует ощущению комфорта при взаимодействии со знакомыми реалиями, источником которых в связи с исчезновением феномена в реальной действительности становится действительность книжная. Современные примеры жанра могут

представлять собой стилизации или пастихи (фр. *pastiche*, от итал. *pasticcio* — стилизованная опера-попурри; вторичные произведения, использующие сюжет, стиль, персонажей, время и место действия авторского оригинала), такие как роман «Смерть приходит в Пемберли» Ф. Д. Джеймс, продолжающий сюжетные линии «Гордости и предубеждения» Дж. Остин. В случае создания оригинального сюжета влияние литературного контекста на произведение остаётся значительным. Текст может содержать аллюзии на известные литературные сюжеты, обыгрывать прецедентные имена и названия: например, название поместья Торнхольд в одноимённом романе М. Стюарт напоминает о Торнфильде в «Джен Эйр» Ш. Бронте. Распространённым приёмом является склонность главного героя к заядлому книгочейству, восприятие реальности через призму книжного дискурса, приводящее порой к трагическим последствиям («Тринадцатая сказка» Д. Сеттерфилд, «Флоренс и Джайлс» Дж. Хардинга, «Искупление» И. Макьюэна).

Усадебный роман занял столь значимое место в английской литературе, как можно более полно выразив основы национального самосознания, что влияние его распространилось и на другие жанровые разновидности романа. Другими словами, тоpos усадьбы перестал быть в произведении единственным, но сохранил функцию «центра тяжести» в более широком проблемно-тематическом поле. Для нашего исследования представляет интерес актуализация концептосферы COUNTRY HOUSE в произведениях английской литературы XX века у авторов, предпринявших попытку осмысления вопросов историчности и «надысторичности» — того, что противопоставляет и связывает людей разных эпох. Выбор произведений, отличных как по стилистике, так и по проблематике от рассмотренных в Главе II, сделает более наглядным характер динамических процессов в исследуемой концептосфере.

Классические образцы «усадебной прозы» относятся к XIX столетию, бывшему «материальным» веком. Материальное становилось идеалом,

красотой, поэзией. Мир был наполнен вещами; аристократизм понимался как виртуозная культура внутренней и внешней жизни. С того момента, когда накопление эстетических богатств и восхищение ими становится самоцелью, «вещный мир» уже не выражает, а замещает человека. В литературе XX столетия трансцендентной господствующей силой выступает уже не природа, а сотворённая самим человеком цивилизация. Непатетическое отношение к мифологии принимает иронически-пародийный характер, притом что мифические первоосновы прочитываются в самых простых, обыденных явлениях и представлениях.

В литературе усадебный дом, как правило, изначально фигурирует в качестве своеобразной мифологемы. Будучи наделён эпитетом «старый», «старинный», образ дома напоминает уже не о лично значимых, а об общекультурных ценностях, свидетельствует о превосходстве предыдущих поколений. Однако уклад старинных родовых поместий, где хозяева и слуги якобы составляли одну большую семью, а мудрый и великодушный глава рода правит своими домочадцами справедливо и разумно, должен быть признан внеисторичным и фантастичным. Как отмечает Р. Поджоли, поэтизация мирной и простой сельской жизни, возрастание интереса к жанровым характеристикам пасторали имеет место в эпоху общественных потрясений [Poggioli, 1975].

Одним из писателей, чьё мировоззрение своеобразно отразило кризисные явления в социальной жизни Великобритании рубежа XIX – XX веков, является Ивлин Во (Evelyn Waugh, 1903-1966). Его творчество дало плодотворный импульс развитию современной английской прозы. Ранние романы «Упадок и разрушение» (1928), «Мерзкая плоть» (1930), «Чёрная беда» (1932) принесли И. Во славу мастера комедийно-сатирической направленности; пора зрелости (1930-е гг.) отмечена глубиной осмысления социально-нравственных проблем. Роман «Возвращение в Брайдсхед» (1945) сам писатель считал своей главной книгой – *Magnum Opus*. Написанный от первого лица, роман во многом автобиографичен и исповедален. С надеждой

отыскать твёрдую почву моральных принципов писатель обращался к феодальному прошлому и более чем скептически относился к обещанной капитализмом возможности справедливого переустройства мира.

Идея и сюжет «Возвращения в Брайдсхед» выходят за жанровые рамки усадебного романа и в то же время определяются наследованием и переосмыслением его традиционных концептуальных характеристик. Некоторые из рассмотренных в Главе II типических речевых ситуаций, аффилированных с пространством усадьбы, могут быть приложимы к сюжету романа «Возвращение в Брайдсхед», что будет отмечено ниже, однако для нас интересны особенности актуализации концептосферы в более широком проблемном контексте. Поместье Брайдсхед в романе представляет уже не только социальный срез в миниатюре, заключённый в стенах дома «социум внутри социума», но квинтэссенцию утраченной эпохи. Рассказчик в «Возвращении в Брайдсхед» ретроспективно освещает события нескольких десятков прошлых лет, почти ничего не говоря о настоящем. Характер динамических процессов в концептосфере задаётся возникшим противостоянием дискурсов настоящего и прошлого.

Заглавия всего романа и отдельных его частей, взятые в системных отношениях, задают восприятие текста как многоуровневой ассоциативной структуры. Смысловое кольцо вокруг образа усадьбы Брайдсхед очерчено одноименными всему произведению прологом и эпилогом («*Brideshead revisited*» – «Брайдсхед вновь посещённый») и закрывается синтаксически параллельным названием центральной части «*Brideshead deserted*» – «Брайдсхед покинутый». Постпозиция к определяемому слову причастий прошедшего времени *revisited* и *deserted* придаёт им предикативный оттенок. Объект вовлекается во временные неопределённо-личные связи: **Brideshead is* (существует) – **Brideshead is visited* (посещён) – *Brideshead is revisited* (посещён вновь).

Ойконим *Brideshead* представлен в тексте как часть словообразовательного гнезда: протекающая рядом с поместьем речка

называется Брайд (Bride), расположенная неподалёку ферма – Брайспринг (Bridespring). В свою очередь, наследник Марчмейнов носит прозвище Брайди (Bridey) – от титула по рождению «граф Брайдсхедский» (Earl of Brideshead); его настоящее имя в романе не упоминается. Возможность символической интерпретации также является фактором содержательно-концептуальной динамики. Ойконим в рассмотренных выше романах Дж. Остин редко могут быть интерпретированы символически. Большинство используемых писательницей именований представляют собой реальные географические названия, встречающиеся на карте Англии. К таковым относятся Незерфилд (Netherfield), Мэнсфилд (Mansfield), Созертон (Sotherton), Хартфилд (Hartfield), Вудстон (Woodston). Несколько названий, по всей видимости, придуманы самой писательницей: Пемберли (Pemberley), Розингс (Rosings), Нортенгер (Northanger) – однако и они не могут быть отнесены к категории «говорящих», за исключением некоторой степени ассоциативности звукового облика. Ойконим “Brideshead”, напротив, имеет яркую внутреннюю форму, будучи составлен из двух корней с самостоятельным значением: ‘bride’ – невеста + ‘head’ – голова. Однако этимология и смысл ойконима в романе не раскрываются и предполагают, таким образом, неоднозначность расшифровки. Достаточно убедительным вариантом прочтения нам видится концептуальная связь образа невесты с юностью и целомудрием. Рай и память – две субстантивные идеи усадьбы как хранилища памяти о девственном счастье до изгнания Адама и Евы. Невинность в романе, однако, оборачивается бесплодием, как физическим (отсутствие семьи и детей), так и эстетическим (пустота «архитектурной» живописи, игнорирующей живых людей). Так общей сюжетной схемой определяется переоценка ценностного компонента концептов-составляющих концептосферы COUNTRY HOUSE как слагаемое эффекта «эха».

Литературный и общекультурный контекст выступает в роли своеобразной проводящей среды, где прямые и скрытые цитаты представляют точки отражения эха. Название первой книги — “Et In Arcadia

Ego” («И я в Аркадии») – напоминает о классической литературе XVII-XVIII веков, где «аркадская идиллия» являлась синонимом счастливой, беззаботной жизни. В эклогах Вергилия Аркадия предстаёт также как топос смерти. Фраза, написанная на лобной кости человеческого черепа, принадлежавшего Чарльзу Райдеру в студенческие годы, отсылает к картине Н. Пуссена, изображающая аркадских пастухов у надгробия с надписью ‘Et in Arcadia ego’ – “И в Аркадии я (есть)”, т.е. смерть есть и в Аркадии. Название третьей книги романа – «A Twitch Upon The Thread» («Стоит только дёрнуть за верёвочку») – напоминает о герое Г. К. Честертона отце Брауне, католическом священнике и знатоке человеческих душ, отпустившем преступника на «невидимой лесе» и уверенном, что он «вернётся, стоит только потянуть». Религиозный аспект романа и дополнительные библейские аллюзии позволяют интерпретировать эту фразу через отношения героев с Богом. Обращает внимание синтактико-семантический параллелизм заглавия «Brideshead Revisited» с прецедентным «Paradise Regained» («Обретённый рай» Дж. Мильтона) и вместе с тем антонимичность посещения (временного, единичного действия) и обретения (окончательного состояния). Итак, само повествование есть воспоминание, рождённое видом старого дома; названия частей романа представляют собой «воспоминания» о других литературных текстах. Изображённый в романе фрагмент действительности изначально помещается автором в ряд феноменов человеческой культуры и внутри самого текста становится объектом искусства (Брайдсхед изображается героем на картинах). Соотнесение реальности объективной и книжной у Дж. Остин носило иронический характер («Нортенгерское аббатство», «Чувство и чувствительность»); взгляд в исторической перспективе сообщает объекту приподнятое символическое значение.

Ниже рассматриваются особенности реализации ядерной триады HOUSE/HOME – FAMILY – HERITAGE на первом эхо-радиусе. Напомним, что под данным термином мы понимаем приобретение концептом черт знака-

символа в классификации Ч. Пирса, а именно: конвенциональной связи означаемого и означающего для выражения условного духовного содержания.

Позиция наблюдателя (реципиента) в романе реализована с точки зрения Чарльза Райдера. Его образ соотносим с героем-чужаком в классическом усадебном романе, вторгающимся извне в ритуально-бесконфликтный усадебный мир. К отличительным чертам образа Райдера, определяющим этическую шкалу его позиции наблюдателя, могут быть отнесены:

- 1) автобиографичность и, следовательно, резонёрская функция;
- 2) принадлежность к иной социальной и религиозной среде;

3) наделённость артистическим талантом, благодаря чему Райдер одновременно способен адекватно оценить как эстетическое великолепие Брайдсхеда, так и противоречие несчастья жизни в его стенах.

Первичная актуализация концептосферы в начале текста носит осложнённый развёрнутый характер. Эмоциональной доминантой пролога, содержащего указание на историческое время и описание душевного состояния капитана Райдера, является негативное восприятие настоящего момента. Разорение (*desolation*), беспорядок (*disgrace*), упадок душевных сил (*disappointment, resignation*), отсутствие приятных воспоминаний (*no single happy memory*), отличающие жизнь в военном лагере, противоположны связанным с концептосферой COUNTRY HOUSE позитивно-оценочным признакам: удобство, покой, достоинство. Соотнесение описанной реальности с концептосферой усадьбы предполагается заголовком пролога, совпадающим с названием всего романа, – “Brideshead Revisited” – однако на протяжении всего фрагмента имя поместья не упоминается, заменяясь в самом конце длинным перифразом: «*“What's this place called?” He told me and, on the instant, it was as though someone had switched off the wireless, and a voice that had been bawling in my ears, incessantly, fatuously, for days beyond number, had been suddenly cut short; an immense silence followed, empty at first, but gradually, as my outraged sense regained authority, full of a multitude of*

sweet and **natural** and **long-forgotten** sounds – for he had spoken a name that was so **familiar** to me, **a conjuror's name** of such **ancient** power, that, at its mere sound, the **phantoms** of those **haunted late years** began to take flight». Фраза актуализирует такие тематико-семантические группы лексики, как:

- 1) «время»: *days beyond number, late years, ancient, long-forgotten*
- 2) «память»: *familiar, long-forgotten*
- 3) «магия»: *conjuror, phantoms, haunted*

При отсутствии в сюжете романа собственно фантастических элементов, контекст актуализации концептосферы COUNTRY HOUSE несёт признаки дискурса нереальности, условности. Этому способствуют аллюзивность заголовка данного фрагмента (косвенная актуализация концепта РАЙ) и одновременно табуирование собственного имени в тексте; гиперболизированное противопоставление момента речи и прошлого, к которому принадлежит усадьба (*days beyond number*); использование в качестве эпитетов лексем с семой «магия, волшебство» (*conjuror's, phantoms, haunted*). Актуализируемая во фрагменте категория памяти предстаёт как особое нравственно-ценностное измерение. Воспоминания Райдера, обладая свойством интерпретации (интеллектуального и эмоционального толкования), обозначают первый эхо-радиус ядра концептосферы COUNTRY HOUSE.

В авторском предисловии к переизданию 1959 года отмечено появление репрезентанта *country house*, не встречавшегося в рассмотренных выше текстах, а также контекстуальных синонимов *ancestral seats* и *artistic achievement*, актуализирующих соответственно признаки «древность» и «искусство». Актуализация первого из них поддерживается такими лексемами, как *present* (нынешний культ), *sixteenth century* (монастыри XVI века), *up to date* (невозможно осовременить), *younger generation* (молодое поколение), *souvenir* (напоминание), а также лексемами, принадлежащие к ТСГ «смерть»: *doomed, coffin*. Актуализации второго признака служат лексемы *panegyric* (панегирик), *treasure* (сокровище), *trippers* (туристы). Единичное употребление репрезентанта в основном тексте *country house*

отличается специализирующим оттенком значения, предполагающим наличие определённой идеи, сформированной в данной языковой картине мира: “*dress as you do in a country house*”. Признак *objects/предметы* концепта HERITAGE, в рассмотренных выше текстах ограниченный принадлежностью к отдельной семье и роду, расширяется до предметов общекультурного значения, что способствует усилению концепта HERITAGE в триаде и сопровождается редукцией такого важнейшего понятийного признака концепта HOUSE, как *habitability / обжитость*.

Доведённая до логического предела мифологема «старого дома» превращается в метафору дома-гроба. В романах Дж. Остин смерть человека фигурирует лишь как условие наследования. «Смерть усадьбы» носит сезонный характер: она естественно умирает осенью и вновь оживает весной и летом, но «душа» усадьбы принадлежит настоящему моменту (ср.: в романе «Чувство и чувствительность» герои стремятся уехать из Норленда после кончины отца семейства и недолго сожалеют о покинутом доме, увидев Бартон при ясной погоде; в «Мэнсфилд-парке» героиня предпочитает Мэнсфилд, где она сейчас может быть полезна, родному дому, связь с которым разорвана). Будущее как позитивная перспектива в эталонной репрезентации концептосферы COUNTRY HOUSE связано с признаками *improvement/улучшение* концепта HOUSE/HOME и *matrimony/брак* концепта FAMILY, традиционным завершением сюжета созданием новой семьи. Лучшее только предстоит создать (*make*), построить (*build*), добавить (*add*). В изображении Брайдсхеда позитивная перспектива обращена в прошлое, прошлому принадлежит всё лучшее и ценное. Брайдсхед в экспозиции (настоящее время) необжит и заброшен; расположение военного подразделения в усадьбе – действие концептуально противоположное проживанию в ней, сопряжённое с враждебностью, непостоянством и уничтожением: *to knock about, destructive beggars, they made absolute hay of it, get damaged, cuts the place up*.

Брайдсхед во времена знакомства с ним Райдера уже предстаёт неизменным хранилищем былых чувств: “*it was papa’s wedding present to mama*” – и предметов старины: “*unchanged, as it had been designed, two hundred and fifty years before*”. Одним из ключевых эпизодов романа является возвращение лорда Марчмейна: хозяин усадьбы возвращается домой умирать. Разгар лета, цветущая природа как фон этой смерти подчёркивает разрушение естественной гармонии усадебного мироустройства. Формальное воссоединение семьи и возвращение лорда Марчмейна в лоно католической религии влечёт за собой изменение линии наследования, гибель надежды на брак Чарльза и Джулии, разрыв жизненного круга.

Наглядный эффект эха создаётся с использованием приёма параллелизма: прошлые события, хранимые памятью Райдера, воспроизводятся в настоящем времени. При первом посещении Брайдсхеда Райдер так же застаёт его пустым: *they’re all away*. Фраза *it’s where my family live* предстаёт как перифрастический репрезентант концептосферы и в сопоставлении с предполагаемым антонимом *it’s my house* свидетельствует о разрыве связи HOUSE/HOME – FAMILY. Себастьян ощущает себя чуждым собственной семье и не называет Брайдсхед домом; служанка Хокинс, старая уже в начале повествования, живёт жизнью не своей, а семейства Флайтов. Через много лет содержание её реплик остаётся почти идентичным. Она всё так же в доме одна: *just Mrs. Chandler and **two of the girls** and old Bert – only myself here and **the two girls** and poor Father Membling*; хозяйева уехали, раньше на каникулы, теперь на войну: *they’re all **going on holidays** – Julia and Cordelia left to the war*; дом покинут ради Лондона: *they always want to go to London for in the best of the summer – they went to London, nor they hadn’t been in their house not a month*; произошедшие изменения в облике или статусе неестественны: *it was a shame to cut her hair; such a lovely head of hair she had, just like her Ladyship’s, I said to Father Phipps it’s not natural – I ought by rights to call her Ladyship now, but it doesn’t come natural*. Ориентир будущего события в обоих случаях остаётся невоплощённым: в начале романа это

возвращение Джулии, с которой герои намеренно избегают встречи (“*we may miss her again*”), в эпилоге – конец войны, до которого старая Хокинс не надеется дожить (“*whether I live to see it is another story*”). Обстоятельства первого визита Райдера в Брайдсхед: великолепие внешнего вида, отсутствие хозяев, разговор со служанкой – напоминают посещение Элизабет поместья Пемберли; параллель с РС «экскурсия» проводится самим Себастьяном: *on Queen Alexandra’s day it’s all open for a shilling*. Однако если в первом случае обзор поместья подготавливал благоприятное впечатление о его владельце, то в случае с Брайдсхедом фундаментальное противоречие лежит в несоответствии облика дома и отношений живущей в нём семьи. Ситуация экскурсии отражается в эпилоге романа: капитан Райдер и подполковник проходят тем же маршрутом, заставая везде беспорядок и запустение. Таблица 15 демонстрирует негативную оценочность при актуализации признаков понятийных компонентов концептов ядерной триады. Негативная оценочность находит отражение в репликах персонажей, принадлежащих к разным социальным слоям и поколениям как самого семейства Флайтов, так и не принадлежащих к нему людей. Таким образом, данный аспект оценочности может считаться универсальным.

Табл. 15. Средства негативной оценочности при актуализации признаков понятийного компонента концептуальной триады HOUSE/HOME – FAMILY – HERITAGE

<i>концепт</i>	<i>признак</i>	<i>лексическая реализация</i>
HOUSE / HOME	countryside	<i>the worst place we’ve struck yet</i> <i>It has been my tragedy that I abominate the English countryside</i>
	household	<i>no facilities, no amenities</i> <i>It doesn’t seem to make any sense — one family in a place this size</i>
	improvement	<i>in sudden frost, came the age of Hooper; the place was desolate and the work all brought to nothing</i>
FAMILY	image	<i>they are so madly charming</i>

	matrimony	<i>So you're divorcing one divorced man and marrying another. It sounds rather complicated</i>
	members	<i>every Catholic family has one lapsed member, and it's often the nicest</i>
HERITAGE	entailment	<i>my elder son will change all that... if they leave him anything to inherit</i>
	objects	<i>great barrack of a place a frightful great fountain</i>
	ownership	<i>everything else upstairs is still private property, mostly cram-full of furniture</i>
HOUSE/HOME – FAMILY – HERITAGE	harmony	<i>I suppose it is a disgraceful thing to inherit great responsibilities and to be entirely indifferent to them happiness doesn't seem to have much to do with it</i>

Чарльз Райдер воплощает различные ипостаси взаимодействия с помещьем: он был в Брайдсхеде гостем, жильцом, едва не стал владельцем. Брайдсхед даёт ему как художнику профессиональное творческое крещение, вдохновение, эстетический урок (*aesthetic education*). Однако, как и мистеру Коллинзу, Райдеру доступна лишь внешняя сторона, но не из-за его умственной и духовной ограниченности, а из-за чуждого положения и перерождения самого Брайдсхеда. Великолепию (*grandeur*) противостоит «обаяние... английское национальное бедствие» (“charm is the great English blight”). Атрибутами «обаяния», по словам героя романа Энтони Бланша, выступают: *cucumber sandwich, silver cream-jug, English girl <...> in flowered muslin, Jane Austen, Miss Mitford* (имеется в виду английская писательница Мэри Митфорд, 1787–1855). В данном списке обращает на себя внимание разнородность компонентов: присутствуют как одушевлённые, так и неодушевлённые предметы, реальные исторические личности и детали сервировки стола. Если у Дж. Остин придавалось значение впечатлению, то Брайдсхед глазами Чарльза Райдера представлен в перечислении: “*carved shell and lava, stamped leather, painted wood, china, bog-oak, damascened silver, blue-john, alabaster, coral, the souvenirs of many holidays*”; “*the vast, twin*

fireplaces of sculptured marble, the coved ceiling frescoed with classic deities and heroes, the gilt mirrors and scagliola pilasters, the islands of sheeted furniture”, “angels in printed cotton smocks, rambler-roses, flower-spangled meadows, frisking lambs, texts in Celtic script, saints in armour” (глава 1); *“from the Soanesque library to the Chinese drawing, adazzle with gilt pagodas and nodding mandarins, painted paper and Chippendale fretwork, from the Pompeian parlour to the great tapestry-hung hall”* (глава 4). Данный функциональный переход представляет одновременно и расширение содержания концепта от личностно-эмоционального до общекультурного значения, и умаление, «сжатие» и дальнейшее «перевёртывание» означаемого и означающего.

В романе А. Мёрдок «Дикая роза» (*‘An Unofficial Rose’*, 1962) австралийский кузен приезжает в гости к родственникам в их английскую усадьбу. Конфликт между предполагаемым и реальным впечатлением использовался как сюжетный приём и Дж. Остин («Гордость и предубеждение», «Мэнсфилд-парк», «Нортенгерское аббатство»), и И. Во, однако у Айрис Мёрдок он носит ещё более обобщённый и символический характер. Стремясь угодить и воплотить стереотипы, хозяева демонстрируют Пенну свой дом не в сущности, а как образец английской усадьбы (*“he ought to see a real English country house”*) и уверены, что мальчик в восторге: *“our chaos is ceremony to him”* («для него наш хаос – придворный этикет»), *“he thinks Grayhallock is terribly romantic”* («находит Грейхеллок до крайности романтичным»). Однако Пенн *“disliked its smallness, its picturesqueness, its outrageous greenness, its beastly wetness”* («ему не нравилось, что всё тут такое маленькое, картинное, кричаще зелёное, противно мокрое»). Концептуальные характеристики, сформулированные отвлечёнными существительными (*‘smallness’, ‘picturesqueness’, ‘greenness’, ‘wetness’*, ср. у Дж. Остин: *“I have no knowledge in the picturesque”*), повторяясь и накапливаясь, из естественных становятся типическими и затем превращаются в раздражающие, приобретая негативный оценочный компонент (*outrageous, beastly*). Романы на полке в комнате Стива «скучные,

всё про английскую семейную жизнь» (*'dull English teaparty stuff'*). Здесь обращает на себя внимание концептуально обусловленная переводческая замена: вся жизнь в большом поместье низводится до единичного атрибута, который, в свою очередь, поднимается на концептуальный уровень. Пенн – не просто традиционный сюжетный «чужак», он ребёнок, который, не вникая в суть семейных проблем, а лишь интуитивно чувствуя нездоровую атмосферу, переносит негативные эмоции на предметные детали.

Название романа “An Unofficial Rose” относится к выведению новых сортов роз, которым занимается семья Перонетт. Второй план, подтекст, обращается к образу розы как официального символа страны и намекает на несоответствие традиционных представлений истинному положению вещей в устройстве английского поместья как проекции всей общественной жизни. Автор романа видит свою задачу не в том, чтобы утвердить в своих читателях чувство стабильности, неизменности окружающего миропорядка, а в том, чтобы развеять такое чувство, если оно у читателей уже выработано [Шестаков, 1989, с.14-15]. В романе содержится обратно-метафорическая формулировка «отношения как дом»: *“he made of his strange friendship with Ann a place of security, a sort of permanent house, an English house for a wandering man, a place where his valued things could be stored in safety”*. Обратной стороной защищённости является закоснение, ограниченность обзора, отсутствие свежего воздуха: *“[Penn] missed... the absence of a totally untamed beyond”*. ‘Tamed’ (прирученный) – один из понятийных компонентов концепта GENTLEMANLINESS [Цветкова, 2001], актуализированного здесь, таким образом, косвенно. Если в усадебном дискурсе Дж. Остин необходимо присущая джентльмену сдержанная манера поведения, скрывающая истинные чувства в знак уважения к окружающим, выступает как позитивное качество личности, обуславливающее безопасное, комфортное и успешное взаимодействие (обратный пример демонстрирует поведение Коллинза на приёме в Незерфилде, “Pride and Prejudice”, глава 18), то в данном примере актуализация концепта происходит с противоположным

знаком, обуславливая неискреннее, некомфортное и опасное взаимодействие: *“It was an **innocent** little world, except that Steve was **dead** and Randall was **drunk** upstairs and Emma Sands was at this moment **existing** somewhere in London”*. Пенн размышляет о лицемерных и отстранённых отношениях в семье своих английских родственников: *“it seemed to him scarcely credible that two **married** people could continue on such terms, being so **cold** and **mysterious** to each other and so **silent** <...> It was all so **irrational**”*. ‘Irrational’ может быть понято и как «нерационально» (т.е. «не отвечает соображениям практичности, нецелесообразно»), и как «иррационально» (т.е. «непостижимо», «абсурдно»). Оба эти компонента присутствуют в английском национальном характере: с одной стороны – расчётливость, трезвость, здравомыслие, целесообразность, а с другой – нонсенс, эксцентричность. Рациональное поведение вызывает иррациональный страх; отражение (эхо) одновременно и является, и не является тем, чем кажется.

Одна из основных тем «Возвращения в Брайдсхед» – конфликт подвижности и устойчивости. Брайдсхед пытается совместить в себе антологичность, фундаментальность, подлинность – и изменчивость, движение. Как единство этих противоположностей, поместье в романе метафорически отражает поведение персонажей: мучаясь выбором между стабильностью и динамичностью, герои то бегут из Брайдсхеда, то возвращаются туда. Помимо обозначенной выше эстетической мотивации, Райдера привлекает постоянство, устойчивость, надёжность, которых он был лишён в собственной семье. Однако навязчивая забота леди Марчмейн о нерушимости семейных устоев в итоге сокрушает их, разрушает всё то, за что она боролась. Фактор принадлежности к семье, имеющий в эталонной концептосфере позитивную оценочность, подменяется фактором обладания, то есть перехода отношений из категории межличностных в категорию вещных: *someone **of mummy’s**, someone **of Julia’s**, all my life **they’ve been taking things away from me***.

Изображение семьи в концептосфере усадьбы включает два аспекта родственных связей: родство кровное (статичное) и брачное (динамичное), чему соответствует актуализация признаков *members* / *члены семьи* и *matrimony*/брак. Первое обуславливает второе: характер воспитания и имиджевый фон, создаваемый родителями для молодых членов семьи, влияет на выбор партнёра и закладывает модель отношений в будущей семье. Важен своевременный переход от одного аспекта связей к другому. Характер Себастьяна Флайта демонстрирует нарушение этого баланса: он одержим собственным детством, концептуальным атрибутом которого выступает плюшевый мишка (teddy-bear) Алоизий, которого Себастьян всюду носит с собой. Единственными позитивными отношениями в кругу семьи для него на протяжении всей жизни остаётся только связь со старой няней Хокинс. Отмеченная выше тема бесплодной юности, заявленная уже в заглавии романа, в тексте актуализируется такими лексемами, как *epicene* (никчёмная, бесполоя) *beauty which in extreme youth sings aloud for love and withers* (вянет) *at the first cold wind, languor* (лень) *of Youth, centuries* (века) *of youth*. С другой стороны, тема юности возникает в связи с образом взводного Хупера – «воплощения Молодой Англии» (*“a symbol me of Young England”*), характеризуемого следующими лексемами: *no illusions, no romantic, reluctantly, overmastering regard for efficiency, [history and poetry] sounded in vain for Hooper*. Эти характеристики антонимичны тем, которые придаёт Райдер собственной юности: *zest, generous affections, illusions, despair, romance*. Вновь имеет место эффект «эха» со сменой оценочного компонента. Compliment Себастьяна отцу: *how young you are looking* – носит характер оксюморона, поскольку цветущий вид лорда Марчмейна напрямую связан с семейным разрывом, нарушением родовой иерархии, пренебрежением отцовскими обязанностями. Романы Дж. Остин содержат примеры того, как представители младшего поколения подобно «улучшению» усадьбы «исправляют» неудачный брак родителей, заключая счастливый союз. В романе И. Во не представлено ни одного подобного примера, зато отражены

все возможные несчастливые исходы: вдовство (родители Чарльза), расставание (Чарльз и Джулия), измена (лорд и леди Марчмейн), развод (Чарльз и его жена), безбрачие (Себастьян, Корделия).

Признак ценностного компонента концепта *FAMILY image/облик* в отношении семейства Марчмейн настойчиво актуализируется лексемой *charm (charming)*: ***all the family charm in her smile***. Себастьян, с неприязнью отзывающейся об обаянии членов своей семьи, сам обладает этим качеством: *Sebastian has charm, that little bundle of charm*. Обаяние предстаёт, однако, не только как личностная, но и как концептуальная характеристика, присущая образу жизни определённого социального круга, прививаемая средой, воспитанием, национальной культурой: *simple, creamy English charm*. Следует отметить наличие в ближайшем контексте актуализации лексем с выраженной отрицательной оценочностью: ***madly charming***; *you think it charming, I think it's **devilish***; *She couldn't have been more charming. What were you so **worried** about?*; *to **warn** you of charm*; *charm is the great English **blight***. В текстах Дж. Остин данная лексема носит отчётливо иронический оттенок употребления, почти никогда не встречаясь в репликах персонажей-протагонистов. Основаниями для характеристики выступают внешние, поверхностные признаки: одежда (*And his sisters are **charming** women. I never in my life saw anything more elegant than their **dresses***), внешность (*Such a **charming** man! – so **handsome**! so **tall**!*), живописность (*a **charming** prospect over the gravel walk*).

Таким образом, при актуализации концептосферы на первом эхорадиусе каждый ценностный признак приобретает «двойника» с противоположным оценочным знаком.

HOUSE / HOME

1. Improvement / destruction: *to knock about, destructive beggars, they made absolute hay of it, get damaged, cuts the place up*.

2. Settlement / instability: *it used to be [a castle] until they moved it... pulled the castle down, carted the stones up here, and built a new house; it was all so irrational*

3. Beauty / ugliness: *great barrack of a place, a frightful great fountain; outrageous greenness, beastly wetness*

4. Habitability / desolation: *they're all away, they hadn't been in their house not a month, the place was desolate.*

FAMILY

1. Birth / possession: *someone of mummy's, someone of Julia's, all my life they've been taking things away from me*

2. Image / charm: *madly charming, to warn you of charm, charm is the great English blight; our chaos is ceremony to him*

3. Steadiness / unsteadiness: *we are a mixed family religiously, the flight from his family which brought him to ruin, the family haven't been very constant*

HERITAGE

Value / depreciation: *there's nothing to see, it's all open for a shilling, dull English teaparty stuff*

Признак образного компонента *harmony* на уровне сюжета также дублируется негативным признаком *disharmony*: герой не называет поместье своим домом, не желает общаться с семьёй, не получает наследства, в то время как большую общность с поместьем Брайдсхед ощущает чужой ему человек («Brideshead Revisited»); Пенн, своего рода традиционный сюжетный «чужак», ребёнок, чувствует разлад, скрывающийся за благополучным фасадом, лицемерие, взаимную отстранённость («An Unofficial Rose»).

Если актуализация концептосферы УСАДЬБА в русском литературном дискурсе была во многом аналогична актуализации концептосферы COUNTRY HOUSE в дискурсе английском, с учётом важных особенностей, отмеченных выше, то в XX веке имел место огромный культурный провал, связанный с отрицанием и уничтожением дворянской культуры в постреволюционную эпоху. По сравнению с английской усадебной культурой

русская, как уже говорилось, вписывается в значительно более сжатые хронологические рамки, и при том, что сопоставимые признаки «эха» могут быть выявлены и здесь, они оказываются смещены во времени. Пристальное рассмотрение позволяет найти переключки тургеневских текстов не только с текстами Дж. Остин, но и с произведениями английской литературы XX века. Уже в «эталонных» текстах Тургенева ясно прочитывается обращённость в прошлое, тенденция к символичности, общий сниженный эмоциональный фон, т. е. признаки первого эхо-радиуса концептосферы. Коллизии классического русского усадебного романа соотносятся с библейскими мотивами искушения, грехопадения и искупления, ситуациями «потерянного» и «возвращённого» рая; последнее, как и в «Возвращении в Брайдсхед», означает не достижение гармонии и счастья, а возвращение к исходной ситуации в связи с приходом нового поколения (эпилог «Дворянского гнезда»). Мгновение счастья как жизненный пик остаётся в прошлом, и героям остаётся только воспоминание. Существенным отличием, однако, является «светлый» характер финальной печали с оттенком надежды, вносимой молодыми мечтами и надеждами (ср. бесцеремонность и необразованность Хупера). В творчестве И. А. Бунина элегию сменяет реквием по жанру, на текстовом уровне выражающийся в воспроизведении декораций без ситуативного наполнения или пародировании эталонных РС. Герои не действуют, а лишь вспоминают и переживают; сады и парки разорены и заброшены; в гостиной уже не собираются гости. «Салоны» мелкопоместного дворянства демонстрируют духовное вымирание целого сословия. М. С. Сосницкая, сравнивая тексты Н. В. Гоголя и И. А. Бунина, отмечает почти дословное совпадение формулировок при различии «музыкально-изобразительной тональности» [Сосницкая]. Изображая дворянские усадьбы, писатели рубежа XIX–XX веков, очевидно, исходили не столько из современной им действительности, сколько из рассказов о прошлом и чтения книг. Явные переключки с Тургеневым наблюдаются у М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. П. Чехова. Те же явления интертекстовости и

цитатности наблюдаются и в развитии английского *country house novel*, однако в русской литературе полностью отсутствует такое средство освоения классического литературного опыта, как пастиш, переделка, дописывание продолжений. При всей сомнительности литературных достоинств подобных опусов, их наличие и востребованность свидетельствуют о жизнеспособности тем и мотивов, заявленных классической литературой, непрерывности культурного кода, его адаптивности к читателю. Первичное знакомство в рамках школьной программы нельзя считать полноценным, однако обстоятельства школьного изучения нередко отбивают желание сознательно возвращаться к произведению и одновременно формируют пиетет, блокирующий эффективную игровую форму освоения национального культурного опыта (ср. неприятие некоторыми музейными работниками игровых, интерактивных форм экскурсий, инсценировок как препятствующих «постижению большой культуры» [Виноградов]). В русской литературе XX века усадебный текст практически не освоен, чем можно объяснить фрагментарность восприятия концептосферы УСАДЬБА, иллюстрируемую результатами ассоциативного эксперимента с участием русских информантов (см. § 3.3).

Так как литературный процесс представляет собой цельный феномен, элементы которого тесно взаимообусловлены, на данном этапе для проведения границы между первым и вторым эхо-радиусами необходимо сочетание собственно лингвистических и литературоведческих методов анализа текста. Для текстов, объективирующих первый (символический) эхо-радиус, в большей степени характерно включение категории памяти, определённая этическая шкала позиции героя-наблюдателя, усложнение организации текста за счёт включения приёмов символизма, аллюзивности, явной и/или скрытой цитатности. Объективацию концептосферы на втором (иконическом) эхо-радиусе обуславливает преимущественно негативно-критическая авторская позиция в изображении стереотипов, замещающих оригинальную концептосферу.

3.2 Особенности актуализации концептосфер

COUNTRY HOUSE и УСАДЬБА в английских и русских рекламных текстах

Размытость границ, в том числе морально-нравственных, разрушение традиционных форм, многовариантность реальности является характерной чертой ситуации культурного бытия второй половины XX века, связанного с ощущением завершенности целого этапа культурно-исторического развития, изжитости «современности», вступления в полосу эволюционного кризиса. Отсюда постоянный возврат к уже состоявшемуся прошлому. Новое рождается из диалога со старым, в соприкосновении с коммуникативным полем прошлого.

От размышлений об уходящем в прошлое этическом и эстетическом идеале неотделима проблема истинности, тоска о некоем прасостоянии полноты человеческих отношений. Уже среди античных философов бытовало устойчивое представление о том, что современные им времена – это эпоха дегенерации и распада, и легенда о золотом веке простоты, унаследованная европейским сознанием. В современном мире истина приобретает вид «сокращенный», где разграничение подлинного и ложного, правды и вымысла теряет свою четкость. Постмодернизм делает акцент на роли образа, берущего верх над реальностью, и сосредоточивается на создании искусственной реальности или гиперреальности, то есть замены реального знаками реальности [см. Литвинцева, 2011].

Вещи становятся субъектами, активно образующими вокруг себя соответствующую предметную сферу. В свою очередь, использование вещи превращается в форму самореализации. Вещи формируют идеальное «Я» человека, заполняют вакуум между тем, что он есть, и тем, чем он хотел бы быть. Идейная и идеальная составляющая подлежит продаже наравне с материальными предметами. Персонаж романа Дж. Барнса «Англия, Англия», бизнес-консультант Джерри Бэтсон, замечает: *«Ее [Англии] социально-культурные исторические реалии — а их легион, тьма! —*

*штучный, ходкий товар. <...> Это не самоутешение, это сила нашей позиции, наша слава, **имидж нашего продукта***» [Барнс, 2012, с. 48].

Понимание любого текста как интертекста, включающего в себя предыдущие тексты и их части, предполагает ориентацию на коммуникативно компетентного адресата, способного к интерпретации смыслов и значений, разгадыванию аллюзий и получению от этого эстетического удовольствия. Свойственные средствам массовой информации (СМИ) быстрое действие и воспроизводимость определяют их ключевые позиции среди современных типов коммуникации. Как вездесущая и доступная форма репрезентации опыта, именно СМИ способны заставить мир выглядеть не таким, каким он является в действительности, а таким, как он подаётся. В условиях быстрого распространения и усовершенствования Интернет-технологий СМИ являются одновременно инструментом и формой средств массовой коммуникации (СМК) – организационно-технических комплексов, обеспечивающих быструю (мгновенную) передачу и массовое тиражирование словесной, образной, музыкальной, «фоновой», математизированной и другой информации. Согласно Ю. Г. Магницкому, к формам СМК следует отнести массовые акции, рекламу, PR-материалы, массовую культуру, пропаганду, политику, маркетинг, образование, религию, этику и эстетику [Магницкий, 2014].

Реклама (от лат. *reclamare* – кричать, звать) представляет собой одну из самых древних и распространённых в мире форм коммуникации. Подход к рекламе в её коммуникативном аспекте определяет интенцию рекламного сообщения как формирование определённой психологической установки у его получателей относительно объекта рекламы. Однако адресат современного рекламного сообщения обладает «иммунитетом» к модусу убеждения. Для эффективного достижения коммуникативной интенции рекламе необходимо не только информировать, но и апеллировать к эмоциям, связывать потребительские характеристики рекламируемого товара с мировоззренческими вопросами. Культурологический подход рассматривает

рекламу в качестве средства формирования эстетических стандартов общества. Будучи выполнено на высоком профессиональном уровне, рекламное сообщение может быть отнесено к произведениям прикладного искусства.

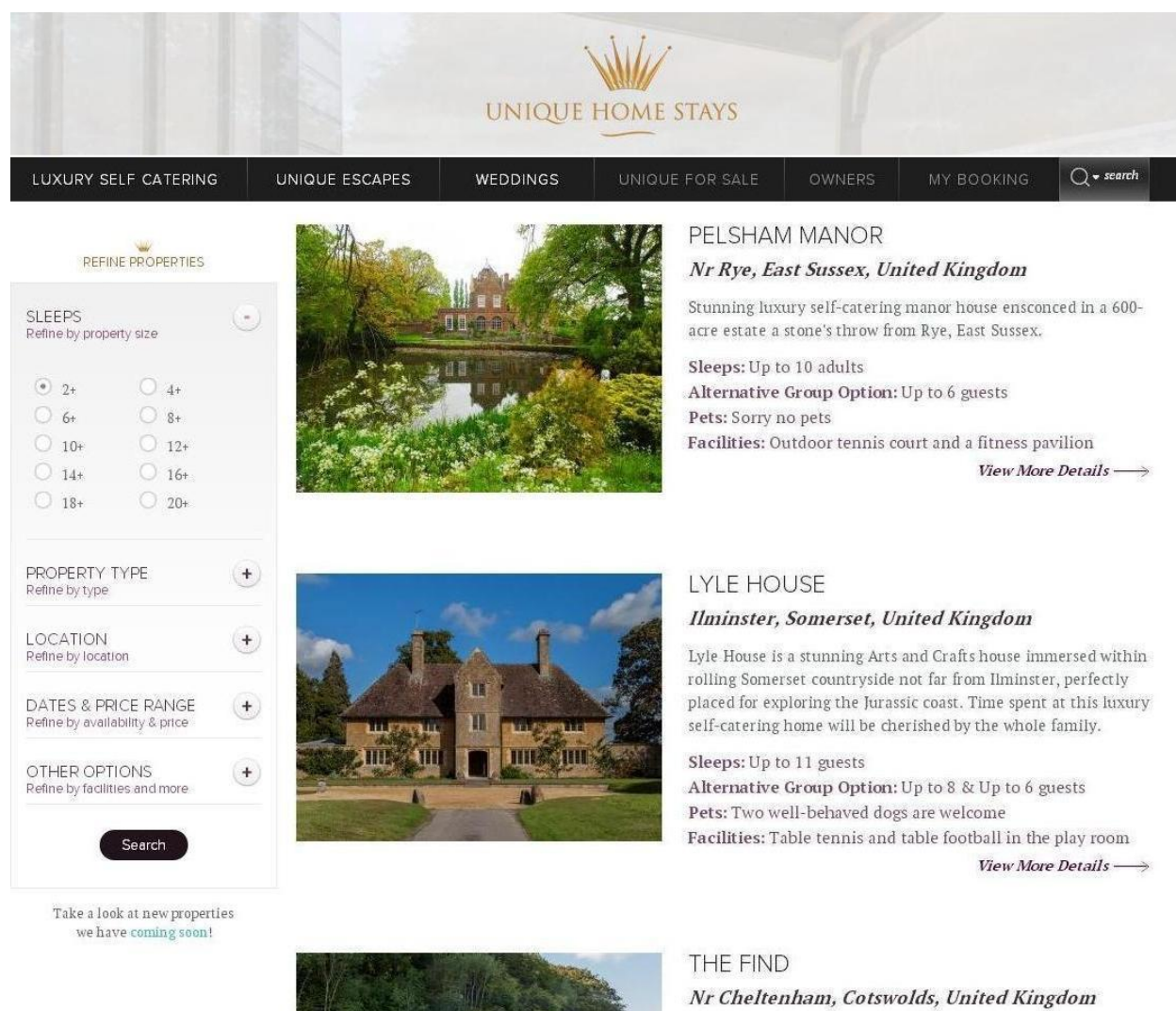
«Об идеалах нации можно судить по её рекламе», – считал английский писатель Норман Дуглас. В центре внимания рекламы оказывается связанная с предметом идея и отсылка к чувствам. Обращение к идеям национального искусства обеспечивает позитивное эмоциональное поле, возникающее при взаимодействии с собственным, родным. Однако, переходя в рекламный дискурс, составляющие литературно-художественного образа теряют своё первоначальное значение и функциональную роль. Если интенциональность художественного текста всякий раз индивидуальна, то в рекламных текстах категория автора, как правило, отсутствует, поскольку рекламный образ ориентирован на внутренний мир адресата. Создаваемый в интересах продавца, рекламный текст стремится угадать интересы потребителя, потребности, кругозор, с тем чтобы использовать уже существующие в его сознании образы, совмещая реальную картину мира с идеальной. В отличие от текста художественного произведения, рекламный текст рассчитан на кратковременное восприятие.

В идеологическую основу современного коммерческого использования исторических английских усадеб положено убеждение в их историко-культурной ценности и необходимости сохранения оригинального облика, благодаря чему приоритет отдаётся культурно-познавательной и жилой функциям. Будучи открыты для публики, усадебные комплексы предлагают экскурсионные и образовательные программы, многие из них участвуют в теле-, кино- и фотосъёмках и, разумеется, предоставляют возможности для семейного досуга. Список туристических информационных ресурсов, где приведены рекламные материалы, рассмотренные в данном исследовании, помещён в конце работы. Общей чертой перечисленных сайтов является ориентированность на конкретный вид отдыха в исторических английских

усадебных, используемых как гостиницы. Контент сайтов включает как текстовые фрагменты, так и визуальные материалы (фотографии, слайд-шоу, видеоролики).

Как правило, рекламное сообщение разбивается на две части. Зайдя на главную страницу Интернет-ресурса, посетитель видит небольшой текстовый отрывок (1-5, чаще 2-3 предложения), задачей которого является привлечение внимания и формирование первичной позитивной реакции, сопровождающийся фотоизображением общего вида дома. Типичный пример первой части поликодового рекламного текста представлен на рисунке 2 (скриншот сайта Unique Home Stays).

Рис. 2. Общий вид страницы сайта Unique Home Stays

Блок в левой части страницы позволяет пользователю выполнить поиск по нескольким параметрам: желаемый размер дома в зависимости от

количества гостей (“SLEEPS”), тип обслуживания (“PROPERTY TYPE” – самообслуживание (self-catering) или организованный праздник (ceremonies), географическое положение (“LOCATION” – в одном из графств Великобритании), дате заезда и стоимости (“DATES & PRICE RANGE”) и дополнительным характеристикам (“OTHER OPTIONS” – близость к побережью, доступ в Интернет, место для разведения костра и др.). Данный блок рассчитан на удовлетворение конкретного запроса клиента, в то время как основная часть страницы представляет информацию о всех доступных усадьбах в компактном виде по тем же параметрам. Визуальный компонент рекламного сообщения (фотографии) расположен в центральной позиции относительно всей площади страницы и слева в каждом отдельном сообщении, благодаря чему несёт основную нагрузку по выполнению аттрактивной функции. Общая площадь рекламного сообщения поделена примерно поровну между визуальной и текстовой составляющей (45% и 55% соответственно). В текстовом компоненте наибольшая аттрактивная нагрузка придаётся собственному имени дома и его локализации, расположенным в начале текста на отдельных строках и выделенным средствами гарнитуры и начертания шрифта (собственное имя – заглавные буквы, локализация – полужирный курсив). Далее та же информация повторяется, в составе оценочно-характеризующей фразы с использованием комплиментарных, позитивно окрашенных лексических единиц: *stunning, luxury, perfectly, cherished*; заменой нейтральных единиц (*nr [near] Rye* – «недалеко от Рая») образно-идиоматическими (*a stone's throw*).

Полный текст раскрывается пользователем с помощью команды «показать подробности» (“view more details”), «читать дальше» (“see more”) и т. п. Раскрытая таким образом отдельная страница, посвящённая усадьбе Pelsham Manor, в свою очередь, включает несколько вкладок.

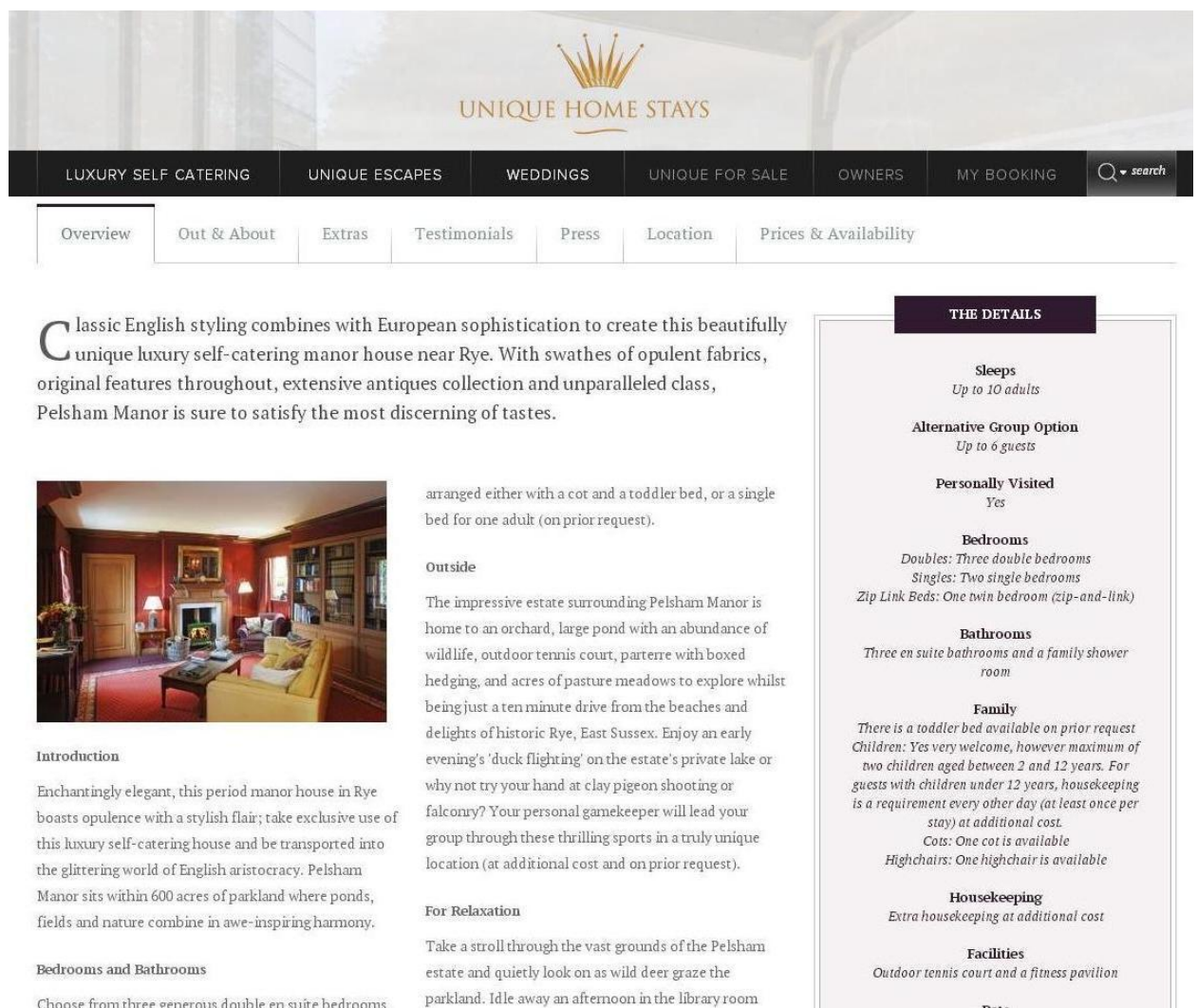
Вкладка «Обзор» (“Overview”, рисунок 3) содержит текстовое представление основных характеристик усадьбы, как и на главной странице,

в компактном информативном (панель справа) и развернутом комплиментарном видах.

Во вкладке «Округа» (“Out&About”) содержится сведения о возможных дополнительных развлечениях за пределами усадьбы (утиной охоте, прогулках, пляжах) с фотографиями видов.

Вкладка «Экстра» (“Extras”), представляющая информацию о дополнительных товарах и услугах, таких как продукты и вина, профессиональное составление букетов, сувениры, содержит большое количество отдельных небольших рекламных сообщений, составленных аналогично тем, что представлены на рисунке 2.

Рис. 3. Страница усадьбы Pelsham Manor – вкладка «Обзор»

UNIQUE HOME STAYS

LUXURY SELF CATERING | UNIQUE ESCAPES | WEDDINGS | UNIQUE FOR SALE | OWNERS | MY BOOKING |

Overview | Out & About | Extras | Testimonials | Press | Location | Prices & Availability

Classic English styling combines with European sophistication to create this beautifully unique luxury self-catering manor house near Rye. With swathes of opulent fabrics, original features throughout, extensive antiques collection and unparalleled class, Pelsham Manor is sure to satisfy the most discerning of tastes.

Introduction

Enchantingly elegant, this period manor house in Rye boasts opulence with a stylish flair; take exclusive use of this luxury self-catering house and be transported into the glittering world of English aristocracy. Pelsham Manor sits within 600 acres of parkland where ponds, fields and nature combine in awe-inspiring harmony.

Bedrooms and Bathrooms

Choose from three generous double en suite bedrooms.

arranged either with a cot and a toddler bed, or a single bed for one adult (on prior request).

Outside

The impressive estate surrounding Pelsham Manor is home to an orchard, large pond with an abundance of wildlife, outdoor tennis court, parterre with boxed hedging, and acres of pasture meadows to explore whilst being just a ten minute drive from the beaches and delights of historic Rye, East Sussex. Enjoy an early evening's 'duck flighting' on the estate's private lake or why not try your hand at clay pigeon shooting or falconry? Your personal gamekeeper will lead your group through these thrilling sports in a truly unique location (at additional cost and on prior request).

For Relaxation

Take a stroll through the vast grounds of the Pelsham estate and quietly look on as wild deer graze the parkland. Idle away an afternoon in the library room

THE DETAILS

Sleeps
Up to 10 adults

Alternative Group Option
Up to 6 guests

Personally Visited
Yes

Bedrooms
Doubles: Three double bedrooms
Singles: Two single bedrooms
Zip Link Beds: One twin bedroom (zip-and-link)

Bathrooms
Three en suite bathrooms and a family shower room

Family
There is a toddler bed available on prior request
Children: Yes very welcome, however maximum of two children aged between 2 and 12 years. For guests with children under 12 years, housekeeping is a requirement every other day (at least once per stay) at additional cost.
Cots: One cot is available
Highchairs: One highchair is available

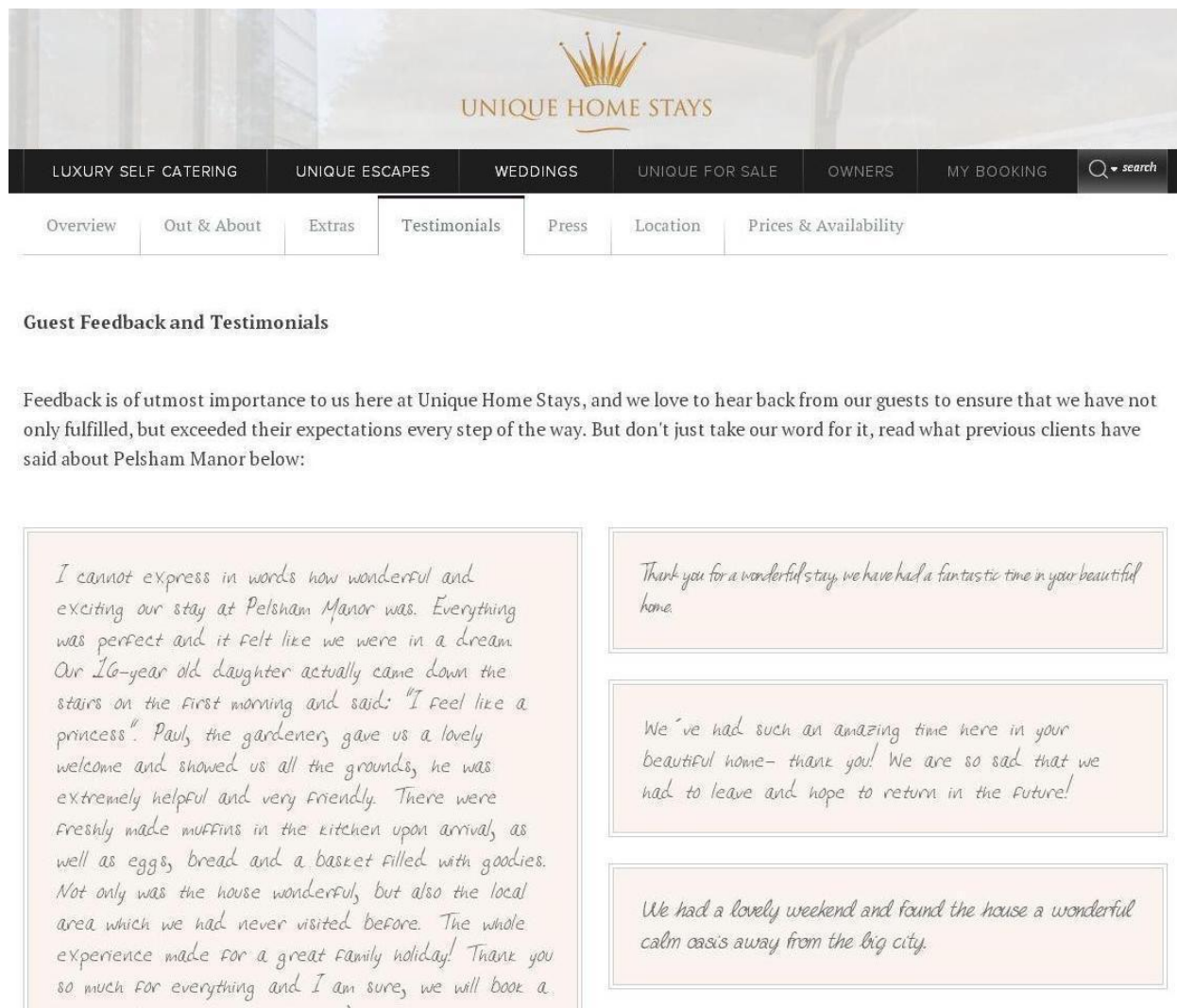
Housekeeping
Extra housekeeping at additional cost

Facilities
Outdoor tennis court and a fitness pavilion

Во вкладке «Рекомендации» (“Testimonials”, рисунок 4) доступны отзывы предыдущих клиентов (исключительно позитивные). Особенностью

данной части сайта является использование шрифтов, имитирующих рукописное начертание, что способствует восприятию представленной информации как аутентичной и достоверной.

Рис. 4. Страница усадьбы Pelsham Manor – вкладка «Рекомендации»

Как общую тенденцию в оформлении рекламных ресурсов данной тематики следует отметить стремление к выдержанности единого респектабельно-лаконичного стиля в национальном английском духе (в данном случае избранный в качестве логотипа символ короны создаёт патриотический контекст). Включённые в текст изображения служат визуальной актуализации таких понятийных признаков концептов-составляющих ядерной триады, как *countryside* / *сельская местность* (HOUSE/HOME), *image* / *облик* (FAMILY), *objects* / *объекты* (HERITAGE).

Ниже представлен анализ актуализации концептов-составляющих концептосферы COUNTRY HOUSE в оценочно-характеризующих текстах рекламных сообщений.

В актуализации ценностного компонента концепта HOUSE/HOME наблюдается усиление ОП *beauty* / *красота*. Среди ЛЕ-репрезентантов концепта частотны имена существительные с общими семами «большой размер», «внушительность»: *manor, mansion house, stately home, palace, castle, estate*, а также имена прилагательные *spectacular, exclusive, impressive, sublime, boasting, ultimate, exquisite, luxurious, stunning, enviable, opulent, beautiful, fabulous, gorgeous, delightful, lavish*, относимые к категории общеоценочных «семантически пустых» прилагательных [Арутюнова, 1998]. Использование оценочно нейтральных репрезентантов, таких как *country house, farmhouse, beach house, barn, parsonage*, менее частотно. Наличие у каждого из домов собственного имени способствует повышению престижности и рыночной стоимости [Tyzack, 2007]. В основном это описательные названия, представляющие собой вариации с обозначениями вида строения: *The Park Hall Estate, Castle Hall, The Georgian House, The Rectory, High Barn, The Lodge*, а также названия, отражающие информацию о местоположении дома и близлежащих объектах: *Birdsgrove House, White Rose Manor, Woodland Hall, River Barn, Cedar Grange*; несколько реже встречаются названия, соотносимые с географическим положением дома: *Weston Park, Somerset Manor, Handley Manor*. В отличие от символической роли, придаваемой ойконимам в художественном тексте, функция наименований реальных поместий сводится к предсказуемой ассоциативности: нечто «цельное, уверенное и английское» (“round, established and English”).

Отдельную группу составляют образные наименования: *Wilderness Reserve, Eden House* и такие метафорические репрезентанты, как *gem, getaway, escape, wonderland, your very own Narnia*, реализующие ПП «сельская местность» в качестве позитивно маркированного члена оппозиции «город–деревня» (убежище от чего-то нежелательного) и актуализирующие

дополнительную оппозицию «реальность–нереальность». К ним примыкают прилагательные с семой «чудо, волшебство»: *fairytale, wonderful, incredible, magical*. Таким образом, замкнутость микромоделей, изначально присущая текстовой реализации концептосферы COUNTRY HOUSE, сопровождается переносом её в условное фантазийное пространство: пребывание в доме определяется специальной целью исполнения некоторых действий, невозможных в обычных городских условиях.

Актуализация ОП *habitability* / *обжитость* в рекламных текстах осуществляется в контексте кратковременности (*holiday, weekend*), избирательности (акцентирование позитивного аспекта и исключение негативного) и программируемости (с помощью глаголов в повелительном наклонении). Обращают внимание следующие особенности:

1. Относительная частотность репрезентанта 'home' (по сравнению с 'house') и его производных, при фактическом отсутствии личной принадлежности к дому как главного смыслового компонента лексемы, в качестве имени базового концепта: *stately home, Victorian home, family home, fairytale home, listed arts and crafts home, holiday home*; в составе словосочетаний: *feels like home, make it your home, home from home, felt so at home*; в составе производных прилагательных: *homely, home-cooked, homemade, homewards*, в том числе неологизмов: *homescape*.

2. Использование сравнительных словосочетаний при актуализации ПП *household* / *устройство*, когда средством сравнения выступают стереотипные представления без конкретизации (*Lords and Ladies, coming home*), неосуществимые фантазии (*as if you were born here*), образные метафоры (*as the ale*).

live like Lords and Ladies, life here is as real and slow-paced as the ale;
feels like coming home, feel as if you were born here, if you've always felt yourself to the manor born

3. Акцентирование внешней, визуальной стороны действий при актуализации ПП *household* / *устройство*: *spark up the log fires, take your tea*

in fine-bone china, take a picnic, игнорирование содержательной стороны: *pop in to the neighbouring church*.

4. Оксюморонные словосочетания, сужающие представление о жизни к исключительно позитивному аспекту: ***live the English dream, to live out your dream; celebrate life***.

Актуализация концепта FAMILY / СЕМЬЯ сохраняет высокую плотность. Наиболее частотным репрезентантом является лексема *family*, совпадающая с именем концепта. Лексические единицы, обозначающие отдельных членов семьи, значительно более редки и реализуют не терминологическую номинацию родства, а семейно-речевую форму обращения, выражаемую при помощи уменьшительных форм и написания с заглавной буквы (*Grandma, Aunties*).

Обращает внимание позитивно-демонстративная актуализация признака image/облик в рамках следующих ТСГ:

- 1) 'пребывание вместе, отдельно от других': *family home, family escape*;
- 2) 'воссоединение': *family reunion, whole family*;
- 3) 'общие занятия': *family supper, family feast, family sing-a-long*;
- 4) 'праздник': *family holiday, family party, family celebration*;
- 5) 'дружеский круг': *family and friends, family friendly*

Из приведённых примеров очевидно, что поместье представляется местом для приятного времяпрепровождения группы людей, составляющих семейно-дружеский круг. Поводом для подобного собрания являются, как правило, праздники годового цикла, в первую очередь Рождество (Christmas), важные семейные даты ("*milestone anniversaries*"), свадебные торжества (weddings), то есть изначально радостные события. Всяческие хлопоты и неурядицы, составляющие значительную часть реальной семейной жизни, «выключаются» из искусственно воссоздаваемого пространства, обозначаемого "*family country house escape*". Фундаментальное противоречие состоит в проведении наиболее значимых семейных мероприятий, имеющих целью объединение близких людей, установление контактов, формирование

семейной истории, вне их настоящего жилого дома, подготовка чужими руками (“*why not let **someone else** put up the [Christmas] tree?*”). Собственный дом ассоциируется с обыденностью, рутиной; события с повышенным эмоциональным фоном выносятся за его пределы; вехи семейной истории становятся товаром, имеющим свою цену. Среди причин следует отметить и общую тенденцию к демонстративности современного медиапространства и требуемым для этого декорациям. Дихотомия социального и индивидуального аспектов актуализации концепта FAMILY / СЕМЬЯ, рассмотренная в Главе II, здесь имеет место в виде оформления индивидуально-значимые события условленной атрибутикой.

Связь конкретной семьи с конкретным домом, закрепляемая соответствующим атрибутивным сочетанием, в эталонной концептосфере является необходимым условием актуализации концепта HERITAGE / НАСЛЕДИЕ, но в отношении домов, сдаваемых внаём на короткий срок, отсутствует. Тем не менее плотность актуализации данного концепта возрастает по сравнению с «эталонном». Состав репрезентантов концепта позволяет выделить следующие ПП:

1. Historicity / историчность:

1.1. Однокоренные ЛЕ:

*steeped in **history**, a family home with a living **history***

1.2. ЛЕ – прилагательные, обозначающие конкретный исторический период:

medieval, a 13th century medieval manor house, Georgian opulence, Victorian home

1.3. ЛЕ – обозначения архаичной атрибутики и действий:

существительные: *a time of **Lords and Ladies, butlers and baronesses, chandeliers and champagne; a time of curtsies, bows and grand country houses;***

глагольные сочетания: *call the butler with a bell; dress for dinner*

1.4. ЛЕ с семой ‘time’ (время):

в глагольных сочетаниях с общей семой «движение назад во времени»: *go back in time, look forward to going back in time, return and retreat to a time of Lords and Ladies, slip through the centuries, wind back your watch a few decades*

в именных атрибутивных сочетаниях: *a time of Lords and Ladies, a bygone world of privilege, this is England as it once was, period features, timeless setting*

2. Authenticity / аутентичность:

ЛЕ – прилагательные частнооценочного значения: *authentic, traditional*

ЛЕ – обозначение национальной принадлежности: *this is England, essence of England, as English as a tea party, reassuringly English, quintessentially English, oh-so-English, a vista of pure Englishness*

3. Precedentiality / прецедентность:

3.1. Прецедентные ЛЕ – имена собственные: *within sight of King Arthur's Camelot, your very own Narnia, a mini Downton Abbey*

в том числе в составе образных аллюзий: *share it with loved ones and the horsemen who gallop through the moonlight, protecting King Arthur as he sleeps*

3.2. ЛЕ с искусствоведческой семантикой:

существительные: *Old Masters, arts and antiquities*

прилагательные: *classic, mythic quality*

Косвенным средством репрезентации концепта HERITAGE / НАСЛЕДИЕ можно также считать группу лексем с префиксом *re-*, обладающим значением повторения прошлого действия, и общей семой «восстановление», «обновление»:

глаголы: *return, restore, re-energize, retreat, re-orient, renew, recharge, renovate; revive friendships, reacquaint with family, remember good times, rekindle friendships*

существительные: *recreation, reunion*

прилагательные: *reawakened, rediscovered*

Использование лексем обозначенной группы основано на объединяющей функции родового поместья, прослеживающейся как устойчивый сюжетный мотив в текстах усадебных романов. Но если в литературном тексте её реализация индивидуализирована в соответствии с изображаемой системой персонажей, то в рекламных текстах поместье наделяется универсальным свойством воздействия на практически любую группу, причём исключительно благотворного. Не будучи связано с фиктивными хозяевами, это пространство способно подстроиться под людей, находящихся в нём в данный момент. Исторический и семейный контекст сочетаются лишь на краткое время визита и затем расходятся вновь. Связь между концептами HERITAGE / НАСЛЕДИЕ и FAMILY / СЕМЬЯ приобретает своеобразный характер: усадьба становится подобием неиссякаемого источника, лишённого индивидуальных негативных ассоциаций и способного исправить нанесённый «реальной» жизнью ущерб. Традиции не являются плодом совместного творчества многих поколений, а предлагаются в готовом виде; одновременно они ценны не сами по себе, а как средство пробуждения воспоминаний и ассоциаций, которые по определению индивидуальны (*“we give you props and the ambience; you just add the protagonists”*).

В связи со значительно менее активным использованием русских исторических усадеб в качестве гостиниц, соответствующие рекламные ресурсы также малочисленны и менее разнообразны. Национализация усадеб после революции 1917 года привела к неисчислимым потерям исторического наследия. В числе сохранившихся усадеб выделяются две крупные группы – музеи и здравницы; последний вид использования специфичен для России. При этом их культурно-познавательный потенциал оказывается сильно ограничен. Доля усадеб-музеев мала (около 10% [Виноградов]), но использование культурного потенциала и сохранность в таких случаях существенно выше. Именно с экскурсионным посещением музеев-усадёб, а

не с организацией частных каникул, связано основное туристическое направление, соответственно рекламные тексты содержат больше фактической информации и меньше – средств эмоционально-образного воздействия. Следующий пример демонстрирует информационно насыщенный текст (даты, имена, термины – ПП «историчность», «прецедентность»), где единственным апеллятивным средством является употребление глагольных и местоименных форм первого лица:

*Путешествие «Русской усадьбы» по Русскому Черноземью будет посвящено верховьям одного из самых крупных притоков Дона – реки Воронеж. Предметом **нашего** внимания станут города-крепости XVII – нач. XVIII вв. Раненбург и Козлов и их окрестности. В первый день **смотрим** родовую усадьбу П. П. Семенова-Тян-Шаньского «Рязанка». Музейная экспозиция в усадебном доме рассказывает о научной деятельности известного русского путешественника, географа, общественного и государственного деятеля. Мы **прогуляемся** по имению Урусово, также принадлежавшему семье Семеновых, где сохранился классицистический храм Николая Чудотворца (1831 г.) и усадебный дом помещика Вагнера.*

Относительно распространён вариант рекламно-информационного текста, совмещающий расписание экскурсии с краткими сведениями о посещаемых объектах:

«Русская усадьба» (Мелихово – Поленово – Тула – Ясная Поляна)

2 дня / 1 ночь

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ:

- Встреча группы с экскурсоводом в Москве. Переезд в Чеховский район. Путевая информация
- Экскурсия в усадьбу «Мелихово» – Государственный литературно-мемориальный музей-заповедник А.П.Чехова, основанный в 1940 году при участии сестры Чехова и его племянника. Это один из главных музеев России, посвященных жизни и деятельности великого писателя
- Переезд в Поленово. **Обед.**
- Экскурсия в государственный мемориальный историко-художественный и природный музей-заповедник **В. Поленова** – первый народный музей в русской деревне. В экспозиции –

многочисленные коллекции, уникальная мебель и предметы старины от конца 19 века и до 20 веков, личные вещи Поленова и членов его семьи, уникальная мемориальная библиотека.

– Прибытие в Тулу. **Обзорная экскурсия** с осмотром основных достопримечательностей, связанных с именами писателей В. Вересаева, Г. Успенского, ученого А. Болотова, изобретателей С. Мосина и Н. Белобородова, командира легендарного крейсера «Варяг» В. Руднева. В ходе экскурсии – знакомство с уголками старой Тулы, осмотр мест древнего Посада, Заречья – бывшей Кузнецкой Слободы, одного из красивейших в России парков – Белоусовского парка в центре города, стадиона «Арсенал» и т.д.

– **ужин**

– размещение в гостинице

В текстах подобного типа нередко используются шаблонные, обезличенные формулировки, канцеляризмы: *предмет внимания, основные достопримечательности, деятельность писателя, путевая информация, размещение в гостинице.*

Существуют большие сайты, посвящённые какому-либо отдельному объекту, например, государственному литературно-мемориальному музею-заповеднику Н. А. Некрасова «Карабиха» (<http://karabiha-museum.ru/>). Однако этот сайт выполняет в основном информирующую функцию. Показательно, что формы обратной связи – «Ваши вопросы» и «Анкета посетителя» – не работают, отсутствует комментирование к предлагаемым экскурсиям. Большую часть контента сайта составляют тексты справочного характера, представленные в однообразном шрифтовом исполнении, с малым количеством иллюстраций. Собственно рекламирующая функция здесь редуцирована, очевидно, в связи с тем, что объект принадлежит к априорным общенациональным ценностям.

В основе текстов, представляющих усадьбы-музеи, лежит актуализация концепта ядерной триады НАСЛЕДИЕ, осуществляемая при помощи прецедентных имён собственных (П. П. Семенов-Тянь-Шаньского, Николай Чудотворец, «Варяг»), исторической и искусствоведческой терминологии (экспозиция, классицистический, мемориальный), частнооценочных прилагательных (уникальный, легендарный). Сотрудники музейных

учреждений не отрицают ориентированность музейных программ на подготовленного, «академического» посетителя, которому достаточно просто увидеть аутентичные вещи писателя, чтобы получить «огромный эмоциональный заряд» [Виноградов]. Однако оторванность ядерного концепта НАСЛЕДИЕ от остальных членов триады – ДОМ и СЕМЬЯ может свидетельствовать о нарушении целостного функционирования и восприятия усадьбы как феномена. На первый план выходит рациональное восприятие с предписанной эмоциональной реакцией (это наша история, поэтому это интересно, это хорошо).

Вместе с тем наблюдается параллельное явление присвоения современным гостиничным комплексам имени «Усадьба». Подобные гостиницы могут занимать историческое здание (например, старинный немецкий особняк в пригороде Калининграда) или новостройку, при этом обращает внимание общая тенденция к оформлению вывески и сайта гостиницы в «старорусском» стиле (использование псевдославянского или рукописного шрифта, имитация резного деревянного декора). Интересный пример представляет главная страница сайта отеля «Усадьба» в г. Ульяновске (<http://usadbavip-hotel.ru/>), оформление которой в виде книжной страницы как будто отсылает к классической русской литературе: виньетка «Пролог», заглавие «Однажды, в уездном городе У. ...», чёрно-белые иллюстрации в стиле книжной гравюры – однако такие элементы текста, как варваризмы (*комфортабельный, релаксация*), канцеляризмы (*являетесь ценителем*), разговорные эллиптические конструкции (*«если бронируете номер на сутки или более – скидка двадцать процентов на посещение бани»*) стилистически не соответствуют визуальному компоненту; кроме того, текст содержит орфографические и пунктуационные ошибки. В целом рекламирующие тексты на российских ресурсах значительно менее развёрнуты и изобретательны, чем англоязычные примеры; нередко их лексическое наполнение отражает странный контраст между попыткой обращения к национальному стилю и ориентацией на европейский стандарт: *апарт-отель*

«Усадьба». Тем не менее, обзор текстов позволяет проследить, в отличие от контента ресурсов музеев-усадёб, тенденцию к усилению актуализации пары концептов ДОМ и СЕМЬЯ такими средствами, как устойчивые лексические формулы *домашняя атмосфера, домашняя обстановка, почувствовать себя как дома, семейный комфорт, семейный отдых, всей семьёй, гостеприимство, гостеприимное время*, а также упоминание представителей различных поколений семьи: *маленькие гости, молодые пары* и событий семейного календаря: *свадьба, юбилей*. Особенностью актуализации концепта НАСЛЕДИЕ нередко является своеобразный макаронизм, смешение стилей и реалий, придающий текстам рекламных объявлений комический эффект: *времяпровождение, максимально насыщенное комфортом и духовностью; парк обзавелся удивительными скульптурными композициями; внутреннее убранство отличается «скромное обаяние буржуазии»*; *Велнес-Усадьба* (англ. wellness – благополучие). В целом, как видно, рекламные тексты на русском языке обнаруживают сходные с англоязычными принципы построения, однако в силу меньшей развитости этого вида туристических услуг и культурно-исторического разрыва отличаются менее гармоничным лексическим оформлением.

Таким образом, третий (индексный) эхо-радиус объективации концептосферы характеризуется эксплуатированием поверхностной аллюзивности, неравномерностью актуализации оригинального состава понятийных и ценностных признаков, а также исключением негативной оценочности, что обуславливает нереалистичность изображения.

3.3 Концептосферы COUNTRY HOUSE и УСАДЬБА в языковом сознании представителей английской и русской лингвокультур XXI в.: опыт экспериментального исследования

Для выявления особенностей актуализации понятийных, образных и ценностных признаков концептов-составляющих концептосферы COUNTRY HOUSE среди носителей современного английского языка в данном исследовании применялась методика свободного ассоциативного

эксперимента, позволяющая, как отмечает А.А. Залевская, выявить как различные аспекты значения и связи по этим аспектам, так и набор валентностей (сочетаемостных способностей) исследуемого слова [Залевская, 2009]. Её несомненными преимуществами являются относительная простота процедуры проведения и обработки данных, а также наглядность и большой экспли-каторный потенциал получаемых результатов [Колмогорова, 2009, с. 87]

Проведение эксперимента осуществлялось с привлечением ресурсов сети Интернет, а именно: на форуме международного сайта postcrossing.com и на социальном ресурсе reddit.com. Число принявших участие в опросе составило 50 человек в возрасте от 19 до 70 лет. Принадлежность к английской национальности являлась обязательным условием участия в эксперименте.

Респондентам предлагалось в письменной форме представить субъективные ассоциации, вызываемые лексемой country house. Задание опроса не ограничивало способ формулировки ответов, но содержало указание на необходимость фиксации первичных спонтанных реакций: *“Give your associations with the phrase ‘country house’. The first ones are most important. Please don’t try to be original or ‘creative’. What interests me is your spontaneous, unconsidered reactions”*.

Участники эксперимента представляли свои ответы в виде связных текстов объёмом от 19 до 250 слов, составляющих тематическую ветку (тред) форума. Анализ ответов имел своей задачей проследить сохранение особенностей актуализации понятийных признаков концептов-составляющих концептосферы COUNTRY HOUSE, выявленных ранее в данном исследовании, а именно: состав и акцентное соотношение ядерной триады HOUSE / HOME – FAMILY – HERITAGE; обращение к ситуативным средствам актуализации; характер эмоционально-оценочного фона.

Актуализация концептов-составляющих ядерной триады концептосферы COUNTRY HOUSE в ответах респондентов демонстрирует следующие особенности.

Среди репрезентантов концепта HOUSE / HOME наиболее частотным выступает *house* (60% употреблений) в составе атрибутивных сочетаний с прилагательными. Представленность группы лексических единиц с семьей «большой»: прилагательные *big, large, grand, stately*, а также существительные *manor, estate* – и с семьей «маленький»: прилагательные *small, little, tiny*, а также существительные *cottage, bungalow* – определяет сосуществование в сознании респондентов двух вариантов образа концептосферы, основанных на определённом восприятии ядерного концепта. Большинство ответов фокусируется на одном из вариантов; около 14% обнаруживают промежуточную позицию (*more well put together than a cottage but not quite an estate*) или упоминают оба варианта (*can be either big or small; I think of English cottages with thatched roofs... another definition might be a manor house*). Вариант, имеющий центром образ большого богатого дома, представляет результат деперсонализации концептосферы; вариант, имеющий центром образ скромного деревенского коттеджа – результат доместикализации концептосферы. Деперсонализированный образ основан на общекультурных представлениях, почерпнутых из литературных произведений: *the book series Little House on the Prairie, Victorian English Literature, Waugh or Wodehouse*, или кинофильмов: *I have never used it but I have seen a lot of movies*. Источником ассоциаций для доместикализованного образа, как правило, является личный опыт респондента: путешествия в определённую местность – *I'm reminded of my trips to the Cotswolds when I was young*; визиты к родственникам – *memories of my grandmother at my grandfather's cabin*. Осознание лексемы-стимула *country house* в феноменологическом значении и самостоятельное отделение её от сходного по форме свободного словосочетания: “*the concept of a country house*”, “*very distinct from 'a house in the country'*” – обнаруживается в 17% ответов.

Основными средствами актуализации ПП «countryside / сельская местность» являются номинативное обозначение деталей пейзажа – природных объектов: *mountains, hills, fields, trees, lake* (30%) и противопоставление городу: *outside the city, out-of-town, second home* (30%). Обращает внимание частотность лексем с семой обособленности (*isolated, detached, secluded, separated*) или удалённости (*tucked away, middle of nowhere*). Восприятие концептосферы извне, как отчуждённого объекта, по нашему мнению, мотивировано позицией наблюдателя, так как большинство респондентов являются городскими жителями. Таким образом, концептуально релевантной остаётся пространственная дистанция, окружающая усадьбу (*a lot of land, in the middle of a field, fields and fields*), в связи с реалиями новейшей эпохи дополняемая дистанцией техногенной, то есть расположением вне зоны коммуникаций: *without a lot of gadgets, not much technology, lacking in mobile signal zones*. Признак дистанцированности актуализируется также в хронологическом аспекте в отмеченной выше группе ответов, отражающих феноменальное понятие об исследуемой концептосфере, где этому понятию присваивается в том числе «временное измерение» (*a time dimension*). Принадлежность концептосферы COUNTRY HOUSE области прошедшего времени выражается такими лексическими средствами, как:

1) прямое указание на определённый исторический период, чаще викторианский (1837 – 1901) или эдвардианский (до 1913 года): *a late Victorian / early Edwardian feel, Victorian England when the industrial revolution started*; реже XVIII или XIX век: *built by British settlers in the 18th or 19th century and having a historical significance*, или эпоха между двумя мировыми войнами: *between the first and second world wars*, а также использование собственных имён, связанных с эпохой: *Adam Smith* (1723–1790, шотландский экономист и философ), *Edwin Lutyens* (1869–1944, крупнейший представитель архитектуры британского неоклассицизма);

2) отсылка к собственному прошлому опыту респондента: *as a kid, when I was young;*

3) косвенное указание на подверженность ходу времени при помощи лексем с семой «изношенность»: *shows signs of wear and tear, paint chipping, weathered furnishings, statues covered in moss and crumbling;*

4) прилагательные с семой «старый»: *old, obsolete, extinct, bygone, anachronistic.*

Как единичный пример имеет место помещение концептосферы COUNTRY HOUSE во временной вакуум: *a sort of time vacuum*, предполагающее консервацию её эталонных характеристик как условие, наряду с достаточной дистанцией отражения, для возникновения эффекта эха.

К числу аспектов дистанцированности относится также дистанцированность ситуативная, то есть аффилирование с концептосферой COUNTRY HOUSE занятий и ситуаций, отличных от повседневных. Данный аспект был актуализирован в 31% ответов участников эксперимента следующими средствами:

1) обозначение определённого сезона использования усадьбы при помощи лексем с семой «отдых»: *vacations, weekends, holidays*. Ассоциируемым с исследуемым концептуальным пространством временем года становится лето или праздничный сезон (Рождество): *it's always summer in my head, but occasionally Christmas.*

2) вербализация таких эмоциональных состояний, как спокойствие, расслабление, умиротворение: *a place to relax and feel at peace, everything is very still, a serene feeling, a retreat.*

3) номинация определённых характерных для усадебного пространства видов активности (activities): *traditional country activities like hunting, riding, shooting, maybe fishing;* в том числе через отрицание: *work is not done here.*

Деперсонализированному образу концептосферы сопутствует представление о привилегированном общественном классе, аристократии, поместном дворянстве (HERITAGE – ПП «entailment / наследование»,

FAMILY – ПП «birth / происхождение»): *certain type of society, wealthy classes, the aristocracy, wealth and privilege of landed gentry, inherited wealth*, при этом ПП «social life / социальное взаимодействие» демонстрирует стереотипные ассоциации, выраженные номинативными лексическими средствами: *servants, maids, butlers; dinner parties, house parties; hunting, shooting, riding*. Актуализация ПП «objects / объекты» отличается большой детализированностью визуального образа, от крупных элементов: *hahas, fish ponds, badminton courts, Greek-style sculptures, stables*, к более мелким: *fireplaces, tapestries, libraries*. Признак образного компонента *harmony / гармония* предполагает скорее внешнее соответствие, требуемое в качестве правила игры и получающее ритуально-описательное выражение: *passing the port to the left, not being allowed to sit next to your husband*. Не имеет места корреляция предметности с личностно-индивидуальными душевными качествами и чертами характера. Образ владельца усадьбы актуализируется в около 40% случаев и определяется, как правило, богатством: *someone wealthy, rich, sufficiently well off, have money to burn, family fortune*.

В доместикализированном образе концептосферы ПП «birth / происхождение» и «entailment / наследование», напротив, редуцированы; большую плотность актуализации обнаруживает ПП концепта FAMILY «members / члены семьи»: *grandmother, grandfather, grandchildren*. Данный вариант образа лишён приподнятого регистра (*an aspirational element*), отмечаемого респондентами для деперсонализированного образа концептосферы. При актуализации ПП концепта HERITAGE «objects / объекты» обращает внимание помещение предмета в ситуативный контекст, описывающий или предполагающий связанное с предметом действие: *tidy garden, unkempt foliage; doilies everywhere, all crocheted by the lady of the house; boots with mud by the back door, the door is loose*. Такие определения, как «опрятный», «запущенный», «связанный хозяйкой», непосредственно указывают на участие человека; определения типа «грязные» (ботинки), «расшатавшаяся» (дверь) позволяют дополнительно вообразить

предшествовавшую ситуацию. Контекст внутрисемейных отношений отличает и актуализацию ПП «social life / социальное взаимодействие» в форме развёрнутых ситуативных ассоциаций, вербализованных полными распространёнными предложениями:

She'd [grandmother] make cream cheese and jelly sandwiches which I love even as of today! (Бабушка делала сливочный сыр и железные сэндвичи, которые я до сих пор люблю.)

*Part of the attic has been turned into a loft where **the grandchildren** sleep when they come in the summer, and they imagine there are fairies or ghosts in the rafters.* (Внуки спят на чердаке и воображают фей и привидений.)

When the winds blow at dusk the lone dwellers close the shutters to keep candles alight. (Ветреным вечером жильцы закрывают ставни, чтобы не задуло свечи.)

Эмоционально-коннотативные лексемы для описания концептосферы были использованы в 45% ответов респондентов. Эмоциональный фон концептосферы представлен как 100% положительный, однако в зависимости от варианта образа концептосферы лексемы, несущие позитивную коннотацию, принадлежат к различным ТСГ. Для варианта деперсонализации это внушительность: *respectable, extravagant, aspirational*, для варианта доместикализации – уют, комфорт: *cozy, comfy, well-loved, serene*.

Для выявления особенностей актуализации концептуальных признаков концептов-составляющих концептосферы УСАДЬБА среди носителей современного русского языка в данном исследовании применялась та же методика свободного ассоциативного эксперимента, что и для работы с английскими респондентами. Тем не менее, результаты опроса с участием русских информантов демонстрируют несколько другую картину. Состав ядерной триады ДОМ / СЕМЬЯ / НАСЛЕДИЕ сохраняется полностью, однако столь явного расслоения образов концептосферы в зависимости от восприятия базового концепта ДОМ не наблюдается. Релевантным для восприятия, очевидно, оказывается имя концептосферы, выраженное в

английском языке стилистически нейтральной лексемой (*country house*), а в русском – лексемой-историзмом (*усадьба*), в связи с чем абсолютное большинство (90%) информантов не идентифицируют усадьбу с современностью и личным опытом. Около 25% ответов содержат привязку к прошедшей исторической эпохе, актуализируемую с помощью прямого указания (*19 век, царская эпоха*), прецедентных имён (*Толстой, Чехов, Пушкин, Онегин и Татьяна*) и названий (*«Война и мир», «Вишнёвый сад»*), а также историзмов (*помещик, барин, дворяне, терем*). Следует отметить, что собственные имена и названия, маркирующие исторический период, принадлежат исключительно сфере художественной литературы (в отличие от ответов английских информантов, упоминавших также политиков и учёных), а именно произведениям школьной программы. Этим, вероятно, объясняется неупоминание романа И. С. Тургенева «Дворянское гнездо», хотя сама фраза встречается примерно в 10% ответов, что подтверждает её присутствие в языковом сознании независимо от источника. Использование синонима-репрезентанта *дача* (в его современном значении, 5% ответов), а также ассоциации типа *подмосковные вечера, электричка* носят случайный характер и смешиваются в рамках одного ответа с ассоциациями тематико-семантического поля «прошлое», как в следующем примере: *«чай, лето, Толстой, Россия, электричка, 19 век, дворяне, гнездо, хорошо, уют, крыльцо, деревянный дом, дача, отдых»*. Ещё около 5% ответов задействуют современные реалии: *джаз* («Усадьба Jazz», ежегодный международный музыкальный фестиваль под открытым небом), *телеканал* (телеканал «Усадьба» ориентирован на сельских жителей и дачников, освещает тематику недвижимости, ландшафтного дизайна, садоводства).

Несмотря на то, что ответы русских информантов не содержат цельной актуализации деперсонализованного и доместикализованного образа концептосферы УСАДЬБА, в группе ситуативных ассоциаций прослеживается сходная тенденция. Обращает внимание неравномерность (в отличие от результатов опроса информантов-англичан) актуализации

признаков деперсонализованного и доместикализованного образов, с явным преимуществом последнего. А именно: менее частотны (около 23% ответов) ассоциации, связанные с архаическими ситуациями, представление о которых сформировано книжным дискурсом: *бал, музыкальные вечера, поэзия, свечи, дама с зонтиком, длинные платья* (хронологическая дистанцированность). Большинство ответов актуализируют дистанцированность пространственную, связанную с пребыванием вне городской среды: *чаепитие на террасе, лошади пасутся, рады гостям, пение птиц, пахнет свежей землёй, запах дерева, неспешные прогулки, задушевные беседы*. Широкую актуализацию получает ТСГ «природа» (более 50% ответов): *сад, лес, листва, зелень, деревья, сирень, вишня, яблоня, луг, река, собаки, кони*. Ситуативность этого рода соотносится с актуальной для информантов реалией *дача*, что вызывает группу несколько анахронических ассоциаций, связанных с современным смыслом лексемы: *огород, участок, посадки, теплица*. Таким образом, несмотря на осознаваемую и вербализуемую русскими информантами принадлежность концептосферы УСАДЬБА прошедшей исторической эпохе, в построении визуального образа концептосферы опыт реального дачного жизнеустройства играет значительную роль. В связи с гораздо меньшей развитостью в России использования исторических усадеб в качестве гостиниц и игровых форм экскурсионного посещения у русских информантов зачастую отсутствует опыт пребывания в реконструированной среде, в то время как 60% населения (по данным опроса ВЦИОМ 2011 года) имеют дачные участки. При этом 81% дачников используют земельные участки для производства пищевых продуктов для семейного потребления, 30% опрошенных занимаются ландшафтным дизайном, и только для 23% опрошенных дача является местом отдыха. Налицо подмена исторических понятий, своеобразная лексическая рокировка: в России XVIII–XIX вв. обработка земли на дачах в принципе отсутствовала, а хозяйство сводилось к поддержанию территории для летнего отдыха и развлечений, тогда как усадьба представляла собой обширный комплекс жилых и хозяйственных

построек. Русская дача признаётся специфическим национальным феноменом [Нефедова, 2011].

Хотя и единичным, но любопытным примером является пересечение русских и английских реалий: *дамы и джентльмены*; один из ответов прямо актуализирует базовый концепт соответствующей английской концептосферы: *большой дом (house) ... дом (в смысле ощущения – home)*. Тем же информантом упоминаются *кружевные салфетки* – прямое соответствие результатам опроса на английском языке (*doilies*). Очевидно, в данном случае имеет место сугубо индивидуальный лингвокультурный фон информанта, связанный с профессиональной деятельностью (преподаватель-филолог). Тем не менее, данный пример может считаться косвенным свидетельством связи соответствующих концептосфер в английском и русском языках.

Таким образом, данные свободного ассоциативного эксперимента свидетельствуют о возможности формирования под одним именем концептосферы (COUNTRY HOUSE и УСАДЬБА) нескольких образов, каждый из которых имеет в основе эталонную ядерную триаду концептов, но отличается специфическим характером актуализации понятийных, ценностных и образных признаков концептов ядерной триады.

ВЫВОДЫ ПО III ГЛАВЕ

1. Культурно-историческая ситуация рубежа XIX-XX веков способствовала реализации заложенного в концептосферах COUNTRY HOUSE и УСАДЬБА интерпретационно-символического потенциала, в связи с чем продуктивное рассмотрение динамических процессов в концептосфере возможно с привлечением текстов, испытавших на себе влияние концептуализирующего дискурса усадебного романа.

2. Тексты английской и русской художественной литературы XX века отражают первый (символический) и второй (иконический) радиусы эффекта эха и содержат переосмысление взаимоотношений компонентов ядерной триады. Этим этапам свойственно усложнение текстовой организации и отражение ценностного и образного компонентов концептов-составляющих концептосферы с противоположной оценочностью.

3. Третий радиус эффекта эха располагается за пределами художественно-литературного дискурса (дискурса порождения). Этот этап отличается упрощением и унификацией продуцируемых текстов, рассчитанных на быстрое восприятие и программируемую реакцию, и вместе с тем дополнением собственно языковой актуализации концептосфер COUNTRY HOUSE и УСАДЬБА в текстах рекламных объявлений средствами визуальной передачи информации (специфическая организация текста, изображения). Сохранение состава ядерной концептуальной триады означает сохранение идентичности концептосферы при переходе дискурсивной границы, однако исключение негативного полюса оценки служит признаком смены концептуальной интерпретации концептуальной эксплуатацией. Ситуация историко-культурного разрыва, имевшая место в актуализации концептосферы УСАДЬБА, приводит к нарушению баланса ядерной триады в зависимости от типа рекламируемого объекта (музей или гостиница), а также нарушению стилистической целостности, что мешает ожидаемой реакции реципиента (возникновение комического эффекта).

4. Ассоциативный эксперимент, проведённый с участием носителей современного английского языка, продемонстрировал актуальное функционирование концептосферы в двух вариантах, определяемых разницей в актуализации признаков одного из концептов ядерной триады (HOUSE / HOME). Деперсонализация и доместикализация концептосферы выступают как разнонаправленные динамические процессы. Процессу деперсонализации сопутствует стереотипизация оболочки – визуальных примет, эксплуатируемых массовой культурой в качестве знаков-индексов. Противостоящий процесс доместикализации заключается в усилении эмоционального компонента как базы для построения персонализированной эрзац-концептосферы. В этом случае визуальный облик концептосферы перестаёт соответствовать образцу, сохранённому национальной культурой, поскольку этот образец тесно связан с определённой исторической эпохой; источником представлений о предметных признаках концептосферы становится личный опыт. Результаты эксперимента с участием русских информантов свидетельствуют о наличии сходных, но менее чётко оформленных процессов, размывании и смешении исторических и актуальных реалий как результате культурно-исторического разрыва. О фрагментарности и механистичности восприятия оригинального феномена позволяет судить разрозненно-номинативная форма ответов, в отличие от связных текстов, представленных английскими информантами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предлагаемое в данной работе исследование лингвокультурных концептосфер COUNTRY HOUSE и УСАДЬБА имело целью описание и анализ вербальных манифестаций динамики эволюционных процессов, связанных с функционированием концептосферы в дискурсах различных типов. Состав исследуемых концептосфер был выявлен посредством дефиниционного анализа значений лексической единицы – имени концептосферы и его синонимов, а также статистического анализа данных национальных корпусов английского и русского языков. Для реконструкции концептосферы в рамках данного исследования оказалась продуктивной традиционная ядерно-полевая модель, а также предложенное нами понятие эталона и эхо-радиуса концептуальной актуализации, определяемых хронологическими и дискурсивными рамками.

Существующий контекст научных работ лингвокогнитивной, литературоведческой и культурологической направленности демонстрирует, что лингвокультурный концепт дома находит обширное отражение как в фольклорном (паремическом) дискурсе, так и в художественно-литературном. В английской литературе выделяется жанр *country house novel*, в русской – аналогичный и исторически связанный с ним усадебный роман. Поскольку русская лингвокультура демонстрирует хронологически более позднюю актуализацию концептосферы УСАДЬБА, что данные английской лингвокультуры рассматривались как первичные, с вниманием к специфичности или аналогии, обнаруживаемым русской лингвокультурой. С опорой на точку зрения А. Д. Шмелева и Е. Я. Шмелевой о способности жанра генерировать собственную концептосферу был проведён сочетающий приёмы лингвокогнитивного и литературоведческого подходов анализ названного жанра как концептуализирующего дискурса, представляющего эталон актуализации исследуемой концептосферы. В жанровом архетипе, заданном в английской литературе творчеством Дж. Остин, а в русской – произведениями И.С. Тургенева, концептосферы COUNTRY HOUSE и

УСАДЬБА реализуют набор потенциальных сюжетобразующих функций и организуют нарративную схему как цепь речевых ситуаций (контекстов речевого взаимодействия) нескольких типов: «родственная/дружеская беседа», «визит», «бал/приём», «экскурсионное посещение». Микротематический анализ позволил выявить номенклатуру признаков понятийного, ценностного и образного компонента концептов-составляющих исследуемых концептосфер. На основании частотности актуализации этих признаков было определено ядерное положение концептуальной триады HOUSE / HOME (ДОМ) – FAMILY (СЕМЬЯ) – HERITAGE (НАСЛЕДИЕ) и объединяющая роль общего для триады признака образного компонента *harmony/гармония*.

Дальнейшие этапы динамики исследуемой концептосферы рассматривались исходя из её функционирования вне оригинального жанра, так как усадебный роман отличается высокой устойчивостью и осознанной тенденцией к самокопированию, в то время как заимствование сформированной им концептосферы в произведениях более широкой проблематики придало её реализации аспектную новизну. Рассмотренные в этой части работы тексты И. Во, А. Мёрдок и других современных английских авторов, а также русских авторов XX века существуют в насыщенном поле интертекстовых ссылок, в связи с мотивами памяти, прошедшего времени, детства, волшебства. Через приобретение «двойников» актуализация ценностного и образного признаков компонентов концептосферы смещается к негативному полюсу, что трактуется как реакция на стереотипизацию представлений. Актуализация концептосферы английского языка COUNTRY HOUSE отличается последовательностью и непрерывностью в литературном дискурсе, в то время как актуализация русской концептосферы УСАДЬБА в условиях сжатых хронологических рамок уже на эталонном этапе демонстрирует характерную для первого эхорадиуса символизацию и снижение эмоционально-оценочного фона, затем имеет место критический разрыв, результатом которого выступает

фрагментарность и размытость, наблюдаемая в актуализации концептосферы на современном этапе.

Завершая своё существование в качестве актуального исторического феномена, усадьба получает новую жизнь в качестве товара, вместе с которым потребителю продаются его же стремления, надежды и мечты о лучшей версии себя самого. Переход концептосферы COUNTRY HOUSE из литературной в рекламную сферу бытования полностью нивелирует актуализацию негативной оценочности.

Таким образом, эталон языковой реализации концептосферы в данной работе связывается с хронологически первичным примером в тексте (текстах), отвечающий критериям развёрнутости и связности, а также цитируемости как в культурном пространстве изучаемой языковой общности, так и за её пределами. Эталон характеризуется тесной взаимообусловленностью и сбалансированностью элементов ядра концептосферы, а также нулевой суммой актуализации оценочного компонента. Сохранение идентичности концептосферы в дальнейшем определяется сохранением состава её ядра, в то время как ключевые этапы динамики концептосферы отмечены смещением акцента на тот или иной элемент. Явление, называемое в данной работе эффектом эха, связано с градацией оценочного компонента (нейтральный – субъективный – преимущественно негативный – абсолютно позитивный) и реализуется через приёмы композиционного параллелизма и цитатности. Сопоставление концептосфер английской и русской лингвокультур свидетельствует об универсальности выявленных принципов.

В данной работе были обозначены перспективные направления исследования динамики концептосферы, порождённой в рамках отдельного литературного жанра, при выходе её за жанровые рамки, а в дальнейшем и за пределы художественно-литературного дискурса. Развитию высказанных в работе идей будет служить дальнейшее изучение концептуальных

трансформаций при заимствовании и адаптации концептосфер между языковыми картинами мира.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акиньшина, К. Ю. Трансформация художественного образа в рекламе: философско-эстетический анализ [Текст] / К. Ю. Акиньшина // Ползуновский вестник. – 2006. – № 3. – С. 19-27.
2. Алдолина, Р. Дворцы и замки Британии [Текст] / Р. Алдолина. – М.: Белый город, 2014. – 76 с.
3. Алдолина, Р. Особняки Англии в старое время [Текст] / Р. Алдолина. – М.: Белый город, 2013. – 56 с. – (Культура и традиции)
4. Александрович, Н. В. Концептосфера художественного произведения и средства её объективации в переводе [Текст] / Н. В. Александрович. – М.: Флинта : Наука, 2009. – 184 с.
5. Анджапаридзе, Г. А. Ивлин Во – сатирик и лирик [Текст] / Г. А. Анджапаридзе // Waugh E. Prose, memoirs, essays. — М.: Прогресс, 1980. – С. 5-15.
6. Арнольд, И. В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста [Текст] / И. В. Арнольд // Иностранные языки в школе. 1978. № 4. С. 6-13.
7. Артёмова, А. Ф., Леонович, О. А. Названия английских домов [Текст] / А. Ф. Артёмова, О. А. Леонович // Иностранные языки в школе. 2006. № 8. С. 90-94.
8. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 896 с.
9. Аскольдов, С. А. Концепт и слово [Текст] / С. А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к теории текста [Текст]: антология / под общ. ред. В. П. Нерознака. — М.: Academia, 1997. — С. 267-279.
10. Афанасьева, О. В. Концептосфера «Society» и способы ее метафорической репрезентации в английском языке [Текст] : Дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / О. В. Афанасьева. – Белгород, 2010. – 211 с.
11. Бабенко, Л. Г., Казарин, Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 496 с.

12. Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка [Текст] / А. П. Бабушкин. – Воронеж, 1996. – 104 с.
13. Базарова, Л. В. К вопросу о соотношении языка и культуры [Текст] / Л. В. Базарова // Образование и культура России в изменяющемся мире. - Новосибирск, 2007. – С. 72-76.
14. Байбурин, А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян [Текст] / А. К. Байбурин. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 224 с.
15. Балашова, Л. В. Метафора в диахронии (на материале русского языка XI–XX веков) [Текст] / Л. В. Балашова. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1998. – 216 с.
16. Барт Р. Миф сегодня [Текст] // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. – С. 72-130.
17. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. – М: Художественная литература, 1975. – 504 с.
18. Беленко, Е. В. Концептосфера «продукты питания» в национальной языковой картине мира [Текст] : Дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. В. Беленко. – Челябинск, 2006. – 243 с.
19. Беляев, Д. А. Определение и смысл концепта в современной культурфилософии [Текст] / Д. А. Беляев // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 1; Режим доступа: www.science-education.ru/101-5465 (дата обращения: 02.10.2015).
20. Блох, М. Я. Проблема понятий концепта и картины мира в философии языка [Текст] / М. Я. Блох // Преподаватель XXI век. – М.: Прометей; МПГУ, 2007. №1. – С. 101– 105.
21. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии [Текст] / Н. Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001. – 123 с.

22. Болотнов, А. В. Третичные медиатексты как отражение информационного эха [Текст] / А. В. Болотнов // Вестник ТГПУ. – 2015. – № 6 (159). – С. 138-142.
23. Болотнова, Н. С. Концепт [Текст] / Н. С. Болотнова // Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. – Томск, 2008. – 80 с.
24. Борискина, О. О. Теория, методология и опыт познания скрытой категориальности языка [Текст]: Автореф. дисс. ... д. филол. наук : 10.02.19 / О. О. Борискина. – Воронеж, 2011. – 40 с.
25. Брагина, Н. Г. Фрагмент лингвокультурологического лексикона (базовые понятия) [Текст] / Н. Г. Брагина // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 131-138.
26. Буренкова, С. В. Концептосфера нарушенности (на материале немецкого языка) [Текст] : Автореф. дисс. ... д. филол. наук : 10.02.04 / С. В. Буренкова. – Москва, 2009. – 33 с.
27. Быковская, Т. В. Поэтика дома: образы внутреннего пространства человека [Электронный ресурс] / Т. В. Быковская // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 4. – Режим доступа: www.science-education.ru/110-9819 (дата обращения: 05.10.2014).
28. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов [Текст] / А. Вежбицкая (пер. с англ. В. Д. Шмелёва). – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
29. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание [Текст] / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1992. – 342с.
30. Виничук, Н. В. Счастье в контексте образа мира и времени: этнопсихологический аспект [Текст] / Н. В. Виничук // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2008. – № 77. – С. 36-41.
31. Виноградов, С. Музеи-усадьбы: развлекать или просвещать? [Электронный ресурс] / С. Виноградов. – Режим доступа: <http://www.ruskiymir.ru/media/magazines/article/99147/> (дата обращения 30.11.2015)

32. Виноградова, М. С. Лингвоконцептология литературно-художественного текста: постановка проблемы [Текст] / М. С. Виноградова // Вестник ТГУ. – 2007. – № 303 (октябрь). – С. 7-9.
33. Воркачев С. Г. Концепт как «зонтиковый термин» [Электронный ресурс] / // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 24. – М., 2003. – С. 5–12. – Режим доступа: <http://lincon.narod.ru/umbrella.htm> (дата обращения: 07.10.2013)
34. Воркачев, С. Г. Алгебра смысла: имя концепта [Электронный ресурс] / С. Г. Воркачев // Вестник ИГЛУ. Иркутск, 2012. №17. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/algebra-smysla-imya-kontsepta>. – Дата обращения: 18.06.2013.
35. Воркачев, С. Г. Концепт как зонтиковый термин [Текст] / С. Г. Воркачев // М.: Язык, сознание, коммуникация. Вып. 24. 2003. С. 5–12.
36. Воркачев, С. Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты [Электронный ресурс] / С. Г. Воркачев // Известия РАН. Серия лит-ры и языка – 2001. – Т. 60, № 6. – С. 47-58. – Режим доступа: http://lincon.narod.ru/happ_comps.htm (дата обращения 04.05.2014)
37. Воркачев, С. Г. Лингвоконцептология и межкультурная коммуникация: истоки и цели [Текст] / С. Г. Воркачев // Филологические науки. – 2005. – № 4. – С. 76–83.
38. Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании [Текст] / С. Г. Воркачев // Филологические науки, №1, 2001. – № 1. – С. 64-72.
39. Воронцова, М. В. Немцы. Они другие [Текст] / М. В. Воронцова // Вестник МГУ. Сер. 19. – Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 1998. – №4. – С. 67-76.
40. Вронская, А. Г. Основные направления садово-паркового искусства Великобритании конца XIX – начала XX века [Электронный ресурс] / А. Г. Вронская // Ежегодник аспирантских работ Государственного института искусствознания — М., 2005. — С. 44-56. Режим доступа: <http://www.gardenhistory.ru/page.php?pageid=213> (дата обращения 05.10.2015)

41. Вулф, В. Джейн Остин [Текст] / В. Вулф // Остин, Дж. Эмма. – СПб.: Издательский дом «Азбука-классика», 2008. – С. 531-542.
42. Гениева, Е. Ю. Чудо Джейн Остин [Электронный ресурс] / Е. Ю. Гениева. — Режим доступа: <http://apropospage.ru/osten/osten.html> (дата обращения 15.12.2014)
43. Гениева, Е. Ю. Обаяние простоты [Текст] / Е. Ю. Гениева // Остин, Дж. Собрание сочинений. В 3-х т. – Т. 1. – М: Худож. лит., 1988. – 750 с. – С. 5-34.
44. Головинский, А. А. Ментальное пространство прецедентных текстов (на материале англоязычных политических текстов) / А. А. Головинский // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 4 (185). – Вып. 40. – С. 62-68.
45. Городнова, Л. Е. Смысловой континуум понятия «усадьба» [Электронный ресурс] / Л. Е. Городнова // Аналитика культурологии : электронное научное издание. – 2010. – № 17. – Режим доступа: http://www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/195-article_7.html (дата обращения : 11.02.2015)
46. Горянина, Д. А. Возвращение в усадьбу: нарративные структуры как место памяти [Электронный ресурс] / Д. А. Горянина // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2013» / — М.: МАКС Пресс, 2013. – Режим доступа: http://www.rssso.ru/archive/Lomonosov_2013/2310/45296_a806.doc (дата обращения: 03.12.2014).
47. Григорьев, А. А. Между философией и лингвистикой: локус концепта [Текст] / А. А. Григорьев // Постигание культуры: Ежегодник. Вып. 11. – М.: М-во культуры РФ. Рос. Ин-т культурологи, 2001. – С. 224-246.
48. Гудков, Д. Б. Прецедентные феномены в языковом сознании и межкультурной коммуникации [Текст] : Дисс. доктора филол. наук : 10.02.19 / Д. Б. Гудков. – М., 1999. – 400 с.
49. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию [Текст] / В. фон Гумбольдт. – М: Прогресс, 1984. – 400 с.

50. Гуревич, П. С., Шульман, О. И. Ментальность [Текст] / П. С. Гуревич, О. И. Шульман // Философский словарь (под ред. И. Т. Фролова). – М., 2001. – С. 320-322.
51. Гусар, Е. Г. Идеология толерантности и Rules of Political Correctness [Текст] / Е. Г. Гусар // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. – Барнаул: Алт. ун-т, 2006. – Вып. 10. – С. 95–107.
52. Давыденко, И. В. Концепт дом – house / home в значениях синонимов существительных home и house – имен концепта [Текст] / И.В. Давыденко // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. – 2012. – № 1003. – Романо-германська філологія. Методика викладання іноземних мов. – Вип. 70. – С. 75–81.
53. Давыденко, И. В. Средства номинации концепта ДОМ в английском языке: семантико-этимологический анализ [Текст] / И. В. Давыденко // Харьков: Вісник Харків. нац. ун-ту імені В.Н. Каразіна. 2011. № 954. С.132–138.
54. Дворцы. Сады. Усадьбы: Энциклопедия [Текст] / Ред. О. А. Елисеева. – М.: Астрель, 2013. – 448 с. – (Мир энциклопедий Аванта+)
55. Демурова, Н. М. Джейн Остин и её роман «Гордость и предубеждение» [Электронный ресурс] / Н. М. Демурова // Остин, Дж. Гордость и предубеждение. – М., 1967. — Режим доступа: <http://apropospage.ru/osten/ost2.html> (дата обращения 15.12.2014)
56. Демьянков, В. З. Термин «концепт» как элемент терминологической культуры [Текст] / В. З. Демьянков // Язык как материя смысла: Сборник статей в честь академика Н. Ю. Шведовой / Отв. ред. М. В. Ляпон. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007. С. 606–622.
57. Денисов, Ю. Б. Специфика языкового сознания в контексте различных лингвокультур : на английском и русском материалах [Текст]: Автореферат дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Ю. Б. Денисов. – М., 2008. – 26 с.

58. Дмитриева, Е. Е., Купцова, О. Н. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретённый рай [Текст] / Е. Е. Дмитриева, О. Н. Купцова. – М: ОГИ, 2008. – 528 с.
59. Доманский, В. А. Русская усадьба в художественной литературе XIX века: культурологические аспекты изучения поэтики [Текст] / В. А. Доманский // Вестник Томского государственного университета. — 2006. — № 291 (июнь). – С.56-60.
60. Доманский, В.А. Литература и культура. Культурологический подход к изучению словесности в школе [Текст]: Методическое пособие для учителей-словесников / В.А. Доманский. — Томск: Томский государственный университет, 2002. — 64 с.
61. Домашенко А.В. Имя и текст [Электронный ресурс] / А.В. Домашенко // Актуальні проблеми слов'янської філології: міжвуз. зб. наук. ст. – Бердянськ: БДПУ, 2009. – Вип. XXII. – С.37–44. – Режим доступа: <http://holos.org.ru/2010/a-v-domashhenko-imya-i-tekst/> (дата обращения: 07.10.2014)
62. Дуков, Е. Бал как социальная практика в России XVIII-XIX веков [Текст] / Е. Дуков // Музыка быта в прошлом и настоящем. Сб. статей. Ростов: Изд-во Ростовской государственного педагогического университета, 1996. – С. 142–156.
63. Жданова, Л. А., Ревзина, О. Г. «Культурное слово» милосердие [Текст] / Л. А. Жданова, О. Г. Ревзина // Логический анализ языка: Культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – С.56-61.
64. Залевская, А. А. Единая информационная база человека (к уточнению понятия) [Текст] / А. А. Залевская // Вестник Тверского государственного университета. – Серия «Филология». – 2009. – № 25. – Вып. 3 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – С.15-20.
65. Зарубежная литература XX века: практические занятия [Текст] / под ред. И.В.Кабановой. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 472 с.

66. Зусман, В. Г. Диалог и концепт в литературе. Литература и музыка [Текст] / В. Г. Зусман. – Н. Новгород: Деком, 2001. – 167 с.
67. Зусман, В. Г. Концепт в культурологическом аспекте [Текст] / В. Г. Зусман // Межкультурная коммуникация. Н. Новгород: Деком, 2001. – С. 38-53.
68. Зыкова, Е. П. Пастораль в английской литературе XVIII века [Текст] / Е. П. Зыкова. – М.: Наследие, 1999. – 256 с.
69. Ибрагимова, П. А. Концептосфера авторской картины мира (на материале дневников М. М. Пришвина и В. Д. Пришвиной «Мы с тобой: дневник любви») [Текст]: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / П. А. Ибрагимова. – Махачкала, 2011. – 24 с.
70. Ивашева, В. В. Английская литература (XX век) [Текст] / В. В. Ивашева. – М: Просвещение, 1967. – 476 с.
71. Кабанова, И. В. Английский роман 30-х гг. XX века [Текст] / И. В. Кабанова. — Саратов: Изд-во СГУ, 1999. — 160 с.
72. Капитанова, Л. А. Остиновский «синдром» в романе Иэна Макьюэна "Искушение", Статья первая [Текст] / Л. А. Капитанова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 28. – С.80–90.
73. Карасик, В. И. Культурные доминанты в языке [Текст] / В. И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. – Волгоград; Архангельск, 1996. – С. 3-16.
74. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 389 с.
75. Карасик, В. И., Слышкин, Г. Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования [Текст] / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. тр. – Воронеж, 2001. – С.75-80.
76. Карасик, В. И., Ярмахова Е. А. Лингвокультурный типаж «английский чудак» [Текст] / В. И. Карасик, Е. А. Ярмахова. – М.: Гнозис, 2006. – 240 с.

77. Карелова, И. И. Национальная концептосфера и идиоконцептосфера :на материале произведений Л. Е. Улицкой [Текст] : Дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / И. И. Карелова. – Краснодар, 2009. – 237 с.
78. Кармин, А. С. Основы культурологии. Морфология культуры [Текст] / А. С. Кармин. — СПб.: Лань, 1997. — 608 с.
79. Клепальченко, И. А. Сопоставительный анализ лексики семантической группы «Лестницы и элементы лестничных конструкций» (на материале английского и русского языков) [Текст]: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / И. А. Клепальченко. – М., 1999. – 19 с.
80. Князьков, А. А. Педагогическое речеведение. Словарь-справочник [Текст] / А. А. Князьков / Под ред. Т. А. Ладыженской и А. К. Михальской. — М.: Флинта, Наука, 1998. — 312 с.
81. Ковальчук, Л. П. Теория концептуальной интеграции Ж. Фоконы и М. Тернера [Текст] / Л. П. Ковальчук // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2011. – № 1 (8). – С. 97-101.
82. Колесов, В. В. О логике логоса в сфере ментальности [Текст] / В. В. Колесов // Мир русского слова. – 2000. – № 2. – С. 52–59.
83. Колмогорова, А. В. Концепт: конструкт / живое знание / редуцированный опыт? [Текст] / А. В. Колмогорова // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: Материалы XII Международной научно-практической конференции (Иркутск, 13-15 июня 2007 г.). – Иркутск: Изд-во БГУЭП. – С. 63-68.
84. Колмогорова, А. В. Концептуальные особенности прилагательных «blanc» и «noir» в составе адъективно-субъективного сочетания в современном французском языке [Текст]: Дисс. канд. филол. наук: 10.02.05 / А. В. Колмогорова. – Иркутск, 2001. – 198 с.
85. Колмогорова, А. В. Эволюция социально значимого вербального действия *аргументировать* в русском лингвокультурном сознании [Текст] / А. В. Колмогорова // Вестник ИГЛУ. – 2009. – № 1(5). – С. 86-93.

86. Комарова, Ю. А. К проблеме структурно-содержательного описания терминологии языка науки (на материале терминологии английской системы образования) [Текст] / Ю.А. Комарова // Филология и человек. – №4. – 2007.
87. Кононова, И. В. Структура и языковая репрезентация британской национальной морально-этической концептосферы (в синхронии и диахронии) [Текст]: Автореф. дисс... доктора филол. наук : 10.02.04 / И. В. Кононова. – СПб., 2010. – 41 с.
88. Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов [Текст] / О. А. Корнилов. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.
89. Коробко, М. Мир русской усадьбы [Электронный ресурс] / М. Коробко. – Режим доступа: <http://his.1september.ru/2003/34/14.htm> (дата обращения: 04.11.2014).
90. Кострубина, Е. А. Гиперконцепт Семья/Дом – Family/Home в русской и английской лингвокультурах [Текст]: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Е. А. Кострубина. – Омск, 2011. – 21 с.
91. Коути Е. Великобритания. Страна замков, дворцов и парков [Текст] / Е. Коути. – М.: Вече, 2013. – 400 с. – (Исторический путеводитель)
92. Коути Е., Харса Н. Суеверия викторианской Англии [Текст] / Е. Коути, Н. Харса. – М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2011. – 474 с.
93. Кофанова, Г. П. Когнитивно-дискурсивный анализ концепта глобализации в немецком языке [Текст]: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Г. П. Кофанова. – Калининград, 2006. – 27 с.
94. Кравченко, А. В. Когнитивный горизонт языкознания [Текст] / А. В. Кравченко. – Иркутск: Издательство БГУЭП, 2008. – 320 с.
95. Красных, В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация) [Текст] / В. В. Красных. – М.: Диалог-МГУ, 1998. — 352 с.
96. Красных, В. В. Структура коммуникации в свете лингво-когнитивного подхода (коммуникативный акт, дискурс, текст) [Текст] : Дис. доктора филол. наук: 10.02.19 / В. В. Красных. – М., 1999. – 463 с.

97. Красных, В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций [Текст] / В. В. Красных. – М.: ЦТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.
98. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? [Текст] / В. В. Красных. – М.: Гнозис, 2003. — 375 с.
99. Кривалева, О. В. Концепты «небо» и «земля» в русской и немецкой языковых картинах мира [Текст] : Дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / О. В. Кривалёва. – Уфа, 2008. – 213 с.
100. Крючкова, Н. В. Концепт – Референция – Коммуникация [Текст] / Н. В. Крючкова. – Саратов: Изд-во “ИП Баженов”, 2009. – 391 с.
101. Кубрякова, Е. С. Культура, человек и картина мира [Текст] / Е. С. Кубрякова. – М: Наука, 1987. – 187 с.
102. Кубрякова, Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука [Текст] / Е. С. Кубрякова // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 26–34.
103. Куликова, Е. В. Рекламный текст через призму прецедентных феноменов [Текст] / Е. В. Куликова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2010. – № 6. – С. 334-340.
104. Курчина, Е. Тайны английского лабиринта [Электронный ресурс] / Е. Курчина // The New Review — Новое Обозрение. 2003. 23 сентября. Режим доступа: <http://www.the-nr.irk.ru/cafe/englab.htm> (дата обращения: 28.02.2013)
105. Кухаренко, В. А. Интерпретация текста [Текст] / В. А. Кухаренко. – М.: Просвещение, 1988. – 191 с.
106. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем [Текст] / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М.: УРСС, 2004. – 256 с.
107. Ламзина, А. В. Заглавие [Текст] / А. В. Ламзина // Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины. М.: Высшая школа, 1999. – 337 с. – С. 94-107.

108. Ларина, М. Б. Корреляция концепта и антиконцепта в лингвокультуре (на материале концептов MAGIC и GLAMOUR) [Текст]: Дисс. ... канд. филол. наук : 10,02.04, 10.02.19 / М. Б. Ларина. – Новокузнецк, 2011. – 181 с.
109. Лебедев, Ю. В. Роман И. С. Тургенева "Отцы и дети" [Текст] / Ю. В. Лебедев. – М.: Просвещение, 1982. – 144 с.
110. Лётин, В. А., Лётина, Н. Н. Усадьба как космос: Традиция обустройства усадеб в русской культуре XVIII-XIX вв [Текст] / В. А. Лётин, Н. Н. Лётина // Традиционное и нетрадиционное в культуре России. – М: Наука, 2008. – С. 72-116.
111. Литвинцева, Г. Ю. Гиперреальность в эпоху постмодерна [Текст] / Г. Ю. Литвинцева // Вестник СПбГУКИ. – 2011. – № 2. – С. 43-53.
112. Лихачёв, Д. С. Концептосфера русского языка [Текст] / Д. С. Лихачёв // Известия РАН. Сер. лит. и яз. — М., 1993. — Т. 52, № 1. — С. 3–9.
113. Лихачев, Д. С. О русском и чужестранном [Текст] / Д. С. Лихачёв // Русская культура. — М.: Искусство, 2000. — С. 408–418.
114. Лихачёв, Д. С. О садах [Электронный ресурс] / Д. С. Лихачёв. – Режим доступа: <http://ksana-k.narod.ru/Book/3tom/3/garten/index.htm> (дата обращения: 04.11.2010)
115. Лосев, А. Ф. Вещь и имя ; Самое само [Текст] / А. Ф. Лосев. – Спб.: Издательство Олега Абышко, 2008. – 573 с.
116. Лотман, Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста [Текст] / Ю. М. Лотман // Избранные статьи. Т. 1. – Таллинн, 1992. – С. 129-132.
117. Лушникова, Г. И. Когнитивные и лингвостилистические особенности литературной пародии [Текст] / Г. И. Лушникова; ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет». – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. – 215 с.
118. Магницкий, Ю. Г. Массовая коммуникация в условиях постмодерно-цифровой цивилизации: экспертные мнения и оценки [Текст] / Ю. Г. Магницкий // Вестник Амурского государственного университета. – 2014. – Вып. 64 : Сер. Гуманитар. науки. – С. 101-107.

119. Макшанцева, Н. В. Русское [Текст] / Н. В. Макшанцева // Межкультурная коммуникация. Учебное пособие. – Нижний Новгород, 2001. – С.103-137.
120. Мальцева, Л. В. Эмотивно-событийный концепт «ГОРЕ, БЕДА, НЕСЧАСТЬЕ» в русской языковой картине мира [Текст]: Автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Л. В. Мальцева. – Новосибирск, 2009. – 23 с.
121. Маркович, В. М. И. С. Тургенев и русский реалистический роман XIX века (30–50-е годы) [Текст]/ В. М. Маркович. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1982. – 208 с.
122. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие [Текст] / В. А. Маслова. – М.: Тетра Системс, 2004. – 256 с.
123. Маслова, В. А. Лингвокультурология [Текст] / В. А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
124. Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа. – М.: Наука, 1976. – 407 с. – Режим доступа: http://www.gramotey.com/?open_file=1269035710 (дата обращения: 16.06.2013).
125. Меркулов, И. П. Когнитивные типы мышления [Текст] / И. П. Меркулов // Эволюция. Язык. Познание. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 272с. – (Язык. Семиотика. Культура).
126. Меркулова, М. Г., Сатюкова, Е. Г. «Английскость» в отечественном литературоведении: теоретическое осмысление и изучение понятия [Текст] / М. Г. Меркулова. Е. Г. Сатюкова // Гуманитарные исследования. – 2010. – № 4 (36). – С. 221-226.
127. Миронова, Е. Е. Сопоставительный системный анализ английской и русской лексики (на материале лексики архитектурных конструкций) [Текст] : Автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Е. Е. Миронова. – М.: 2001. – 17 с.
128. Муратова, В. Э. Бинарные концепты «любовь / love» и «ненависть / hate (hatred)» в английском и русском песенных дискурсах [Текст]: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / В. Э. Муратова. – Казань, 2010. – 223 с.

129. Мыркин, В. Я. Понятие vs. концепт; текст vs. дискурс; языковая картина мира vs. речевая картина мира [Текст] / В. Я. Мыркин // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: Материалы Междунар. науч. конф. / отв. ред. Т.В. Симашко. – Архангельск: Поморский гос. ун-т, 2002. – С. 46-47.
130. Нахимова, Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации [Текст] / Е. А. Нахимова. – Екатеринбург, 2007. – 207 с.
131. Неверов, А. Английская проза: новое дыхание [Электронный ресурс] : беседа с Татьяной Красавченко / зап. А. Неверов // Литературная газета. – 2010. – № 6-7 (17 февраля). — Режим доступа: <http://www.lgz.ru/article/11708/> (дата обращения: 27.03.2010)
132. Нефедова, Т. Г. Российские дачи как социальный феномен [Текст] / Т. Г. Нефедова // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. – № 15. Осень-зима 2011. – С. 161-172.
133. Никитин, М. В. Развернутые тезисы о концептах [Текст] / М. В. Никитин // Вопросы когнитивной лингвистики. – М., 2004. - №1. - С. 53-64.
134. Новиков, В. И. Русская литературная усадьба [Текст] / В. И. Новиков. – М.: Ломоносовъ, 2012. – 256 с.
135. Овчинников, Вс. Корни дуба. Впечатления и размышления об Англии и англичанах [Электронный ресурс] / Вс. Овчинников. – Новый мир. – 1979. – №№ 4-6. – Режим доступа: http://vivovoco.astronet.ru/VV/E_LESSON/OAK/PART_04.HTM (дата обращения 02.10.2014)
136. Оруэлл, Дж. Англичане [Текст] / Дж. Оруэлл [Пер. с англ. А. Старикова] // Эссе. Статьи. Рецензии. – Пермь: Издательство «КАПИК», 1992. – С. 197-235.
137. Основные понятия семиотики Пирса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iling.spb.ru/pdf/nl/basic.html> (дата обращения: 05.10.2012)
138. Павлова, Т. А. Презентация концепта FAMILY в английской концептосфере (на материале стихов для детей [Текст] / Т. А. Павлова //

Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2011. – Вып. 2. – С. 105–110.

139. Павловская, А. В. 5 o'clock и другие традиции Англии [Текст] / А. В. Павловская. – М.: Алгоритм, 368 с.

140. Павловская, А. В. Англия и англичане [Текст] / А. В. Павловская. – М.: Издательство Московского университета; Памятники исторической мысли, 2005. — 270 с.

141. Паксман, Д. Англия: портрет народа [Текст] / Д. Паксман. – СПб.: Амфора, 2009. – 380 с.

142. Педагогическое речеведение. Словарь-справочник / Под ред. Т. А. Ладыженской и А. К. Михальской; сост. А. А. Князьков. – М.: Флинта, Наука, 1998. – 312 с.

143. Пойзнер, Б. Н., Соснин, Э. А. Критерии лизинга концептов в междисциплинарных исследованиях [Текст] / Б. Н. Пойзнер, Э. А. Соснин // Вестник ТГУ. – 2008. – № 3. – С. 28-32.

144. Попова, З. Д. «Слабые места» публикаций по когнитивной лингвистике (к проблеме унификации и стабилизации лингвокогнитивной терминологии) [Текст] / З. Д. Попова // Язык. Этнос. Картина мира. 2003. Вып. 1. С. 16-23.

145. Попова, З. Д., Стернин И. А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях [Текст] / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 2000. – 30 с.

146. Попова, З. Д., Стернин, И. А. Когнитивная лингвистика [Текст] / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М.: АСТ: Восток–Запад, 2007. – 314 с.

147. Попова, З. Д., Стернин, И. А. Язык и национальная картина мира [Текст] / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж, 2003. – 59 с.

148. Попова, З. Д., Стернин, И. А., Чарыкова О. Н. К разработке концепции языкового образа мира (материалы для обсуждения) [Текст] / З. Д. Попова, И. А. Стернин, О. Н. Чарыкова // Язык и национальное сознание. – Воронеж, 1998. – С. 21-23.

149. Прокофьева, Е. В. Джейн Остин и её современницы [Текст] / Е. В. Прокофьева, Е. Коути. – СПб.: ВHV, 2015 г. – 368 с.
150. Прохоров, Ю. Е. К проблеме «концепта» и «концептосферы» [Текст] / Ю. Е. Прохоров // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2005. – Вып. 30. – С. 74-94.
151. Прохоров, Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев [Текст] / Ю. Е. Прохоров. – М., 1996. – 224 с.
152. Прохоров, Ю. Е., Стернин, И. А. Русские: коммуникативное поведение [Текст] / Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин. – М.: Флинта, Наука, 2007. – 328 с.
153. Радзиевская, Т. В. Улыбка в авторском повествовании, или о дискурсивном аспекте формирования концепта [Текст] / Т. В. Радзиевская // Логический анализ языка. Языко - вые механизмы комизма. – М.: Индрик, 2007. – С. 423–435.
154. Русяева, М. М. Концептосфера «человек/личность» в художественном тексте средневерхненемецкого периода : на материале «Песни о Нибелунгах» [Текст] : Дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / М. М. Русяева. – Саранск, 2007. – 239 с.
155. Рыкунов, Р. Н. Концептосфера эмоций и особенности ее выражения в лексике английского языка [Текст] : Автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Р. Н. Рыкунов. – СПб, 2008. – 17 с.
156. Сады и время [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.gardenhistory.ru/page.php?pageid=1> (дата обращения: 13.11.2014)
157. Сапир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии [Текст] : [Пер.с англ.] / Э. Сапир; общ. ред. и вступ.ст. А. Е. Кибрика. — М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс». — 1993. — 656 с.
158. Саркисова, А. Ю. И. С. Тургенев и английский роман о «дворянских гнездах» (поэтика усадебного романа) [Текст] : Автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / А. Ю. Саркисова. – Томск: Томский государственный университет, 2009. – 26 с.

159. Свицова, А. А. Лингвокультурная доминанта «Дом – Родина – Чужбина» в русских и английских пословицах [Текст]: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А. А. Свицова. – Киров, 2005. – 20 с.
160. Сергеева, Е. Н. Понятие концепта и аспекты его изучения в современной лингвистике [Текст] / Е. Н. Сергеева // Вестник ВЭГУ, 2009, № 3 (41). – С. 72-85.
161. Славгородский, Е. И. Проблема соотношения мышления, языка и культуры в научном наследии Д. С. Лихачева [Электронный ресурс] / Е. И. Славгородский. — Режим доступа: <http://www.orthedu.ru/culture/lihachev/slavgorodsky.htm> (дата обращения: 13.09.2012)
162. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты [Текст] : автореф. дисс.. д. филол. н. : 10.02.19 / Г. Г. Слышкин. – Волгоград, 2004. – 39 с.
163. Смирнов, В. П. Большой полутолковый словарь одесского языка [Текст] / В. П. Смирнов. – М.: Полиграф, 2003. – 488 с.
164. Смыслова, С. Л. Концепт “учитель” в русском педагогическом дискурсе рубежа XIX-XX вв. [Текст]: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / С. Л. Смыслова. – Тюмень, 2007. – 23 с.
165. Соколов, Б. М. Английская теория пейзажного парка в XVIII столетии и ее русская интерпретация [Текст] / Б. М. Соколов // Искусствознание. — 2004. — №1. — С. 157-173.
166. Соколов, Б.М. Британская теория пейзажного садоводства и её место в культуре русского Просвещения [Электронный ресурс] / Б.М.Соколов. — Режим доступа: <http://ideashistory.org.ru/pdfs/19sok.pdf> (дата обращения: 21.11.2013)
167. Соснин, А. В. Средства вербализации концепта «Лондон» в английском культурном пространстве: Монография [Текст] / А. В. Соснин. – Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – Н. Новгород: ООО «Стимул-СТ», 2011. – 280 с.

168. Сосницкая, М. С. Мелкопоместное дворянство у Гоголя и Бунина [Электронный ресурс] / М. С. Сосницкая. – Режим доступа: <http://www.domgogolya.ru/science/researches/205/> (дата обращения 30.11.2015)
169. Степанов, Ю. С. «Интертекст» – среда обитания культурных концептов [Электронный ресурс] / Ю. С. Степанов. – Режим доступа: <http://abuss.narod.ru/Biblio/stepanov1.htm> (дата обращения: 05.10.2013)
170. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры [Текст] / Ю. С. Степанов. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
171. Стернин, И. А., Ларина, Т. В., Стернина, М. А. Очерк английского коммуникативного поведения [Текст] / И. А. Стернин, Т. В. Ларина, М. А. Стернина. – Воронеж, 2003. — 185 с.
172. Стернин, И. А., Попова, З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике [Текст] / И. А. Стернин, З. Д. Попова. – Воронеж: 2001. 191 с.
173. Стефанский, Е. Е. К методологии изучения языковой концептосферы (на примере эмоциональных концептов в славянских языках) / Е. Е. Стефанский // Московский лингвистический журнал. – 2006. – Т. 9. – № 1. – С. 16–28.
174. Тарасова, И. А., Борисова, М. Б. Идиостиль Георгия Иванова: когнитивный аспект [Текст] / И. А. Тарасова, М. Б. Борисова. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2003. – 280 с.
175. Теплых, Р. Р. Концептосферы английских и русских текстов детективов и их языковое представление [Текст] : Дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Р. Р. Теплых. – Уфа, 2007. – 180 с.
176. Терских, М. В. Реклама как интертекстуальный феномен [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / М. В. Терских. - Омск, 2003. – 26 с.
177. Тульчинский, Г. Л. К упорядочению междисциплинарной терминологии [Текст] / Г. Л. Тульчинский. – Психология процессов художественного творчества. – Л., 1980. – С. 241-245.

178. Тульчинский, Г. Л. Культура в шоппе [Текст] / Г. Л. Тульчинский // Нева, 2007. – № 2. – С. 128-149.
179. Тураева, З. Я. Лингвистика текста. Текст: структура и семантика [Текст] / З. Я. Тураева. — М.: Просвещение, 1986. — 127 с.
180. Убийко, В. И. Концептосфера человека в семантическом пространстве языка [Текст] / В. И. Убийко // Оренбург: Вестник ОГУ. 2004. № 5. С. 37-40.
181. Уваров, М. С. Оппозиции языка и текста в культуре XX века [Текст] / М. С. Уваров // Философский век: Альманах. – Вып. 7. – СПб., 1998. – С. 33–51.
182. Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов — М.: Сов. Энциклопедия, 1983. — 840 с.
183. Фоминых, Н. В. Концепт, концептор и художественный текст [Текст] / Н. В. Фоминых // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001. – С. 176-179.
184. Фрумкина, Р. М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? [Текст] / Р. М. Фрумкина // Язык и наука конца XX века. – М., 1995. – С. 74-117.
185. Хабибуллина, Л. Ф. Национальный миф в английской литературе второй половины XX века [Текст]: Дисс. ... д. филол. наук : 10.01.03 / Л. Ф. Хабибуллина. – Казань, 2010. – 392 с.
186. Хайруллина, Д. Д. К вопросу о типологии концептов [Текст] / Д. Д. Хайруллина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2010. – № 1 (5). – Ч. 2. – С. 218-220.
187. Храмова, Ю. А. Концептуальная диада «лицемерие – искренность» [Текст]: Дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Ю. А. Храмова. – Волгоград, 2010. – 232 с.
188. Цветкова, М. В. Английское [Текст] / М. В. Цветкова // Межкультурная коммуникация. Учебное пособие. – Нижний Новгород, 2001. – С.158-183.

189. Цветкова, М. В. Концепт "Englishness": основные константы / М. В. Цветкова // Научная конференция "Проблема национальной идентичности в культуре и образовании России и Запада". Т.2. – Воронеж, 2000 г. – С.87-93ю
190. Цветкова, М. В. "Home", "freedom", "privacy", "common sense", "sense of humour" как ключевые слова английской культуры / М. В. Цветкова // Проблемы литературы, языка и перевода. Сборник научных трудов. НГЛУ им. Н.А.Добролюбова. – Нижний Новгород, 2001. – С. 123-139.
191. Чубукова, Е. И. Смыслы мифа: мифология в истории и культуре [Текст] / Е. И. Чубукова // Сборник в честь 90-летия профессора М.И. Шахновича. Серия «Мыслители». Вып. №8. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского философского общества, 2001. – С. 300.
192. Чулкина, Н. Л. Концептосфера русской повседневности как объект лингвокультурологии и лексикографии [Текст] : Дисс. ... доктора филол. наук : 10.02.01 / Н. Л. Чулкина. – Москва, 2005. – 345 с.
193. Шаховский, В. И. Эмоциональная / эмотивная компетенция в межкультурной коммуникации (Есть ли неэмоциональные концепты?) [Электронный ресурс] / В. И. Шаховский // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2009. – № 16. – Т. 1. – С. 7-14. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=13090362> (дата обращения: 05.10.2013).
194. Шестаков, В. П. Английская литература и английский национальный характер [Текст] / В. П. Шестаков. – СПб.: Нестор-История, 2010. – 321 с.
195. Шестаков, Д. П. О двух романах Айрис Мэрдок [Текст] / Д. П. Шестаков // Мэрдок А. Под сетью. Дикая роза: Романы. – М.: Радуга, 1989. – С. 5-18.
196. Шмелев А. Д., Шмелева Е. Я. Стереотипы русского анекдота [Текст] / А. Д. Шмелев, Е. Я. Шмелева // Стереотипность и творчество в тексте. — Вып. 8. — Пермь: Пермск. ун-т, 2008. — С. 272-280.

197. Щербина, Ю. В. Эхотекст как воля и представление [Электронный ресурс] / Ю. В. Щербина // Нева. – 2014. – № 8. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/neva/2014/8/10sch-pr.html> (дата обращения 17.08.2014)
198. Щукин, В. Г. Миф дворянского гнезда: Геокультурологическое исследование по русской классической литературе [Текст] / В. Г. Щукин. – Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1997. – Ss. 315.
199. Щукин, В. Г. Усадебный текст русской литературы: основные параметры [Текст] / В. Г. Щукин // Studia Rossica. VI. – Warszawa, 1998. – С. 87-100.
200. Эко, У. Заметки на полях «Имени розы» [Текст] / У. Эко. – М.: Астрель: CORPUS, 2011. – 160 с.
201. Южалина, Н. С. Менталитет как социокультурная целостность [Текст] : автореф. дисс. ... канд. культурологи : 24.00.01 / Н. С. Южалина. – Екатеринбург, 2003. – 30 с.
202. Юлтимирова, С. А. Различные подходы к трактовке термина «концепт» [Электронный ресурс] / С. А. Юлтимирова. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/NPM_2006/Philologia/3_jultimirova.doc.htm (дата обращения: 02.10.2014)
203. Якубовская, И. В. Историко-культурный текст викторианской эпохи: коттедж в образе жизни англичан XIX в. [Текст] / И. В. Якубовская // Фигуры истории, или "общие места" историографии. Вторые Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории. – СПб.: Изд-во "Северная звезда", 2005. – С. 450–457.
204. Яровой, И. Ю. Современное использование усадеб: опыт систематизации [Электронный ресурс] / И. Ю. Яровой // Международный электронный научно-образовательный журнал АМІТ. – 2015. – № 1 (30). – Режим доступа: <http://www.marhi.ru/AMIT/2015/1kvart15/yarovoy/yarovoy.pdf> (дата обращения 05.10.2014)

205. Abdul Kaleque, S. M. Jane Austen's Idea of a Home. – Режим доступа: <http://www.jasna.org/persuasions/on-line/vol26no1/kaleque.htm> (дата обращения 07.10.2014)
206. Adkins, R., Adkins, L. Eavesdropping on Jane Austen's England. – Little, Brown and Company, 2014. – 422 p.
207. Baxendale, John. Priestley's England. Manchester University Press, 2007.
208. Bradbury, M. The modern British novel: 1878 – 2001. Penguin Books Ltd., 2001. 656 p.
209. Cook, O. The English Country House: An Art and a Way of Life. – W W Norton & Co Inc, 1984. – 240 p.
210. Cooper, C. The House As Symbol of Self // Environmental Psychology. U.S.A.: Holt, Rinehart and Winston, 1976.
211. Cruickshank, D. The Country House Revealed^ A Secret History of the British Ancestral Home. – BBC Books, 2011. – 288 p.
212. Duckworth, Alistair M. The improvement of the estate: A study of Jane Austen's Novels. Baltimore & London: the Johns Hopkins Press, 1994. 280 p.
213. Fauconnier G. Mappings in thought and language. Cambridge University Press, 1997.
214. Fauconnier G., Turner M. Mental spaces: conceptual integration networks // Cognitive linguistics: basic readings / edited by Dirk Geeraerts. Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2006. P. 303-371.
215. Finch, J., Hayes, L. 1994, Inheritance, Death and the Concept of Home // Sociology. – 1994. – № 28(2). – Pp. 417-433.
216. Girouard, M. Life in the English Country House: A Social and Architectural History. – Yale University Press, 1987. – 344 p.
217. Grossman, Lev. The Tragedy of the English Country House [Электронный ресурс] // TIME Entertainment. 2012. 12 мая. Режим доступа: <http://entertainment.time.com/2012/05/02/the-tragedy-of-the-english-country-house/> (дата обращения: 02.03.2013)

218. Guedon-De Concini, C. Visions and Revisions of the National Past in the British Country-House Novel, 1900-2001. - 2008. – 237 p.
219. Guiffre, G. Sex, Self and Society in “Mansfield Park”. Sydney Studies in English. 1983-1984. – 9. – Pp. 76-93.
220. Hartwig, H. Sentiment and History in “The Remains of the Day” // Otherness: Essays and Studies 2.1. August 2011. – Режим доступа: http://www.otherness.dk/fileadmin/www.othernessandthearts.org/Publications/Journal_Otherness/Otherness_Essays_and_Studies_2.1/7.Heidi_Hartwig.pdf (дата обращения: 05.10.2014)
221. James H. English Hours. Higgins Press, 2008. 436 p.
222. Kelsall, M. The Great Good Place: The English Country House and English Culture. – New York: Columbia, 1993. – 324 p.
223. Kettle, A. An Introduction to the English Novel – Volume One: Defoe to George Eliot. Northup Press, 2007. 204 p.
224. Kumar, K. The Making of English National Identity. – Cambridge University Press, 2003. – 382 p.
225. Lakoff G. The Invariance Hypothesis: Is Abstract Reason Based on Image Schemata? // Cognitive Linguistics. 1990. Vol. 1 (1).
226. Leavis, Q. D. The Englishness of the English Novel. – Cambridge University Press, 1983. – 364 p.
227. Lovell, S. Summerfolk: A History of the Dacha, 1710-2000. – Cornell University Press, 2003. – 260 p.
228. Lucas, John. The deep foundations of the country house novel. The Guardian. 2001. Feb 1st. Режим доступа: <http://www.theguardian.com/books/booksblog/2011/feb/01/country-house-novel> (дата обращения 03.04. 2014)
229. McBride, K. B. Country House Discourse in Early Modern England: A Cultural Study of Landscape and Legitimacy. Ashgate Pub Ltd, 2002. –191 p.
230. Miers, M. The English Country House. – Rizzoli (RCS MediaGroup), 2007. – 480 p.

231. Moore, J. Placing Home in Context. – Journal of Environmental Psychology, 2000, 20(3). – Pp. 207-217.
232. Morrison, B. The country house and the English novel. The Guardian. 2011. June 11th. Режим доступа: <http://www.theguardian.com/books/2011/jun/11/country-house-novels-blake-morrison> (дата обращения 03.04. 2014)
233. Nicolson, H. The English Sense of Humour; and Other Essays. Funk & Wagnalls, 1968. 208 p.
234. Poggioli, R. The Oaten Flute: Essays on Pastoral Poetry and the Pastoral Ideal — Cambridge: Harvard University Press, 1975. — 338 p.
235. Relph, E. Place and Placelessness. London: Pion Ltd., 1976.
236. Reviron-Piegay, F. Englishness Revisited. Cambridge Scholars Publishing, 2009. 425 p.
237. Richetti, John. The Columbia History of British Novel. Columbia University Press, 1994. 1064 p.
238. Shaw, L., Brookes, B. Constructing Homes: Gender and Advertising. – Home and Building 1936-1970, New Zealand Journal of History 33(2), 1999. – Pp. 200-220.
239. Stannard, M. Evelyn Waugh. — London: Dent, 1986-1992. — 537 p.
240. The Oxford Illustrated History of English Literature [Edited by Pat Rodgers]. – Oxford University Press, 1994. – 528 c.
241. Tsvetkova, M. V. "Gentleman" as one of the Major Concepts of the English Mentality. Proceedings 7th Annual NNELTA Conference Developing Cultural Awareness and Building Communication. - Nizhny Novgorod, 2001. - P. 60-61.
242. Turner M. Aspects of the Invariance Hypothesis // Cognitive Linguistics. 1990. Vol. 1 (2).
243. Tyzack, A. Nice house, but it's the name that counts... // The Telegraph. – 2007. – May 19th. – Режим доступа: <http://www.telegraph.co.uk/finance/property/advice/propertymarket/3358096/Nice-house-but-its-the-name-that-counts.html> (дата обращения 05.10.2013)

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

1. AD – Alpha Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: http://www.alphadictionary.com/directory/Specialty_Dictionaries/Etymology/ – Дата обращения: 13.09.2014
2. AWD – All Words Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.allwords.com/> – Дата обращения: 01.09.2014
3. CALD – Cambridge Advanced Learner's Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <http://dictionary.cambridge.org/> – Дата обращения: 02.02.2015
4. CED – Collins English Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english> – Дата обращения: 27.10.2015
5. FD – Free Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.thefreedictionary.com/> – Дата обращения: 30.11.2014
6. LDOCE – Longman Dictionary of Contemporary English [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ldoceonline.com/> – Дата обращения: 25.10.2015
7. MMD – MacMillan Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.macmillandictionary.com/> – Дата обращения: 12.04.2014
8. MWD – Merriam-Webster Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.merriam-webster.com/> – Дата обращения: 27.03.2015
9. OED – Oxford English Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.oed.com/> – Дата обращения: 15.09.2015
10. OEtD – Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.etymonline.com/> – Дата обращения: 10.09.2014
11. OLD – Oxford Learner's Dictionaries [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> – Дата обращения: 27.02.2014
12. RHD – Random House Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <http://dictionary.reference.com/> – Дата обращения: 27.10.2015
13. WD – Webster's Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.webster-dictionary.org/> – Дата обращения 15.05.2014

14. YD – Your Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.yourdictionary.com/> – Дата обращения: 31.08.2014
15. БЛС – Большой лингвострановедческий словарь [Текст]. – М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина. АСТ-Пресс, 2007. – 737 с.
16. КС – Ашукин, Н. С., Ашукина, М. Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения [Текст] / Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. – М.: Правда, 1986. – 768 с.
17. СП – Синдаловский, Н. А. Словарь петербуржца [Текст] / Н. А. Синдаловский. – М.: Центрполиграф, 2014. – 650 с.
18. ТСЖВЯ – Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст] / В. Даль. – М.: Русский язык, 1981.
19. ФС – Фёдоров, Ф. И. Фразеологический словарь русского литературного языка [Текст] / Ф. И. Фёдоров. – М.: АСТ, Астрель, 2008. – 619 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА (ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТЕКСТЫ)

1. Барнс, Дж. Англия, Англия [Текст] / Дж. Барнс [Пер. с англ. Р. Силаковой]. – М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2012. – 368 с.
2. Во, И. Избранное: Сборник [Текст] : [Пер. с англ. Г.Анджапаридзе] / И. Во. – М: Прогресс, 1979. – 654 с.
3. Мэрдок, А. Под сетью. Дикая роза [Текст] / А. Мэрдок [Пер. с англ. М. Лорие]. – М.: Радуга, 1989. – 464 с.
4. Остин, Дж. Мэнсфилд-парк [Текст] / Дж. Остин [Пер. с англ. Р. Облонской]. – СПб: Издательский Дом «Азбука-классика», 2008. – 512 с.
5. Остин, Дж. Нортенгерское аббатство [Текст] / Дж. Остин [Пер. с англ. И. С. Маршака]. – М.: АСТ, 2010. – 320 с.
6. Остин, Дж. Собрание сочинений. В 3-х т. Т. 1. Чувство и чувствительность; Гордость и предубеждение [Текст] / Дж.Остин [Пер. с англ. И. Гуровой, И. Маршака]. – М: Худож. лит., 1988. – 750 с., ил.

7. Остин, Дж. Эмма [Текст] / Дж. Остин [Пер. с англ. М. Кан]. – СПб.: Издательский дом «Азбука-классика», 2008. – 544 с.
8. Тургенев, И. С. Дворянское гнездо [Текст] / И. С. Тургенев // Полное собрание сочинений и писем. – В 28 т. – Т. 7. – М.-Л.: Наука, 1964. – С. 123-294.
9. Тургенев, И. С. Отцы и дети [Текст] / И. С. Тургенев // Полное собрание сочинений и писем. – В 28 т. – Т. 8. – М.-Л.: Наука, 1964. – С. 193-402.
10. Austen, Jane. Emma. – Penguin Classics, 2003. – 512 p.
11. Austen, Jane. Mansfield-Park. — Wordsworth Classics, 2000. — 348 p.
12. Austen, Jane. Northanger Abbey. – CreateSpace Independent Publishing Platform, 2014. – 236 p.
13. Austen, Jane. Persuasion. – CreateSpace Independent Publishing Platform, 2014. – 150 p.
14. Austen, Jane. Pride and Prejudice. – Sterling Publishing, 2012. – 325 p.
15. Austen, Jane. Sense and Sensibility. – CreateSpace Independent Publishing Platform, 2014. – 222 p.
16. Waugh, Evelyn. Brideshead Revisited. – Black Bay Books, 2012. – 432 p.
17. Barnes, J. England, England. – Vintage, 2008. – 272 p.
18. Murdock, I. An Unofficial Rose. – Vintage Classics, 2001. – 304 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА (ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ)

1. About Travel [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.about.com/travel/> – Дата обращения: 15.10.2014
2. Big Cottage Company [Электронный ресурс]. – URL: <http://bigcottage.com/> – Дата обращения: 03.04.2015
3. Big Holiday House [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.bigholidayhouse.com/> – Дата обращения: 13.11.2014
4. HF Holidays [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.hfholidays.co.uk/> – Дата обращения: 05.05.2015

5. Holiday Castle Rentals [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.holiday-chateau.com/> – Дата обращения: 17.03.2015
6. Holiday Lettings [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.holidaylettings.co.uk/> – Дата обращения: 17.09.2014
7. Unique Home Stays [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.uniquehomestays.com/> – Дата обращения: 27.10.2014

ПРИЛОЖЕНИЕ

Табл. 1. Микротемный состав в РС типа «родственная/дружеская беседа» в романе И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» (гл. 1-2)

микротема	речевое воплощение
1. Этикетные элементы, светские темы (погода)	<i>А Елизавета Михайловна здоровы?</i> <i>Какие чудесные облака!</i>
2. Высказывание оценочных суждений	<i>Сергей Петрович – почтенный человек</i> <i>Ну, и то сказать – попович!</i>
3. Обсуждение социальных взаимодействий	<i>тот его за уши из грязи вытащил</i> <i>что рот раскроет, то солжёт или насплетничает</i>
4. Вопросы хозяйства и благоустройства, слуги	<i>Что это у тебя, никак седой волос, мать моя? Ты побрани свою Палашку. Чего она смотрит?</i>
5. Сообщение новостей	<i>... да вот, пожалуйста, есть новость, и преудивительная: Лаврецкий Фёдор Иванович приехал</i>
6. Обсуждение семейных отношений	<i>Муж всегда виноват... когда жена нехорошо ведёт себя.</i> <i>Ну, да и женился он по любви, а из этих любовных свадеб ничего путного никогда не выходит.</i> <i>ведь он мне... внучатный племянник</i>

Табл. 2. Микротемный состав в РС типа «родственная беседа / визит» в романе И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» (гл. 1-2)

микротема	речевое воплощение
1. Этикетные формулы	<i>Здравствуйте, здравствуйте, мой милый cousin! Как я рада вас видеть!</i> <i>Как здоровье ваше?</i> <i>Как вас господь милует?</i> <i>Хоть чаю напейся, мой батюшка.</i>
2. Социальные связи, воспоминания	<i>а я вас узнал, даром что уже восемь лет минуло с тех пор, как я вас видел в последний раз</i>
3. Обсуждение ближайших планов	<i>Надолго ли вы к нам?</i> <i>Я приехал теперь из Берлина и завтра же отправляюсь в деревню – вероятно, надолго.</i>
4. Жизнь в поместье	<i>Вы, конечно, в Лавриках жить будете?</i>

	<i>У вас в Лавриках такой чудесный дом!</i> <i>Да... но и в той деревушке есть флигелёк; а мне пока больше ничего не нужно. Это место – для меня теперь самое удобное.</i> <i>у нас... не то что в ваших Лондонах да Парижах</i>
5. Семейные и родственные связи, воспитание детей	<i>На мать ты свою похож стал, на голубушку, только нос у тебя отцовским был, отцовским и остался.</i> <i>Твой батюшка покойный... хорошо сделал, что швейцарца тебе нанял... гимнастикой, что ли, это прозывается?</i> <i>от родителей зависит счастье детей</i> <i>и воспитала-то детей, и учила их, всё я</i> <i>съезди ты, поклонись гробу матери твоей, да и бабкину гробу кстати... может быть, они и почувствуют в своих могилах, что ты пришёл</i>
6. Вопросы хозяйства и благоустройства	<i>у нас сливки славные</i>
7. Оценочные суждения	<i>Не правда ли, какой Владимир Николаич приятный молодой человек!</i> <i>Он хорошей фамилии, служит прекрасно, умен, ну, камер-юнкер...</i> <i>молодец мне не нравится</i> <i>Разве она богомольна? – Да, Федя, очень. Больше нас с тобою, Федя.</i>
8. Любовь и брак	<i>он без ума от моей Лизы</i> <i>чай, под секретом тебе сообщила, что вот, мол, какой наворачивается жених</i> <i>Ну, а Лиза к нему равнодушна?</i> <i>А Лизе за Паниным не быть, не беспокойся; не такого мужа она стоит.</i>

Табл. 3. Микротемный состав в РС типа «визит / приём» в романе И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» (гл. 39)

1. Заграничные новости, моды	<i>Ах, покажите, пожалуйста, что это у вас за прелестная мантилья? – Она очень прОстинькая, от madame Baudran</i>
2. Этикетное приглашение	<i>Ведь вы обедаете с нами, я надеюсь</i>

3. Compliments	<i>Mais elle est délicieuse! (фр. «Да она прелестна!»)</i> <i>Я слышала, моя милая, что вы замечательная виртуозка.</i>
4. Acquaintances	<i>Молодой человек? Кто он такой?</i>
5. Family, marital relations	<i>я хочу попытаться помирить вас с вашим мужем</i>